

*Санкт-Петербургский государственный аграрный университет
Пушкинский центр аналитических исследований и прогнозирования
Российское общество реалистической философии*

Национальные и цивилизационные основы русского мира

Материалы VII Международной научно-практической конференции,

**посвященной Году культуры
и 110-летию**

Санкт-Петербургского государственного аграрного университета

**Санкт-Петербург
2014**

Материалы VII международной научно-практической конференции
«Национальные и цивилизационные основы русского мира».
26-27 июля 2014 года, Санкт-Петербург – Пушкин.

Национальные и цивилизационные основы русского мира

Под редакцией В. Л. Обухова, И. В. Солонько

Организаторы конференции:
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет
Пушкинский центр аналитических исследований и прогнозирования
Российское общество реалистической философии

Оргкомитет

Руководитель: проф., ректор СПбГАУ В.А. Ефимов
Заместитель: доц., проректор СПбГАУ И.В. Солонько
Члены оргкомитета: проф., В.Л. Обухов, доц., Е.Г. Бессонов, доц., М.В. Величко
Исполнительный секретарь: доц. П.А. Нуттунен

Все материалы публикуются в авторской редакции.

Компьютерная верстка — К.А. Нехаенко, П.А. Нуттунен

© СПбГАУ, 2014

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

В. А. ЕФИМОВ, д. э. н., профессор, ректор
СПбГАУ (spbgau@mail.ru)

Миссия русской цивилизации в эпоху глобализации

*Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить,
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.*
Ф. И. Тютчев

В понятие «Русская цивилизация» мы вкладываем представление о той общности людей, которую формирует не национальная принадлежность, а единое по своему смыслу миропонимание, единообразное различие объективных, Богом заданных границ добра и зла, общие идеалы нравственности и этики. Важнейшими скрепами Русской цивилизации являются справедливость или Божья праведность, русский язык и замысел будущего, закодированный в поэтическом творчестве и рисунках пророка Русской цивилизации А. С. Пушкина, на уровне второго смыслового ряда. А. С. Пушкин, несомненно, по своей родовой генетике, по линии, как матери, так и отца унаследовал ключи доступа к жреческим эгрегорам древности. Кроме того, фактическая его воспитательница – няня, Арина Родионовна – была представительницей древней русской традиции миропонимания.

В наднациональности понятия «русский» вы убедитесь, открыв энциклопедию, где прочтете: великий русский поэт А. С. Пушкин, великий русский художник Исаак Левитан, великий русский языковед В. И. Даль. Они, как и многие другие, не были «русскими по национальности», но ни у кого не возникает сомнений в их принадлежности к особой русской культуре, отличной от культуры иных региональных цивилизаций. Без их творческого наследия то социальное явление, которое получило название «русская культура», обеднело бы. И они — не единственные творцы русской многонациональной культуры, в чьих жилах текла «иноплеменная кровь».

Слова «Русский человек», применительно к любой национальности, звучат так же естественно и определённно, как и слова «западный» или

«восточный человек». Русский — это понятие наднациональное, характеризующее принадлежность к определённой цивилизации.

Идея справедливости является неистребимым генетическим кодом русской цивилизации, способным переформатировать глобальные тенденции на переход общества от человекообразия к человечности. Это обстоятельство представляет угрозу для нынешних глобализаторов, стремящихся низвести человечество до животного типа строя психики. Именно эта цивилизационная особенность русского духа делает нас страной-изгоем в глазах хозяев ныне господствующей безбожной концепции завуалированного рабовладения, реализуемой руками лидеров-марионеток Евро-Американского конгломерата. Стереть коды справедливости и Русь, как их носителя, в земной цивилизационной матрице – вот та конечная цель, которая просматривается в глобальной политике, как далёкого прошлого, так и в ныне творимой на Майдане. В середине XIX века по поводу начала антирусской крымской войны, в ситуации аналогичной текущему моменту Ф. И. Тютчев дал Русской цивилизации наказ, который приобрёл чрезвычайную актуальность в наши дни.

*Ложь воплотилась в булат;
Каким-то Божьим попущеньем
Не целый мир, но целый ад
Тебе грозит ниспроверженьем...
Все богохульные умы,
Все богомерзкие народы
Со дна воздвиглись царства тьмы
Во имя света и свободы!...
О, в этом испытаньи строгом,
В последней роковой борьбе
Не измени же ты себе
И оправдайся перед Богом...*

История нашей страны – нескончаемая череда подобных испытаний. И, к сожалению, не все из них мы достойно выдерживаем. Ведь кому-то и по сей день представляется, что Карл Маркс и Ленин, завсегдаята Лондона и Швейцарии, были профинансированы и вели свои дела лишь в связи с одной целью – как бы помочь русскому мужику в организации счастливой справедливой жизни. В

действительности, подбросив нашему народу марксизм как фальшивый имитатор справедливости, они боролись со всеми империями, кроме Британской, и умело подменили реальный конфликт банковского финансового ростовщичества со сферой производства – псевдо конфликтом наёмного работника и собственника, которые в действительности, всегда находятся в одной лодке. Главная же задача, которая решалась в нашей стране в ходе псевдосоциалистического строительства, сделать нашему народу социальную прививку, во имя утраты гена справедливости. 91-ый год был запланирован в году 17-м с одной целью: продемонстрировать пагубность и не допустимость в будущем стремления к справедливости. К сожалению, прививка сработала. Наша страна сегодня в равной мере лидирует как в социальном неравенстве, так и в не слыханном за всю историю человечества убийственном подавлении возможностей модернизации и собственного инновационного развития банковским ростовщичеством. Основой для изменения этих негативных тенденций является повышение меры понимания, происходящего на уровне общественного сознания и вера в торжество справедливости. К сожалению, новый цивилизационный курс не прокладывается ни указами, ни постановлениями сверху, а является уделом народного творчества, общественной инициативы снизу. И такое понимание характерно для Руси исстари.

Если не относиться к былинам как к беспочвенным придумкам, то можно узнать, что высшая внутрисоциальная жреческая власть — власть жизнеречения (в смысле «как изрек — так и будет») — в древнерусском обществе принадлежала той малоизвестной ныне социальной группе, которую былины именуют «каликами переходжими», «волхвами».

Эти высшие управленцы жили на основе чувства меры и никогда не выделялись богатством из остального общества. Их деятельность признавалась общественно полезной, и на их содержание выделялось 1/20 валового национального продукта (т.е. 5 % — вдвое меньше, чем «церковная десятина»). Продвижение в систему высшей жреческой власти шло не на основе выборных процедур и не на основе её узурпации, а через наилучшее освоение знаний о Природе и системе социального управления и выработку соответствующих навыков, подтверждаемых практикой их употребления и общественным признанием их полезности. При этом нравственно-

этическое единство общества гарантировало отсутствие злоупотреблений по сути самовластной жреческой властью в стиле «взяли власть – гуляй властью».

Отличие русской региональной цивилизации от прочих региональных цивилизаций планеты состоит в том, что она породила общую для всех её народов культуру и государство, границы которого в истории последних нескольких веков, в отличие от других цивилизаций, совпадали с границами самой цивилизации. Именно вследствие этого, за пределами границ России — СССР все мы для иностранцев — «русские», без различия наших национальностей: великоросс («русский»), малоросс (украинец), белорусс, татарин, башкир. Именно по этой причине на основе иноземного менталитета слово «Русь» при поверхностном взгляде на жизнь воспринимается как название одного из государств древности, неуместное в наши дни. Хотя в действительности это имя одной из региональных цивилизаций планеты, на протяжении нескольких веков развивавшейся в границах общего для всех её народов государства и по-прежнему обладающей глобальной значимостью и потенциалом самобытного развития в наши дни, не смотря на возникновение внутрицивилизационных государственных границ в результате распада СССР.

Суть своеобразия Руси в том, что Запад — региональная цивилизация, подчинившая себя жажде потребления материальных благ и чувственных удовольствий. Восток — региональная цивилизация духа (в значении дух = информация), презирующая подневольность «маие», т.е. пленение души материальным миром. Русь — тоже региональная цивилизация, но ей чуждо и западное, и восточное восприятие мира, поскольку она — цивилизация меры во взаимосвязях материи и духа, т. е. она объединяет материю и информацию в их триединстве, в истинной троице, которую Бог любит, как гласит народная поговорка.

На основе собственной культуры за сотни лет до формирования Евро-Американского конгломерата жречеством Руси без помпы и шума на огромной территории расселения множества племен были решены такие цивилизационные задачи, как единый язык, единые деньги, единая система мер, единая нравственная основа всей палитры многонациональных культур. Это позволяло осуществлять совместные транснациональные проекты.

Один из них — Змиевы валы, традиционно-ложно датированные X – XI веками вопреки тому, что

в эпоху княжеских усабиц создать и эксплуатировать такую систему стратегических фортификационных сооружений эшелонированной обороны было организационно невозможно. Это памятник иной эпохи — эпохи единства Руси, когда система стратегических фортификационных сооружений, простирающаяся на сотни километров, и глубиной до 200 км на некоторых участках, прикрывала Русь с юга от набегов степняков. Ныне она находится на территории Украины¹.

Но даже, если забыть о Змиевых валах, то та же нравственно-этическая доминанта сути Руси-России проявляется и в последующей истории — и это очевидно: по крайней мере, со времени взятия Казани под державу Ивана Грозного, Россия — действительно региональная цивилизация многих народов в границах одного общего им всем государства, в котором внутренние войны — эпизоды, а не нормы существования. «100-летняя война», «30-летняя война», война за наследство той или иной исчезнувшей короны — это из истории Запада, а не России. Наша цивилизация развивалась внутренне мирно, никого не истребляя, в отличие от западной цивилизация (помянем хотя бы, ушедших в небытие западных славян, пруссов, индейцев Северной Америки и аборигенов Австралии). Русь издавна имела иерархически эшелонированную систему управления по полной функции, устойчивую ко всем вторжениям, как силовым, так и информационно-алгоритмическим — осуществляемых под видом «культурного сотрудничества и просвещения».

Государственная власть на Руси — только один из властных эшелонов, причем не наивысший в иерархии управления по полной функции. Государственность менялась на Руси неоднократно, но её «мистически» невидимый державный Китежград, хранящий цивилизационную суть, оставался неизменным и находил все более полное и яркое выражение в многонациональной русской культуре.

«Оцивилизовывать» Русь на свой манер в прошлом приходили и с Запада, и с Востока, и с Юга, но все они, кто не погиб в битвах, с течением времени становились русскими². Так будет и сегодня, когда Запад, злоупотребив кризисом развития СССР по псевдосоциалистическому пути,

предпринял очередную попытку «оцивилизовать» Русь на свой манер.

В наши дни на протяжении длительного времени Европа устойчиво демонстрирует неспособность решать задачи интеграции представителей разных этнически своеобразных культур в Евросоюзе. По сути Евросоюз — политический проект построения мультикультурного многонационального общества, аналогичный тому, который в целом успешно осуществляется на Руси издревле. Однако в последние несколько лет (и в особенности после дела Брейвика, правда о котором скрыта и подменена ложью³) крах мультикультурализма в Евросоюзе вынуждены были признать руководители большинства государств Евросоюза. Причины в том, что культ «политкорректности» и «толерантности» не позволяет решать задачи построения интегрирующей всех единой для всех членов общества культуры, но только скрывает взаимную неприязнь и ненависть представителей разных конфессий, классов, национальностей: «политкорректность» и «толерантность» и действительное единение людей — разные по своей сути явления.

Сущность наших особенностей в том, что Россия-Русь в целеполагании, в общецивилизационном развитии более совершенна и близка к Божьему промыслу, чем Запад. Это непонятно только тому, кто несет в себе потребительски-паразитическое отношение к планете Земля по принципу «после нас хоть потоп», а потому считает Русь отставшей от Запада. Хотя среди них многие убеждены в том, что именно они — истинно русские и именно они имеют право на реформирование России по западным шаблонам, а все прочие обязаны перед ними благоговеть и им подчиняться. Вопреки мнению этих псевдорусских, людей на Руси оценивали всегда по их личным качествам, а не по крови, и воспринимали человечество как часть биосферы планеты, а территориальную и социальную общность

¹ Карты расположения Змиевых валов легко находят все интернет-поисковики.

² Так изрядная доля потерь наполеоновской армии после оставления Москвы — это дезертиры, которые впоследствии обрусели.

³ Брейвик не был одиночкой, а расположение трупов после расстрела на острове Утойя таково, что позволяет характеризовать Брейвика только как загонщика, в обязанности которого входило напугать «дичь», чтобы она сама бросилась туда, где её поджидают настоящие охотники.

стремились, как отмечал Ф. И. Тютчев, спаять любовью, а не железом и кровью⁴.

К сожалению, в последние столетия человечество, подпав под «лидерство» Запада, делает глубоко ошибочный цивилизационный зигзаг.

Не осмыслив цели человеческой цивилизации, свою роль и место в биосфере Земли и Космоса оно отождествило прогресс не с освоением потенциала развития самого человека, а с чисто технократическим развитием. Это касается и нашей страны, но, к счастью, мы не лидеры в реализации этих тенденций. После устранения И. В. Сталина мы, в отличие от Запада и Востока, думаем хотя бы иногда, о смысле жизни и не всегда безрезультатно. И потому у нас многим понятно, что долгосрочная перспектива этих в кавычках «успехов» будет такова, как изложено в Библии: «Многие же первые будут последними, и последние — первыми» (Евангелие от Марка, 10:31), — это к вопросу о «лидерстве» на технократическом пути развития.

В Коране об этом же глобальном биосферно-экологическом кризисе людям говорится в предостережение прямо: «Бог есть Истина» (сура 31:29); «А если бы Истина последовала за их (по контексту: неверующих) страстями, тогда пришли бы в расстройство небо и земля и те, кто в них» (сура 23:73). И Бог, следуя вседержительно за страстями и отсебятиной людей, дает возможность всем убедиться в том, что «земля и небо и все, кто в них» приходят в расстройство вследствие ошибочных целей развития человечества.

Тем не менее мы можем с удовлетворением отметить, что Россия сохранила 40 % девственной территории, доставшейся ей от Бога, Китай — 20 %, США — 10 %, Европа — практически ничего. Конечно, современные и перспективные техника и технологии позволяют «закатать Землю в асфальт» и настроить бетонных коробок, но они не позволяют воспроизвести повторно главное богатство человечества — дарованную Богом биосферу, частью которой является и сам «Человек Разумный». Неслучайно Богатство и Бог — в русском языке слова этимологически родственные, а на Западе появился новый показатель развития — «коэффициент дебетонизации территории».

Многие сегодня сумели оценить некогда привлекательные западные ценности: от заморских

колбас и «ножек Буша», фруктов и овощей, до, с позволения сказать, искусства, музыки, кино. Все западные сорта фруктов и овощей выведены не для того, чтобы они были вкусны и полезны, а для того, чтобы они могли подольше сохранять «товарный вид» при длительных перевозках и хранении. Общество получает хоть и болезненную, но целебную прививку от всего того безбожия и зла, которые являются сутью культуры западной цивилизации.

Зачастую в процессе обсуждения особой значимости русской цивилизации возникает контраргумент об отсутствии в её истории собственных пророков, то есть тех людей, к числу которых принадлежат основоположники так называемых «мировых религий».

Прежде всего, необходимо отметить, что Бог посылает пророков в мир для устранения ошибок в общественном развитии. То есть если общество в своем развитии зашло в тупик, из которого само выйти не способно, то пророк — внешний стимул для того, чтобы общество взглянуло на себя со стороны через его слова. Как пояснил Христос, больные нуждаются во врачах, а не здоровые (Матфей, 9:12). И соответственно, если процесс саморазвития не остановился, то потребности в пророке общество не имеет; а тем, в чьей истории пророки были, ныне нечем особо гордиться, поскольку Единый Завет, который они несли людям, до сих пор не стал нормой жизни.

Кроме того, следует заметить, что публичное признание и объявление Пророками и их реальное наличие в жизни — это разные вещи. Если под Пророками понимать тех людей, кто получал системные знания, Откровения от Высшего Разума, от Бога, то они на Руси были. Но толстыми книгами и большими тиражами издают произведения и творят культ только тех Пророков, идейное наследие которых земным иерархиям удалось извратить и встроить в нужные разработанные ими политические сценарии. Собственно об этом строки А. С. Пушкина из его юношеской поэмы «Гавриилиада».

"С рассказом Моисея

Не соглашу рассказа моего:

Он вымыслом хотел пленить еврея,

Он важно лгал, - и слушали его.

Бог наградил в нем слог и ум покорный,

Стал Моисей известный господин,

Но я, поверь, - историк не придворный,

Не нужен мне пророка важный чин!"

⁴ *Единство, — возвестил оракул наших дней, — / Быть может спаяно железом лишь и кровью. / Но мы попробуем спаять его любовью, / А там посмотрим, что прочней...*

Таково положение дел к настоящему времени. Оно — результат самобытного исторического развития всех региональных цивилизаций. И при этом встаёт вопрос о перспективах человечества.

Возможное будущее — многовариантно. И эта многовариантность по отношению к человечеству связана со своеобразием каждой из региональных цивилизаций. Если говорить об этих особенностях, то:

Культурный идеал буддистско-ведического Востока — душа должна вырваться из череды перевоплощений и уйти в мир иной, слиться с абсолютном и т.п. Для этого необходимо в черед перевещений не портить себе карму. Задача построения цивилизации, тем более глобальной, гармонично интегрированной в природную среду — не ставится.

Культурный идеал Запада — превознесение личности над обществом (успех, зримо выражающийся как высокий уровень потребления материальных благ и чувственных удовольствий) и над природой (наука — всесильна и способна решить любые задачи). По сути этот идеал, нашедший наиболее полное и яркое выражение в идеологии буржуазного либерализма (см. работы Айн Рэнд «Апология капитализма», «Атлант расправил плечи», «Концепция эгоизма» и др. — второе место по количеству читателей в США после Библии⁵) при попытке его воплощения в жизнь в

⁵ На произведениях Айн Рэнд сформировалось миропонимание политического неолиберального истеблишмента США конца XX — начала XXI веков, а ныне её философия используется в оправдание позиции нищих духом новых русских, кто сводит смысл и мудрость жизни к умению делать деньги. О ней в таком качестве вспоминают Алан Гринспен (возглавлял Федеральную резервную систему США с 1987 по 2006 г.) и Хилари Клинтон (супруга бывшего президента США Уильяма Дж. Клинтона, а в период президентства Барака Х. Обамы — госсекретарь США). Айн Рэнд, как прямой антипод русского духа, высказывается недвусмысленно: «Вы спросите, какие у меня моральные обязанности перед человечеством? — Никаких, только обязанности перед самой собой». «Единственная моральная цель человека — его собственное счастье» (Рэнд Айн. Атлант расправил плечи. — М.: Альпина Паблишерс. 2010). «Выражение “делать деньги” является основой человеческой морали. Пока вы не поймёте, что деньги — корень добра, вы будете идти к самоуничтожению. Если деньги перестают быть

глобальных масштабах и породил глобальный биосферно-социальный экологический кризис. Соответственно, ложный идеал, породивший кризис, не способен дать рецепта выхода из него.

Культурный идеал мусульманского мира — фактически жить по шариату. Этот идеал далёк от коранического идеала — жить в диалоге с Богом, осуществляя миссию наместничества Божиего на Земле, не возводя никого из людей в ранг господина над собой. Как только мусульманская региональная цивилизация отступила от этого идеала, начатая ею при становлении глобализация по-мусульмански остановилась, а потом мир шариатского ислама начал терять свои позиции.

Идеал Руси — жить по совести. Если признавать, что совесть — врождённое религиозное чувство, через которое Бог открывает каждому, что есть добро, и что зло, и что надо делать для искоренения зла и торжества добра, то можно понять, что единственная возможность для России, которая будет поддержана Свыше, — в очередной раз спасти мир, не верящий в неё⁶. Больше это делать некому: жизненные идеалы других региональных цивилизаций этого не позволяют.

Соответственно, продолжая линию преемственности наших конференций прошлых лет, можно сказать, что России предстоит инициировать и возглавить проект глобализации, альтернативной Западной, приведшей человечество на грань военного или экологического самоубийства. Нам предстоит построить цивилизацию, жизнь которой будет подчинена объективным закономерностям бытия. Эти закономерности можно разделить на 6 групп, оказывающих то или иное воздействие друг на друга:

1. Человечество — часть биосферы, и существуют объективные закономерности, регулирующие взаимодействие биосферы и Космоса и взаимодействие биологических видов в пределах биосферы.

2. Человечество — специфический биологический вид, и существуют специфические

посредником между людьми, люди превращаются в объект произвола. Кровь, кнут, дуло пулемёта — или доллар. Делай выбор! Другого не дано! Время пошло!» (Рэнд Айн. Концепция эгоизма. — СПб: Макет. 1995. — С. 123, 124).

⁶ Слова из песни А. Вертинского «Пред ликом Родины»: О Родина моя, в своей простой шинели, / В пудовых сапогах, сынов своих любя, / Ты поднялась сквозь бури и метели, / Спасая мир, не веривший в тебя (1946 г.).

биологические (физиологические и психологические) видовые закономерности, регулирующие его жизнь.

3. Нравственно-этические (ноосферные и религиозные) закономерности, регулирующие взаимоотношения обладателей разума и воли. И вопреки мнению многих они выходят за пределы человеческого общества, а этика, диктуемая с иерархически более высоких уровней в организации разного рода систем, — обязательна для иерархически низших уровней и отступление от её норм наказуемо. В этом главная нравственно-мировоззренческая причина биосферно-социального экологического кризиса.

4. Культура, которую генетически предопределённо несёт человечество, вариативна, и существуют социокультурные закономерности, следование которым гарантирует устойчивость общества, а их нарушение способно привести к его исчезновению в течение жизни нескольких поколений под воздействием деграционных процессов.

5. Исторически сложившаяся культура всех обществ нынешней глобальной цивилизации такова, что мы вынуждены защищаться от природной среды техносферой. Техносфера воспроизводится и развивается в ходе экономической деятельности, и существуют экономические закономерности, предопределяющие как развитие общественно-экономических формаций, так и их деграцию и крах.

6. Всё это в совокупности может приводить к конфликтам интересов и конфликтам разных видов деятельности, разрешением которых необходимо

управлять. И существуют объективные закономерности управления, единые для всех процессов управления, будь то езда малыша на трёхколёсном велосипеде либо комплексный проект, осуществляемый несколькими государствами на принципах частно-государственного партнёрства.

Их предстоит познать, дать их знание новым поколениям, и преобразить жизнь Земли. Т. е. предстоит сделать то, о чём А.С. Хомяков писал ещё в 1839 г. в стихотворении «России»:

*В молчанье сердца сокровенна,
Глагол Творца прияла ты, —
Тебе Он дал своё призванье,
Тебе Он светлый дал удел:
Хранить для мира достоянье,
Высоких жертв и чистых дел;
Хранить племён святое братство,
Любви живительный сосуд,
И веры пламенной богатство,
И правду и бескровный суд.
Твоё, всё то, чем дух святится,
В чём сердцу слышен глас небес,
В чём жизнь грядущих дней таится,
Начало славы и чудес!...
О, вспомни свой удел высокий,
Былое в сердце воскреси
И в нём сокрытого глубоко
Ты духа жизни допроси!
Внимай ему — и все народы,
Обняв любовью своей,
Скажи им таинство свободы,
Сиянье веры им пролей!*

Б. К. САНТОШ, (Индия) – директор региональной культурно-просветительской общественной организации «Санкт-Петербургский Центр Брахма Кумарис»

Духовность в мире глобальных перемен

Я нахожусь в общем-то в удивительной ситуации: родившись и получив образование в Индии, я, естественно, ежегодно провожу какое-то время там, но бываю также в Европе, в странах Северной и Южной Америки, а большую часть времени (уже почти 25 лет) провожу в России, являясь директором общественной культурно-

просветительской организации «Санкт-Петербургский Центр Брахма Кумарис». Во время встреч, лекций, семинаров за границами России меня неизбежно спрашивают: «А эти русские, какие они? Почему они себя так ведут?» Это касается в особенности последних месяцев (конец 2013 г. – первая половина 2014 г.), когда разворачивались известные события на Украине и вокруг Украины. По большей части СМИ во всем мире изображали народ России как хищника, вынашивающего захватнические планы, желающего оккупировать чужие территории. И в вопросах моих собеседников легко прочитывалась та же подоплека. Для меня как для педагога и администратора, который работает с

тысячами людей здесь, в России, это является свидетельством того, как сильно люди могут заблуждаться, даже считая себя высокими интеллектуалами и профессионалами. Мой российский опыт за все эти годы ни на один процент не подтверждает тот образ русского человека, который создают сейчас СМИ многих стран. Но так или иначе я не чувствовала необходимости спорить и что-то горячо доказывать своим собеседникам. Силу добра невозможно скрыть, и в конечном счете она всегда являет себя сама. Я не человек из какого-то другого мира, я живу на той же земле, где и все вы, и я остро чувствую добро и силу этой земли.

Духовные истоки глобализации

Хотя термин «глобализация» вошел в обиход сравнительно недавно, сам процесс, который им описывается, растянулся на столетия и даже тысячелетия. Как кажется, в человеческой душе живет неискоренимая потребность раздвигать узкие рамки своего бытового, повседневного существования. Именно эта потребность влекла первых путешественников, открывателей новых земель оставлять привычную и относительно безопасную среду обитания и пускаться в кругосветные плавания, отправляться в неведомое, грозившее гибелью. Разве эпоха, которую теперь принято называть эпохой великих географических открытий, не была проявлением глобализации? Верно ли будет утверждать, что знаменитыми мореплавателями прошлого двигали только авантюризм и жажда обогащения? А создание мощных империй, втягивающих огромные регионы Земли в единую экономическую, политическую и культурную систему? Можно ли сказать, что двигателем образования этих империй были исключительно властные амбиции политических деятелей и военных? А научные открытия, позволившие нам 150-200 лет назад соединить континенты посредством телеграфной и телефонной связи? Разве учеными, изобретателями двигали исключительно интересы развития науки и техники? Возможно, свершения наших предков на морских просторах, на полях сражений и в научных лабораториях явились плодом не только умелой навигации, талантливой военной стратегии или неординарного научного мышления, но и плодом мощного, полного страсти видения единого мира?

Список исторических явлений и процессов, которые были предвестниками современной глобализации, можно было бы продолжить, однако для нас сейчас является важным сделать

следующее утверждение: основным двигателем глобализации является не столько политический, социально-экономический или культурный фактор, сколько фактор духовный.

Отметим, что под духовным фактором мы не имеем в виду фактор религиозный, хотя формирование мировых религий тоже является одним из подтверждений древности процесса глобализации. В данной статье мы говорим о духовности как о системе основополагающих качеств, ценностей (или, точнее, добродетелей), присущих людям как духовным, нравственным существам. Мы утверждаем, что такие наклонности людей, как стремление к миру и счастью в душе и доме, стремление любить и быть любимыми, делать добро, реализовывать свое творческое начало и делиться своими достижениями с ближними, лежат в основе всего поведения человека как духовного существа. Эти наклонности и устремления выходят за рамки любых религиозных систем, они универсальны.

Одним из таких важных, универсальных духовных свойств человека является восприятие им всего мира как единого дома. Существует такое изречение на санскрите, известное вот уже более двух с половиной тысяч лет: «Васудхаив кутумбакам». Сегодня его можно было бы перевести на русский язык так: «Весь мир, весь земной шар – это одна семья» (или, еще точнее, «земной шар – это и есть семья»). Так можно ли после этого говорить о глобализации как об исключительно современном процессе? Ощущать себя частью единого целого и реализовывать это видение тем или иным способом – это врожденное свойство человека во все периоды его существования на Земле.

Проблемы современной глобализации и необходимость духовной стратегии их решения

Экономика. Глобализация, принесящая нам много благ, создает также предпосылки к усилению социально-экономического неравенства различных регионов мира. Сегодня существуют страны и целые регионы, превратившиеся в сырьевые приатки или источник дешевой рабочей силы для развитых экономик мира. Сложившаяся система тормозит экономическое развитие даже в тех странах, где объективно существуют все условия для роста и процветания. Страны – крупные игроки на поле глобализации не дают обитателям этих регионов вырваться из тисков нищеты. Сегодня около 1,5 миллиарда человек на планете живет менее чем на 1 доллар в день. Почти половина населения Земли не имеет водопровода и

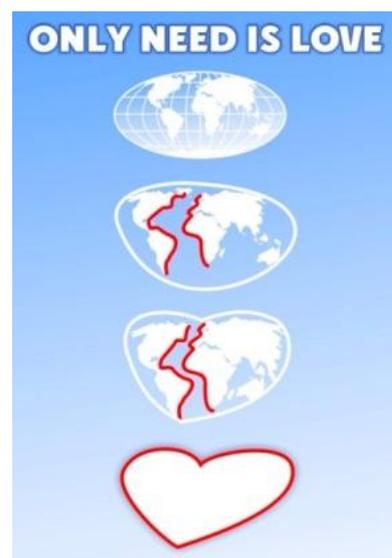
канализации. При этом в США, например, тратят около 30 млрд долларов в год на кондитерские изделия и около 85 млрд долларов в год на алкоголь. 17 млрд долларов в год тратится в США и Европе на корм для домашних животных, и это при том, что 50 000 детей умирает в мире ежедневно от недоедания и связанных с этим болезней. Это проблема, адекватное решение которой невозможно найти без учета духовной составляющей.

Духовный подход учит нас видеть мир как систему взаимосвязей. Духовный подход говорит: если процветание одного региона мира основывается на нищете другого региона, это процветание не может быть устойчивым и долговременным. Стать духовным в современном мире – это значит научиться видеть взаимосвязь всех частей единого целого и понимать, что невозможно построение рая на отдельно взятой территории. Рай – это рай на всей Земле. Любое иное решение создает лишь иллюзию рая, за которую, как и за всякую иллюзию, приходится рано или поздно расплачиваться. Именно это духовное видение может лечь в основу формирования общественного мнения и принятия политическими лидерами «неудобных», непопулярных решений, как-то: решение делиться, сотрудничать, отказываться от части своих привилегий в пользу гармоничного развития мира в целом.

Политика. Создание современных региональных и глобальных политических, судебных и прочих институтов привело к тому, что ни одно государство мира не является сегодня на сто процентов суверенным. В мире, где сильные государства принимают решения, неизбежно сказывающиеся на качестве жизни жителей других государств, на первый план выходит духовный принцип семьи. Если весь мир – это одна семья, то безусловным приоритетом для принятия решений должны быть счастье и благополучие всех членов семьи. В семье, если это действительно здоровая, гармоничная семья, не может быть такого, что все ее члены вынуждены смотреть только тот телевизионный канал, который выберет отец, или питаться только теми блюдами, которые нравятся отцу. В семье есть и мать, и дети, и бабушки с дедушками, и хотя, возможно, именно отец – это кормилец, хотя именно он – опора семейного бюджета, но в сфере принятия решений в семье действуют совсем иные соображения. У членов семьи никогда не возникнет вопроса о том, почему приоритет в принятии решений отдается интересам ее самых маленьких членов, которые вообще

ничего не зарабатывают. Всем понятно, что вкладывать в детей – это значит вкладывать в будущее семьи. Духовный подход в политике подразумевает перенесение этой логики семьи на принятие решений в том числе на политической арене.

Межнациональная и культурная интеграция. Одним из важнейших результатов глобализации стало сближение и взаимопроникновение наций и культур. Усиление деловых связей, развитие туризма, развитие информационно-коммуникативных технологий, рост числа трудовых мигрантов и, увы, числа беженцев привел к тому, что сегодня мы знаем о представителях других рас, национальностей, вероисповеданий не понаслышке, а зачастую на опыте личного общения с ними. Став жителями «глобальной деревни», мы познакомились со всеми ее обитателями. Кое-что в них нам понравилось и было взято на вооружение. Исследователи отмечают, что одним из парадоксальных, на первый взгляд, следствий глобализации стал возрастающий интерес к локальному (мода, этническая кухня, музыка и др.). С другой стороны, человечество оказалось не готово к принятию того факта, что мы, люди, очень и очень разные. Следствием этого подчас становятся нетерпимость и насилие. Решение этих проблем лежит не столько в правовой плоскости, сколько в реализации духовного принципа единства в многообразии. На смену поверхностной и искусственной «толерантности» и «политкорректности» должно прийти по-настоящему глубокое мировоззрение, воспринимающее всех людей как листья одного всемирного Древа, имеющего общие корни и произрастающего из одного Семени.

Я даже сейчас, спустя столько времени, хорошо помню слова, произнесенные около 30 лет тому назад Дади Пракашмани, президентом Брахма Кумарис Всемирного Духовного Университета, во время международной конференции по вопросам мира и согласия, проходившей в штаб-квартире Брахма Кумарис в г. Маунт Абу (Индия) с участием тогдашнего генерального секретаря ООН Переса де Куэльяра. Во время пресс-конференции журналисты, прибывшие освещать это событие, спросили Дади Пракашмани, возможен ли в принципе, с ее точки зрения, мир в мире. В формулировке вопроса угадывался примерно такой подтекст: а есть ли вообще смысл в проведении подобных конференций по вопросам мира, если сегодня, как и вчера, как и позавчера, планету раздирают противоречия и военные конфликты? Ответ Дади Пракашмани вызвал тогда бурю аплодисментов. Дади сказала, что мир в мире возможен при условии, что мы будем помнить, что главой всех пяти континентов является Всемогущий Творец, который смотрит на эти континенты как на пять пальцев на Своей руке и поэтому любит их все.

Действительно, если каждый из континентов – это палец на руке Бога, то как определить, какой из них лучше? Как предпочесть один другому? Какой вес можно поднять одним пальцем? А двумя? А тремя? Поодиночке все эти пальцы способны на действия, крайне незначительные в масштабах глобальных процессов. Но когда пять пальцев собираются вместе (и притом, если это пальцы на руке Бога!), мы способны сотворить чудеса и изменить наш мир к лучшему.

В этом и состоит особенность того, что называют сейчас *global thinking* (глобальным мышлением) – в противовес так называемому *local thinking* (мышлению локальному): нам нужно научиться смотреть на свою планету так, как видит ее Творец, для которого нет своих и чужих, который любит и принимает всех и каждого. Именно такое глобальное видение поможет собрать воедино все те *pieces* (фрагменты, кусочки), на которые раскололся сегодня мир, и вернуть *peace* (мир и покой).

Духовный принцип многообразия говорит: для того чтобы жить вместе и любить друг друга, нам совсем необязательно быть одинаковыми. Напротив, у каждого из нас имеются свои, уникальные способности и потенциал, а значит, у каждого есть и своя роль, непохожая на роли других актеров, но именно в этом многообразии и заключается красота всемирного спектакля.

Из принципа многообразия вытекает одно важное заключение, которое зачастую игнорируется сторонниками «абсолютной» глобализации: поскольку все мы разные, каждому из нас совсем необязательно иметь все то, что имеется у других, чтобы быть счастливым. Если снова воспользоваться принципом «Васудхаив кутумбакам» («Земля – это и есть семья»), это будет ясно: физические и психологические потребности отца или даже старшего брата отличаются от потребностей младшего брата. Ключевые игроки на мировом рынке пытаются продемонстрировать нам сегодня свою исключительную способность перемещать любые товары и услуги из любой точки земного шара в любую другую за считанные дни или даже секунды, провоцируя таким образом усиление потребительского, экстравертного отношения к жизни, жадности и тщеславия. Как в условиях глобального рынка устоять перед навязчивой рекламой товаров и услуг, в общем-то нам совершенно не нужных? Как оградить себя от информационного загрязнения? В этом помогает еще один древнейший духовный принцип, а именно принцип лотоса. Лотос растет в грязной воде, его корни и стебель находятся под водой, лотос берет из почвы и воды все необходимое ему для роста и развития, однако он не берет ничего лишнего и вредного. Цветок лотоса не лежит на поверхности воды, но высится над ней, сохраняя безупречную чистоту. Умение поддерживать баланс между вовлеченностью в происходящие в мире процессы и отрешенностью, независимостью – важнейший духовный навык, помогающий нам оставаться целыми и невредимыми в бурном море современной жизни.

Именно этот принцип в сочетании с духовным принципом простоты лежит в основе решения еще одной острейшей современной проблемы, а именно проблемы загрязнения окружающей среды, грозящей нам экологической катастрофой. Как говорил Махатма Ганди, в мире есть достаточно ресурсов для удовлетворения потребностей людей, но этих ресурсов недостаточно для утоления их жадности.

Список существующих сегодня глобальных проблем и духовных предпосылок их решения можно было бы продолжить. Конечно же, найдутся скептики, готовые возразить, что духовные решения – это все-таки некая «мягкая сила» (или, в их понимании, слабость), которая вряд ли может сравниться в своей действенности с «жесткой силой» в виде политического давления, оружия,

денег, правовой системы и т. п. Но вся история человечества на протяжении последних тысячелетий является яркой иллюстрацией того, что мы уже достаточно долго пытались использовать «жесткую силу» для решения наших проблем и таким образом только умножали эти проблемы. Может быть, пришла пора взглянуть на вещи под иным углом? И под этим новым углом нам станет видно, что «мягкая сила» души (на санскрите и хинди «душа» – это «атма») может оказаться гораздо более действенной, чем «жесткая сила» атома.

АТОМ «жесткая» сила	АТМА (душа) «мягкая» сила
	
сила оружия	самоуважение и простота
деньги	интуиция и эмпатия
политическое и экономическое давление	глобальное мышление
применение закона	равновесие любви и закона

И оснований для оптимизма в этой связи у нас достаточно. Программы-диалоги «Зов времени» и «Будущее власти», которые проводятся в международной штаб-квартире Брахма Кумарис в г. Маунт Абу, а также в крупнейших городах Индии и некоторых других стран, становятся площадкой, на которой крупные политики, экономисты, представители деловых кругов, деятели культуры всего мира все активнее говорят сегодня на языке «ценностей», «развития человеческого ресурса», достижения успехов в политической, деловой и других сферах на основе повышения коэффициента эмоционального и духовного развития. А ведь все они – лидеры в своих областях, к их мнению прислушиваются, за ними следуют.

Кроме того, современные информационно-коммуникативные технологии сделали наш мир максимально прозрачным: если сегодня вы совершаете один дурной поступок, пусть даже совсем маленький, всего через несколько минут это видит весь мир. И если вы совершаете одно доброе дело, пусть маленькое, это тоже видит весь мир. Прозрачность в отношениях между нами, которую обеспечивают технологии, побуждает нас ответственно подходить к принятию решений, позволяет более качественно заботиться друг о друге, делиться друг с другом тем лучшим, что у нас есть, и это тоже вселяет надежды на изменение мира к лучшему. Выжить и перейти в этот новый мир способно лишь общество, в котором делается упор на человеческих, нравственных ценностях. В новой глобальной семье «родителями» будут вовсе не лидеры сверхдержав, обладающих мощным оружием, «жесткой силой», но люди, чьи главные ценности – это любовь, внимание, забота друг о друге и о своей планете. И мое сердце говорит, что Россия таким потенциалом обладает.

М. В. ВЕЛИЧКО, к. э. н., доцент СПбГАУ
(nbvrvmv@yandex.ru)

В. М. ЗАЗНОБИН, к.т.н., профессор СПбГАУ
(vpsu-001@yandex.ru)

***Нравственно-психологическая подоплёка
национальных взаимоотношений в
процессе глобализации***

Проявления национального (а также и религиозного) своеобразия во взаимодействии с иным национальным (или религиозным)

своеобразием в жизни человечества и региональных цивилизаций — это вопросы религиозно-нравственно обусловленной психологии личности, социальных групп, народов. И потому нам снова необходимо определиться в терминологии.

«Толерантность» и «политкорректность», пропагандируемые приверженцами буржуазного либерализма в качестве нормы жизни и основы «мультикультурализма» (культуры многонационального общества), по своей сути представляют собой запрет на выявление пороков и их искоренение. И, прежде всего, этого касается

пороков, генерируемых национальными и конфессиональными культурами и субкультурами, если их рассматривать как информационно-алгоритмические системы, под властью которых происходит личностное становление новых поколений.

Национальное самоосознание это — осознание индивидом своеобразия (уникальности) своего народа (прежде всего, как носителя культуры) и отличий своей культуры от культур других народов, также обладающих своеобразием и значимостью в общей всем народам истории развития человечества.

Национализм это — осознание неповторимого своеобразия своего народа и его культуры в сочетании с отрицанием или игнорированием, большей частью бездумно-бессознательным, уникальности и значимости для человечества и его будущего иных культур и народов, несущих свои культуры в их историческом развитии в преемственности поколений.

Расизм это — убежденность в том, что достоинство человека обусловлено прежде всего (а то и единственно) биологически фактом происхождения от родителей, принадлежащих к определенным родам (кланам), племени, народу, расе, а все прочие — происходящие из других родов, племён, народов, рас и смешанных браков с их представителями, — достоинством человека либо не обладают в принципе, либо не обладают его полнотой.

Культура в расистском понимании вторична по своей значимости по отношению к биологической основе, и соответственно с точки зрения расистов освоение культуры «биологически высших» «биологически низшими» не делает «биологически низших» частью сообщества «биологически высших».

По мнению расистов, освоение культуры «биологически высших» «биологически низшими» аналогично тому, что происходит, когда обезьяну в цирке учат проделывать те или иные трюки, что делает её поведение в ходе циркового представления в чём-то подобным поведению человека в тех или иных житейских ситуациях. Однако эта дрессура или подражание обезьяны человеку в стиле басни И.А. Крылова «Мартышка и очки» не могут сделать обезьяну человеком.

В каких-то случаях освоение культуры «биологически высших» «биологически низшими» может запрещаться, чтобы «биологически низшие» были легко отличимы от «биологически высших» в повседневности жизни общества, по сути

разделённого на «касты» по признаку биологического происхождения. В противном случае неизбежны ситуации, абсурдность которых (пусть и трагическая) обличает несостоятельность расизма.

В других случаях освоение культуры «биологически высших» или каких-то её элементов может поощряться, чтобы упростить общение «биологически высших» с «человекообразными рабочими скотами».

Но национализм может и не быть расистским, т.е. он может признавать полноценными членами определённого национального общества представителей других народов и рас, если они освоили соответствующую национальную культуру и влились в неё.

Расизм такую возможность исключает полностью. Но во многих случаях национализм и расизм переплетаются и срачиваются воедино.

Нацизм — попытки уничтожения иных культур и / либо народов, их создавших, приверженцами того или иного национализма или расизма. В основе нацизма лежит национализм или расизм, но в каких-то случаях может лежать и конфессионально обусловленная нетерпимость к инаковерующим, поскольку вероисповедание может быть неотъемлемой составляющей исторически сложившейся национальной культуры.

Такое понимание национализма, нацизма и расизма означает, что они могут существовать в обществе и при монархии, и при республике (виды государственности), и при рабовладельческом строе, и при феодализме, представляющими собой разновидности сословно-кастового строя и при капитализме, и при социализме (экономические уклады и общественно-экономические формации). Национализм, нацизм и расизм могут охватывать как отдельные группы населения, так и распространяться практически на всё общество.

Интернацизм — по существу то же самое, что и нацизм, но в мафиозном исполнении разнородных международных диаспор, а не в исполнении вставшего в нацизм какого-либо народа и поддерживаемой им государственности.

Интернационализм — неоднородное по своей сути явление и соответственно — двойственный по смыслу термин потому, что:

1. «Интернационализм» исторически реально стал оболочкой и лозунговым прикрытием интернацизма, подавляющего и уничтожающего национальные культуры и их носителей под предлогом борьбы с национализмом, нацизмом и расизмом (в большинстве случаев это делается

средствами 5-го и более высоких приоритетов обобщённого оружия; применение грубой силы — 6-й приоритет — носит вспомогательный характер, вследствие чего не воспринимается большинством общества, ставшего жертвой интернационализма как злоумышленная агрессия против него).

2. О первом большинство не задумывается, поскольку оно убеждено в том, что интернационализм — это якобы признание значимости для жизни человечества всех без исключения национальных культур в их развитии и безоговорочное уважение их в том качестве, в каком они сложились.

3. Интернационалисты декларируют второе, но исторически реально объективно служат первому:

- одни потому, что являются убеждёнными интернационалистами или расистами;
- другие потому, что не видят ни интернационализма, ни расизма в некоторых его специфических проявлениях или имеют неадекватное собственное национальное самоосознание, будучи «общечеловеками», т. е. «космополитами безродными», утратившими чувство культурно-исторической общности судьбы со своим народом.

Одной из причин этого является следующее обстоятельство: такой интернационализм подразумевает, что все исторически сложившиеся культуры и народы их носители непорочны, хотя те или иные их представители могут быть порочны и порицаемы. Это ставит культуры и соответствующие народы в целом (включая и их диаспоры) вне анализа и вне критики их образа жизни (именно это и называется буржуазным либерализмом «толерантностью» и «политкорректностью»). Такая позиция интернационалистов как бы изымает порочную личность из сформировавшей её культуры, и тем самым, во-первых, лишает приверженцев этой позиции возможности понять социокультурные причины, вследствие которых в каждой культуре формируется та или иная статистика порочных личностей, и во-вторых, делает национальную или диаспоральную культуру и соответствующие обществу безответственным (прежде всего — морально, нравственно-этическими безответственными) за то, что именно они произвели на свет и взрастили негодяев, а так же — и за плоды дел этих негодяев.

В результате под идеологической властью интернационализма возможности выявления пороков соответствующей культуры становятся нереализуемыми, и соответственно становится невозможным их искоренение.

Так, интернационализм блокирует общественное развитие, чем и обрекает на крах политику мультикультурализма и исключает достижение гармонии в национальных взаимоотношениях.

Фашизм — это один из типов культуры общественного самоуправления, возможный исключительно в толпо-«элитарном» обществе.

Организационно-политическая суть фашизма как такового вне зависимости от того, как его называть, какими идеями он прикрывается и какими способами он осуществляет власть в обществе, — в активной поддержке толпой «маленьких людей» — по идейной убеждённости их самих или безыдейности на основе животно-инстинктивного поведения — системы злоупотреблений властью «элитарной» олигархией, которая:

- представляет несправедливость как якобы истинную «справедливость», и на этой основе, извращая миропонимание людей, всю подвластную ей мощью культивирует несправедливость в обществе, препятствуя людям состояться в качестве человека;
- под разными предлогами всю подвластную ей мощью подавляет всех и каждого, кто сомневается в справедливости её самой и осуществляемой ею политики, а также подавляет и тех, кого она в этом заподозрит.

* * *

Если говорить о том, что желательно как норма жизни для многонационального общества и человечества в целом, то:

- людям должно быть свойственно национальное самоосознание в том смысле, как этот термин определён выше;
- национализм, расизм, нацизм, интернационализм и интернационализм (и как оболочка интернационализма, и как «безродный космополитизм», которому — вследствие утраты чувства культурно-исторической общности со своим народом — привержены «общечеловеки») должны быть порицаемы как в обществе, так и в государственной политике;
- политика многонационального государства должна быть направлена на то, чтобы тенденции к национализму, расизму, нацизму, интернационализму и интернационализму во всех его разрушительных

проявлениях, если они и возникают в силу каких-то единичных причин, то не развивались бы, а глохли;

- наряду с этим многонациональное общество не может существовать без того, чтобы какой-либо один (или несколько наиболее распространённых языков) были средством межнационального общения и основой культурной общности разных национальностей, позволяющей развивать и каждую из национальных культур, и культуру, объединяющую всех вне зависимости от национального происхождения каждого. Это необходимое, но не достаточное условие.

Такая цель государственной политики гармонизации национальных взаимоотношений понятна всем, приемлема подавляющему большинству тех, кто предпочитает честно и добросовестно участвовать в общественном объединении труда, а не паразитировать на труде и жизни окружающих, потомков и биосфере.

Считать это неприемлемым и противиться воплощению в жизнь этого идеала как основы для дальнейшего развития человечества — могут только паразиты и родственные им по сути сатанисты.

Из всего того, что мешает гармонизации национальных взаимоотношений, самое безобидное — «национализм», обусловленный невежеством и социальной бесчувственностью. Т.е. это такой «национализм» (кавычки в данном случае обязательны), когда представитель той или иной культуры воспринял её в большей или меньшей мере и ведёт себя в соответствии с её нормами как запрограммированный автомат. Это не бросается в глаза, пока он находится в своей культурной среде. Но как только он оказывается в иной культурной среде, то выясняется, что он бесчувственен или невнимателен, безынтеллектуален, по какой причине он не воспринимает своеобразия иной культуры, её жизненные смыслы ему либо неинтересны, либо недоступны. Как следствие социальной бесчувственности его поведение в инакокультурной среде может быть в лучшем случае неуместно-странным, а в худших случаях — вызывающе наглым (именно такой «национализм» выразился в массовом убое баранов на улицах Москвы на очередной Курбан-Байрам) или просто оскорбительным («джигит» на Лэнд Ровере в Александровском саду у вечного огня) вплоть до проявлений с его стороны нацизма и интернацизма (большинство провокаций со стороны

представителей кавказских диаспор в отношении коренного населения по всей России).

Но такие зомби не понимают жизненных смыслов и своей родной культуры, в силу чего не могут их защитить (или воплотить в жизнь) даже в тех случаях, если эти смыслы объективно выражают справедливость, и Бог на их стороне. Именно вследствие этого их «национализм» требует кавычек вокруг себя.

Тем не менее, такой «зомби-национализм» — самое безобидное из того, что может мешать гармонизации национальных взаимоотношений, поскольку простое человеческое отношение к такого рода субъектам, доброжелательно-заботливое общение с ними, в конечном итоге ведёт к тому, что они начинают воспринимать своеобразие иных культур и задумываются о соотношении свойственных им смыслов жизни и смыслов жизни своей родной культуры, что идёт на пользу как личностному развитию такого очнувшегося от социальной бесчувственности субъекта, так и развитию во взаимодействии обеих соприкоснувшихся культур.

Гораздо вредоноснее национализм, расизм, нацизм и интернацизм, в основе которых лежит идейная убеждённость личности, некоторым образом сформированная самим индивидом или сложившаяся под воздействием его круга общения и культурной среды в целом. Все такого рода разновидности идейной убеждённости в национальном, конфессиональном или расовом превосходстве имеют в своей основе соответствующую нравственность, фактически атеистичны и представляют собой частный случай претензий на «элитаризм», в котором национальная, расовая или конфессиональная принадлежность определяют состав претендентов в «истинную элиту человечества».

В силу того, что подвигнуть индивида на ревизию его нравственности и преобразование её в праведность — наиболее сложная этическая задача, то пока он сам не изменит своей реальной нравственности, переубедить националиста, расиста, нациста, интернациста или интернационалиста (а также и фанатиков иных идеологически-конфессиональных доктрин) редко когда возможно: в своём подавляющем большинстве они не внемлют ни фактам из области биологии, истории и «мистики», ни разуму, связывающему факты с жизненной алгоритмикой развития или деградации. Это — тоже зомби, хотя их зомбированность отличается по её характеру от описанного ранее «национализма» зомби,

обусловленного невежеством, социальной бесчувственностью и бездумьем.

И именно такого рода невосприимчивость к фактам и доводам разума делает национализм, расизм, нацизм, интернацизм, интернационализм (а так же и фанатизм приверженцев иных идеологически-конфессиональных доктрин), имеющий в своей основе идейную убежденность, — наиболее зловредным. Самый свежий пример тому — «свидомые» на Украине.

Так называемая «элита» в жизни национальных и диаспоральных толпо-«элитарных» культур реализует принцип, представляющий по своей сути самообольстительную иллюзию, которая при соответствующей нравственности обретает характер аксиомы, не требующей каких-либо жизненных доказательств:

«Мы — и генетически, и культурно — лучше, чем все прочие, и потому имеем право на то, на что не имеют права прочие — «низшие»: на преимущественное потребление — природных благ, произведений цивилизации, на свободное время, а так же — и на безответственность перед «низшими» и на неподсудность им; а они должны нам это обеспечить, в противном случае они не имеют права даже на существование, а не то, что на такую жизнь, которой достойны только мы».

В этой формулировке может отсутствовать явно выраженное притязание на власть, поскольку осуществление власти на практике — это управление общественно-экономической формацией, т. е. труд. По этой причине паразит с «элитарными» притязаниями может норовить и бремя власти возложить на «низших», которые однако должны управлять в его интересах на основе психологической или какой-либо иной закрепощённости «высшими»; или же требовать от Бога непомерного, аналогично тому, как этого домогалась от золотой рыбки старуха из всем известной сказки А. С. Пушкина.

Жизненная суть, стоящая за этой формулировкой и сопровождающей её оговоркой о власти, вне зависимости от того, в какой редакции эта суть выражена, обязывает вспомнить фрагмент из Корана (сура 7. «Преграды»):

«9 (10). Мы утвердили вас на земле и устроили вам там средства жизни, — мало вы благодарны!

10 (11). Мы создали вас, потом придали вам форму, потом сказали ангелам: «Поклонитесь Адаму!» — и поклонились они, кроме Иблиса; он не был из поклонившихся.

11 (12). Он (Бог — наше пояснение по контексту при цитировании) сказал: «Что удержало

тебя от того, чтобы поклониться, раз Я приказал тебе?» Он (Иблис — наше пояснение по контексту при цитировании) сказал: «Я — лучше его: Ты создал меня из огня, а его создал из глины».

12 (13). Сказал Он: «Низвергнись отсюда; не годится тебе превозноситься там! Выходи же: ты — среди оказавшихся ничтожными!» (в переводе И.Ю.Крачковского).

Этот коранический фрагмент взаимно дополняюще соотносится с новозаветным (Матфей, гл. 20):

«25. Иисус же, подозвав их (своих учеников — наше пояснение по контексту при цитировании), сказал: вы знаете, что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими; 26. но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; 27. и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом».

Либо в более общей терминологии без конкретики «князей», «ясновельможных панов» и прочих «превосходительств», «высочеств-величеств» и «святейшеств»: «Вы знаете, что над народами владычествуют осатаневшие «элиты», но между вами да не будет так...». И продолжение в Коране:

«... приходите к слову равному для нас и для вас, (...) чтобы одним из нас не обращать других из нас в господ помимо Бога» (сура 3:57).

«Вы были на краю пропасти огня, а Он спас вас оттуда. Так разъясняет вам Бог Свои знамения, — может быть вы пойдёте прямым путём! — и пусть будет среди вас община, которая призывает к добру, приказывает одобренное и удерживает от неодобряемого. Эти — счастливы» (сура 3:99, 100).

То есть, если соотноситься с Евангельским и Кораническим Откровениями, носители «элитарного» самосознания и «элитарных» амбиций — вне зависимости от их реальных и мнимых успехов — предстают как зарвавшиеся ничтожества, ПОРАБОЩЁННЫЕ ПЕРВЕЙШИМ ИЗ ГРЕХОВ — ГОРДЫНЕЙ.

Для окружающих, — как в составе «элиты», так и вне её, — не имеет значения:

- является следование высказанному выше принципу «элитаризма» волевым выражением осознанной позиции миропонимания «элитария», павшего жертвой гордыни и самообольщения;

- либо бессознательные уровни психики «элитария» заполнены алгоритмикой поведения, выражающей принцип «я лучше, и потому имею право...», а вы мне должны по жизни...», хотя сам он не осознаёт характера своего поведения и является биороботом-зомби, который не ведаёт, что творит.

Вне зависимости от того, реализуется этот принцип осознанно-волевым порядком либо на основе бессознательных автоматизмов, — обществу, биосфере наносится ущерб.

Но главное следствие такого положения, вне зависимости от того, верят «элитаии» в Бога либо нет, — их деятельность не поддерживается Свыше, поскольку все они, даже если и выстаивают в храмах, синагогах и прочих «капищах» ритуально обязательные молитвы соответственно своей конфессиональной принадлежности, — закоренелые атеисты, подавляющие и извращающие истинную религиозность на основе совести вследствие своего неверия Богу в жизни и гордыни.

Также не имеет значения: декларируется этот принцип открыто и прямо, либо декларации носят противоположный ему по смыслу характер, но он проводится в жизнь по умолчанию под прикрытием вполне благообразных деклараций, порождённых той или иной идеологической властью (таков интернационализм, покрывающий интернацизм пустыми словесами о братстве всех людей без различия национальностей).

Изложенный выше принцип «элитаризации» «мы — лучше, чем они и потому имеем право...», а все прочие должны нам по жизни...» — ИСХОДНЫЙ, а борьба за власть разных группировок, сформировавшихся на нравственно-этической основе этого принципа, и само властвование для «элиты» на основе эксплуатации разного рода «игр с ненулевыми суммами» — только средство для его проведения в жизнь.

«Элитаризм», обретший националистическую, нацистскую или интернацистскую окраску, в сфере национальных взаимоотношений выражается как национальное угнетение — одна из форм эксплуатации «человека человеком». Соответственно разрешение проблем национальных взаимоотношений требует анализа и искоренения эксплуатации «человека человеком», т.е. паразитизма одних «людей» на труде и жизни других, включая и угнетение развития будущих поколений, которое создаёт предпосылки к последующей эксплуатации взрослых.

Причём речь идёт не столько о спонтанном эпизодическом паразитизме тех или иных одиночек (пусть они даже и порождают некую социальную статистику), а прежде всего, — о вырастающем из спонтанно-эпизодического системообразующем паразитизме разного рода меньшинств на труде и жизни большинства, поддерживаемом и воспроизводимом в преемственности поколений на

основе социальной организации (т.е. поддерживаемом культурой как информационно-алгоритмической системой), поскольку слово «эксплуатация» подразумевает осознанно-целесообразные действия по «эксплуатации объекта эксплуатации».

Соответственно задача гармонизации национальных взаимоотношений в в региональных и глобальных масштабах требует ликвидировать всякую эксплуатацию «человека человеком». Это означает прежде всего прочего:

- ликвидацию «системы игр с ненулевой суммой», благодаря которой возникают осатанелые «элиты», создающие и воспроизводящие свой социальный статус, позволяющий им в общем-то беспрепятственно паразитировать на труде и жизни большинства, угнетая его в преемственности поколений, препятствуя людям состояться в качестве человек (носителей человеческого типа строя психики) и разрушая своим потреблением биосферу;

- проведение такой политики, прежде всего — развития культуры, которая бы исключила в дальнейшем создание новой «системы игр с ненулевой суммой», способной стать основой новой системы эксплуатации «человека человеком».

Однако оглашение тех или иных идеалов само по себе не ведёт к их автоматическому воплощению в жизнь ни мгновенно, ни в какие бы то ни было определённые либо не определённые сроки.

Воплощение в жизнь любых идеалов требует изменения реальной статистики нравственно-психологических типов в этом обществе. Поскольку нравственно-психологический тип (тип строя психики) личности во многом формируется исторически сложившейся культурой на протяжении перехода от младенчества ко взрослости, а в толпо-«элитарных» культурах подавляющее большинство взрослых не способно к дальнейшему самообразованию и самовоспитанию в силу угнетения и извращения процесса их личностного становления в детстве и в юности (а в ряде случаев — со времени, предшествующего зачатию), то изменение статистики требует изменения культуры (рассматриваемой как информационно-алгоритмическая система), вбирающей в себя множество личностей. Иными словами задача приведения свойственной обществу статистики нравственно-психологических типов в соответствие тем или иным идеалами требует соответствующей политики, т.е. осмысленных действий — как государственности, так и заинтересованной политически активной общественности.

И только в результате такого рода осмысленных целенаправленных действий, если они находят отклик в жизни, — в обществе может возникнуть спустя некоторое время статистика нравственно-психологических типов, которая породит образ жизни общества, выражающий ранее провозглашённые определённые идеалы.

То есть нам и остальному миру предстоит проанализировать и развить опыт СССР в

гармонизации национальных взаимоотношений, поскольку без этого политика «мультикультурализма» приводит к обострению национальных конфликтов, вследствие чего крах «мультикультурализма» вынуждены были признать практически все главы государств Евросоюза, пытавшегося построить многонациональное единое общество на принципах либерализма, «толерантности» и «политкорректности».

П. Г. НИКИТЕНКО, академик, д.э.н., проф. НАН Беларуси. Минск, академик Ноосферной академии, РАЕН, МИА, МАСТ, МАОУН, АЕДЭМ.

Международная ноосферная мировоззренческая модель созидательного устойчивого социально-экономического развития⁷

Общество не может существовать без целостного свода идей, ценностей и норм, объединяющих всех граждан.
А. Г. Лукашенко

Мы переживаем не кризис, волнуемый слабые души, а величайший перелом мысли человечества, совершающийся лишь раз в тысячелетия...
В. И. Вернадский

Представлено обоснование и разработка основ теории, методологии и экономико-математической модели становления и развития ноосферной экономики, общественного воспроизводства и ноосферного общества, как новой мировоззренческой концептуальной парадигмы жизнедеятельности человека на планете.

С начала 20-го века и достигнутого к 21-му веку семимиллиардного человечества планеты «Земля» происходят мировые потрясения (революции, мировые и локальные войны, и т. д.) и

системные переломы вековых тенденций в цикличной динамике мировой экономики и общества.

Мировое сообщество, вступило в сложный период 21-го века, который требует в соответствии с действием Закона времени смены логики социально-экономического поведения на планете «Земля» и смены действий закона капиталистического накопления. Этот период характеризуется продолжающимися социально-экономическими потрясениями, кризисами, рукотворными техногенными и природными катастрофами, валютно-финансовыми потрясениями, отражающими переход от двухсотлетней капиталоцентрической, техногенной, индустриальной к гуманистически-ноосферной цивилизации, от пятисотлетнего пятого поколения локальных цивилизаций (когда доминировал Запад Европы и США) к более дифференцированному пятому поколению с предсказанным П. Сорокиным и А. Тойнби сдвигом творческой активности на Восток.

Опираясь на разработки созидательно-мыслящих ученых-гуманитариев и естественников, автор данного материала разработал модель становления ноосферной экономики, мировоззрения, ноосферного общественного воспроизводства как новый мировоззренческой концептуальной парадигмы, и организационно-управленческой властной модели жизнедеятельности на каждой территории, в регионе, государстве планеты «Земля» – во имя сохранения и духовно-нравственной гармонии развития самого Человека, Природы и Общества во взаимодействии с Космосом.

Сам человек нами рассматривается как разумный космосо-природный, духовно-нравственный, энерго-магнетический, нанотехнологический биокластер, состоящий из воды, атомов, бактерий, микробов, вирусов, нейросетей,

⁷ Работа выполнена по заданию Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко, данного им НАН Беларуси и Правительству, на его встрече с членами общего собрания НАН Беларуси 24.01.2003 г.

способный к разумной жизнедеятельности, самосовершенствованию, самовоспроизведению и переходу, трансферу (реинкорнации) в другие энерго-магнетические формы и виды существования. Разум, дух, слово, язык, сознание, знание, страх, власть, насилие, зависть, инстинкт самосохранения, интуиция, любовь, вера, надежда и другие понятия отражают названия соответствующей энерго-магнетической материальности атомов, молекул, бактерий, вирусов и других наноэлементов (10-9 м) и фемтоэлементов (10-15 м). Человек единственный на планете Земля не только потребляет всё жизненно-необходимое в хозяйстве, но и производит.

Человек является главной геологической производительной силой и носителем человеческих производственных отношений.

При этом само понятие «экономика» трактуется в изначальном древнегреческом словосочетании: «οίκος - ойкос» – хозяйство (дом, жилище) и «νόμος - номос» – правило, закон. Ноосферная экономика - мировое созидательное хозяйство.

ЭКОНОМИКА – Во имя и на благо созидательного человека.

Экономика как естественный хозяйственный закон устойчивой жизнедеятельности людей действует во взаимосвязи и взаимообусловленности с другими естественными космосо-природными и общественными законами: сохранения материи, энергии и магнетизма, отрицания отрицания, единства и взаимопроникновения противоположностей, перехода количества в качество, соответствия спроса и предложения, возвышения потребности людей и т. д.

Отдифференцированные составные типы, виды ноосферной экономики могут быть представлены её структурными понятиями: постиндустриальная экономика, физическая экономика, экономика знаний, информационная экономика, зелёная экономика, интеллектуальная экономика, экономика сферы услуг, экономика торговли, экономика продовольствия, экономика природопользования, экономика промышленности, экономика агропромышленности, кластерная экономика, отраслевая экономика, региональная экономика, экономика предпринимательства, военная экономика, экономика бизнеса, банковская экономика, экономика товарного продовольствия, экономика связи, экономика строительства, жилищно-коммунальная экономика, экономика

транспорта, инновационная экономика, социально-ориентированная экономика, экономика экспорта, экономика импорта, рыночная экономика, смешанная экономика, либеральная экономика, плановая экономика, экономика туризма, экономика здоровья, экономика науки, экономика образования, экономика искусства, экономика культуры, экономика логистики, экономика торговли, экономика финансов, экономика домашнего хозяйства, экономика воспроизводства человека, экономика музыки, экономика спорта, экономика финансов и др.

Отмечая значение развития разумных способностей человека, его интеллектуальных, культурных и духовных качеств, важно иметь в виду, что эти качества как категория продукта нематериального производства по сравнению с материальной культурой не только вечны, но и последовательно накапливаются и являются синергетической, тонкой, сверхчувствительной материальной основой, на которой возможен новый качественный рост материального и нематериального производства. Это обстоятельство классики капиталлоцентрического мировоззрения при обсуждении важнейших составляющих рукотворного и природного территориального богатства по существу оставили без внимания стоимостной оценки.

Неоспоримая и возрастающая очевидность и «осязаемость» социальной (тонкой, сверхчувственной материальной) деятельности, особенно ее ядра – сферы Разума (ноосферы) как неиссякаемого и интенсивно воспроизводимого планетарного (национально-интернационального) ресурса научной деятельности и движущей силы устойчивого социально-экономического развития, обуславливает необходимость использования в системе категориального аппарата общественного воспроизводства специального термина «ноосферная экономика».

Ноосферная экономика автором трактуется как разумный, духовно-нравственный способ общественного воспроизводства человека, товаров, работ и услуг на основе совершенствования системы корпоративных стоимостных (экономических) планетарных производственных отношений и преимущественно постиндустриальных производительных сил с соответствующими показателями эффективности: креативным развитием личности человека, максимальной занятостью трудоспособного населения страны, сохранением природы для будущих поколений, качественным структурным

воспроизводством ВВП (дохода) и его разумным по формуле золотого сечения распределением между членами общества в зависимости от эффективности их труда.

Отличительной особенностью ноосферной экономики является рост наукоемкости ВВП и реализация как приоритетной потребности человека – непрерывности образования на основе роста его наукоемкости. Непрерывность образования на основе методологии освоения совершенно новых планетарных знаний, повышения их наукоемкости обеспечивает рост профессионализма и качества трудовых ресурсов и возможность перспективного роста органического строения производства, а следовательно, повышения его интенсификации, профессионализма и эффективности на основе НТП. Воспроизводство во взаимосвязи научного знания и научного образования как товара является приоритетным процессом цивилизационного развития.

Характерной особенностью ноосферной экономики является признание того, что наряду с созданием нового товара – знания возрастает роль диффузии трансферта космосо-планетарного разума, знаний. Это предполагает усиление внимания духовно-нравственным распределительным отношениям «мировых накоплений знаний» (сферы разума) и «национальным инновационным системам», которые выступают исполнительными устройствами и структурами использования духовно-нравственного (антирейдерства) планетарного разума-знаний в экономике как товара.

Исходя из изложенного содержания и целевой функции ноосферной экономики, очевидно, что баланс и взаимоотношение общественного воспроизводства в ней целесообразно осуществлять в единстве не по двум (I, II) подразделениям, как ныне общепринято в схеме К. Маркса, а по трем, включая человека и природу, предлагаемыми нами, совокупными подразделениями:

I – воспроизводство средств производства, включая природные ресурсы;

II – воспроизводство предметов потребления, включая дары природы,

III – воспроизводство человека как биосоциального продукта (разум, знание, наука, образование, культура, услуги); С, V, М, П – воспроизводство соответственно постоянных фондов, переменных фондов, прибавочного продукта и валового национального продукта (национального богатства) (См. в развернутом виде ист.: 1;11-14).

Сейчас затраты на человека – в бухгалтерском учёте включают в издержки, себестоимость, расходы. Чем меньше затрат на человека, тем более считается эффективным управление экономикой. Парадокс: Стимулируется паразитизм и эксплуатация созидательного человека, результаты его производительного труда. Поэтому в обществе растёт число занятых в непроизводительной сфере, – паразитизм, бюрократизм, коррупция, воровство (рейдерство).

Оптимальная эффективность ноосферной структуры ВВП может определяться на основе правила Золотого сечения:

1/3 ВВП – сфера вещественного производства (ТОВАРА).

2/3 ВВП – социальная сфера (УСЛУГ).

Для законодателя ориентиром его деятельности может служить следующее китайское изречение Лао-цзы («Дао Дэ Цзин»). VI-V век до н.э.): «Когда в стране много запретительных законов, народ становится бедным. Когда растут законы и приказы, увеличивается число воров и разбойников».

Главной же производительной деятельностью в ноосферной экономике и общественном воспроизводстве выступает третье подразделение, которое создаёт производительные силы и формирует производственные отношения, стимулирует созидательную деятельность человека, (домашнее хозяйство, услуги), формирует знания по природосохранению, воспроизводству и воспитанию самого человека, его разума, здоровья и долголетия, динамики устойчивого развития как самого себя, так и первых двух подразделений, т. е. всех трёх подразделений.

С разделением и кооперацией труда человека для его жизнеобеспечения появляется необходимость использования денег (валют) в качестве средства платежа и накопления.

Данная схема общественного воспроизводства предполагает экономическую оценку (учёт, акционирование) всего природного и рукотворного национального богатства (фондов), введение его в ликвидность национальной банковской системы. Эмиссионный балансовый расчет денежной массы осуществляется по формуле:

$MД = Д * П / W * Ц$, где МД – денежная масса; Д – воспроизводство валового национального продукта (товаров, работ и услуг); П – за временной период. W – скорость обращения денег. Ц – уровень цен отечественных и импортных товаров, работ и услуг.

Исходя из взаимообусловленности и взаимодействия трёх подразделений, закона

международного разделения и специализации труда, планетарной интеграции, методология балансового денежного расчёта и нормативов социально-экономической справедливости распределения вновь созданной рыночной стоимости валового национального продукта (дохода) осуществляется на основе правила золотого сечения по формуле:

ВВП (Д) = 1/3 налоги + 2/3 заработная плата, прибыль, амортизация фондов.

Так как в основе создания ВВП лежит энергия, то деньги как средство платежа и расчёта разделённого и специализированного видов труда каждого человека, предприятия, региона, каждой страны, государства, целесообразно метрологически фиксировать в международной палате мер и весов посредством информационных энерго-денег – кВт-час на единицу затрат производства и реализацию товаров, работ и услуг.

Выдающийся русский учёный Д. И. Менделеев утверждал: «...наука начинается там, где начинают измерять проявление сущности явления, когда основные положения единства количества и качества получают математическую формулировку...». Основываясь на этих тезисах, соотношения курсов всех национальных валют в мировом торгово-экономическом, рыночном пространстве должно быть на этой единой измерительной сущностной основе – 1\1. Денежно-кредитное и ценовое обеспечение устойчивого развития экономик всех стран, предприятий, регионов, субъектов хозяйствования строго должно основываться на нулевом ссудном проценте, с государственным математическим решением межотраслевого баланса трёх подразделений. Банковский институт должен быть государственным, разделять доход и риск его получения с заказчиком.

В различных культурах человеческого общества сформировались свои взгляды на природу денег и ссудного процента. В качестве иллюстрации приведем некоторые цитаты из разных источников.

Библия, Ветхий завет, Второзаконие Исаия (Мировоззренческая концепция управления ссудным процентом от рождения Христа): «Не отдавай в рост брату твоему ни серебра, ни хлеба, ни чего-либо другого, что можно отдавать в рост, иноземцу (т.е. не иудею) отдавай в рост, а брату твоему не отдавай в рост... чтобы Господь бог твой, благословил тебя во всем, что делается руками твоими, на земле, в которую ты идешь, чтобы овладеть ею» (23:19,20).

«...и будешь давать займы многим народам, а сам не будешь брать займы, и будешь господствовать над многими народами, а они над тобою не будут господствовать» (28:12)

«Тогда сыновья иноземцев будут строить стены твои, и цари их - служить тебе..., народ и царства, которые не захотят служить тебе - погибнут, и такие народы совершенно истребятся» (60:10-12).

Коран, Сура 2 Аят 275 (Альтернативная мировоззренческая концепция управления без ссудного процента): «Те, которые берут лихву, восстанут [в Судный день], как восстанет тот, кого шайтан своим прикосновением обратил в безумца. Это им в наказание за то, что они говорили: "Воистину, торговля – то же, что и лихва". Но торговлю Аллах дозволил, а лихву запретил. Если к кому-либо [из ростовщиков] придет увещание от Аллаха и если он поступит согласно этому увещанию, то ему простятся прошлые его грехи. Его дела принадлежат Аллаху. А те, кто станет [вновь давать в рост], – обитатели адского пламени на вечные времена». Аят 276 «Аллах искореняет лихву и поощряет милостыню. Аллах не любит никого из неблагодарных грешников» (перевод Османова).

Джон Адамс (John Adams Jr. 1735-1826, второй президент США 1797-1801): «Есть два пути завоевания и порабощения нации. Первый – мечом. Второй – долгом».

Майер Ротшильд (Maier Rothschild. 1743-1812, основатель легендарной династии банкиров): «Дайте мне управлять деньгами страны, и мне нет дела, кто будет устанавливать там законы».

Маринер Эклз (Morriner Eqqls) – Председатель и Управляющий Совета директоров Федеральной резервной системы США (1934-1948): «...Такова наша денежная система, если бы не было долгов в этой системе, то не было и денег».

Сэр Джезай Стемп (Sir Josiah Stamp, 1880-1941, Директор Банка Англии с 1928 по 1941 гг.): «Если вы хотите продолжать оставаться рабами банков продолжайте оплачивать свое собственное рабство, позвольте им и дальше создавать деньги и контролировать долги государства Заберите у них эту великую власть и все великие состояния, как и моё, исчезнут, а они должны исчезнуть, чтобы этот мир стал лучше и счастливее».

Фактически, проценты на кредитный долг – это «раковое» заболевание финансово-экономической системы, истинный генератор инфляции. Каждый цикл развития экономики просто не может не заканчиваться финансовой или военной

катастрофой. Продолжительность этих циклов перераспределения богатства, подъема в инфляционный рост экономики определяется величиной ссудного процента. Практически независимо от открытой или закрытой экономики время, необходимое для первого, самого длинного периода ростовщического удвоения суммы обращающихся денег, при взимании 3% годовых — 24 года, при 6% — 12 лет, при 12% — 6 лет. С этими интервалами и связаны периоды инфляционно-девальвационного существования человечества и периодичность неизбежных финансовых кризисов в каждой стране и мировой экономике.

Фонды – всеобщая социально-экономическая категория ноосферной экономики. Её фондозффективный механизм хозяйствования (Опыт Косыгинской реформы в СССР 1965 г.).

Исходя из целостной природы представленной выше трёхсекторной схемы ноосферной экономики и общественного воспроизводства, архиважным является определение адекватной всеобщей социально-экономической формой их накопления и функционирования. Тем более что, по существу, применительно к рассматриваемому типу новой (ноосферной) экономики такой научно отработанной всеобщей функциональной социально-экономической формы пока не определено.

При рассмотрении их содержательных аспектов обосновывается возможность креативного использования такой категории как «фонды».

Понятийная трактовка фондов, на наш взгляд, может быть дана, если к ней подойти по аналогии с понятийной трактовкой капитала. Всеобщими вещественными носителями любого способа производства и типа накопления могут быть только космосо-природные ресурсы, средства производства и люди.

Фонды, на наш взгляд, по своему вещественному составу должны отличаться от Капитала количественно. Отличие должно состоять не в том, чтобы не включать в свой состав рабочую силу, что имеет место в настоящее время, а в том, чтобы эта категория, наоборот, включала наряду с вещественными факторами не только рабочую силу, но и самого работника, как ее трудового ресурсного носителя.

Более того, в состав фондов, исходя из рассмотренной нами сущности накопления, целесообразно включать не только трудовые ресурсы и средства производства, но и космосо-природные ресурсы, рукотворное накопленное материальное имущество, финансы,

интеллектуальную собственность, другое национальное богатство.

На основе такой трактовки социально-экономической категории «фонды» возможно креативное использование опыта разработки и функционирования 1965-1980 гг. фондозффективного механизма хозяйствования в СССР (Косыгинская экономическая реформа 1965 г.).

Отказ в 1980 году от Косыгинской реформы учёта и контроля недр, ресурсов и системы хозяйствования привёл в конечном итоге к развалу СССР, воровству и паразитизму.

При формировании фондозффективного механизма формирования новой (ноосферной) экономики важно усвоение научными и управленческими кадрами следующих всеобщих постулатов:

Взаимодействие разума, времени и социально-экономического поведения. Например, Уинстон Черчилль утверждал, что: «Империи будущего будут империями разума». При реализации предложенной модели ноосферной экономики и общественного воспроизводства, следует учитывать возрастающее действие Космического Разума и Закона Времени, определяющего с резонансным явлением объективную смену логики социально-экономического поведения людей на планете «Земля» во имя сохранения её и самого человека.

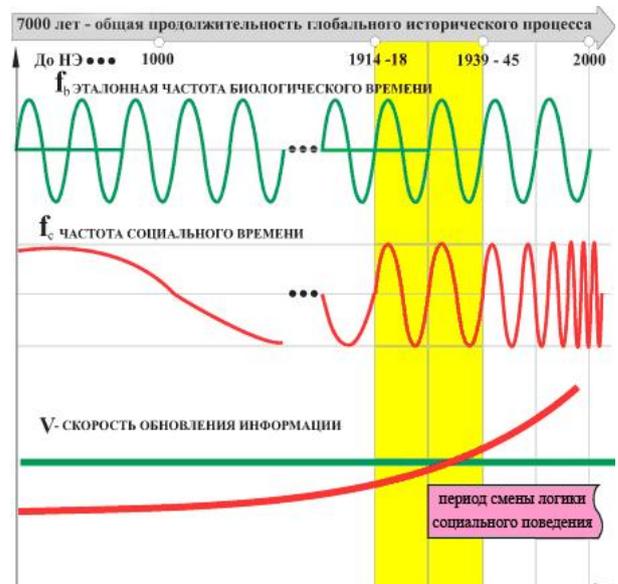

Рис.1 Смена логики социально-экономического поведения.

График (см. рис.1) резонанса (совпадения частот, жёлтый цвет, – две мировых войны через 25 лет, революции в России, Германии, Мексике,

Китае, Индии, и др.) биологического и социального времени жизнедеятельности человека:

1. Биологическая частота. (Смена поколений – 25 лет. +- 5лет).

2. Социальная частота. (Смена технологий – 5 лет. +- 2года).

3. Смена концептуальной власти мировоззрения и логики социально-экономического поведения. Закона капиталистического накопления.

Институциональные организационно-управленческие жизнедеятельностные подсистемы (приоритеты). Планетарная организационно-управленческая и регионально-территориальная властная практическая деятельность людей в ноосферной экономике и общественном воспроизводстве, предполагает системное использование семи институциональных жизнедеятельностных управленческих подсистем (приоритетов):

1 – Мировоззренческий.

2 – Историко-генетический.

3 – Информационно-энергетический.

4 – Кредитно-финансовый.

5 – Алкогольно-наркотический.

6 – Культурно-нравственный (музыкально-цветовой).

7 – Силовой (военный, административный, властный).

Автобиосинхронизация – основной инструмент управления толпой.

Проиллюстрируем это положение следующими выдержками:

Виссарион Григорьевич Белинский (Русский мыслитель, писатель, литературный критик, публицист, философ) писал: «Толпа – это собрание людей, живущих по преданию, и рассуждающих по авторитету либо вождя, либо предания, либо священного писания».

Джеральд Месси (английский поэт и египтолог) утверждал: «Им будет не просто, тем, кто полагается на истину авторитета, вместо того, чтобы полагаться на авторитет истины».

И. В. Гёте (немецкий поэт, мыслитель и естествоиспытатель): «Нет рабства безнадежнее, чем рабство тех рабов, себя кто полагает свободным от оков...».

Исторический материал к разумному анализу и размышлению можно почерпнуть из доктрины холодной войны США против СССР (России), авторство которой принадлежит, в том числе, и Аллену Даллесу – директору ЦРУ США, идеологу «холодной войны». Он в 1945 году написал: «Окончится война, (Вторая Мировая – П.Н.), все

утрается и устроится. И мы бросим все, что имеем: все золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей!

Человеческий мозг, (Разум – П.Н.), сознание людей способны к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих союзников в самой России. (СССР – П.Н.)

Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного и необратимого угасания его самосознания. Например, из искусства и литературы мы постепенно вытравим его социальную сущность; отучим художников и писателей – отобьем у них охоту заниматься изображением и исследованием тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театры, кино – все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства.

Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, зависти, насилия, садизма, предательства – словом, всякую БЕЗНАВСТВЕННОСТЬ.

В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, процветанию взяточников и беспринципности. Бюрократизм, паразитизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, (зависть П.Н.), ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов – прежде всего вражду и ненависть к русскому народу, – все это мы будем ловко и незаметно культивировать, все это расцветет махровым цветом.

И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или даже понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества. Будем вырывать духовные корни, опшлять и уничтожать основы народной нравственности.

Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением. Будем братья за людей

с детских, юношеских лет, и главную ставку всегда будем делать НА МОЛОДЕЖЬ – станем разлагать, развращать и растлевать ее. Мы сделаем из нее циников, пошляков и космополитов. Вот так мы это сделаем!».

Итог реализации Доктрины – развал СССР, проблемы культур интеграции и гуманитарной безопасности государств-участников СНГ, надвигающейся очередной планетарный финансово-экономический кризис. Альтернатива антикризисного развития – формирование нового (ноосферного) мировоззрения и уклада экономики под руководством государственных лидеров Беларуси (А. Г. Лукашенко), Казахстана (Н. А. Назарбаева), России (В. В. Путина), Украины и др.

Еще ранее Пётр Аркадьевич Столыпин предупреждал нас: «Народ, не имеющий национального самосознания – есть навоз, на котором произрастают другие народы».

Альтернативой развала СССР может быть интеграция по принципам: жить своим разумом, без долгов и с опорой на собственные силы!

Памятуя хорошо известное восточное изречение: «Сколько бы мы не говорили халва, халва..., но, если её нет, то во рту слаще не станет», в качестве выводов можем заметить, что объяснять мир, и что творится в нём, особенно славяне, христиане, научились блестящим образом. Но как его изменить, сделать его гуманнее, безопаснее, т. е. жить своим разумом, без влезания в долги перед народом, особенно будущим молодым нашим поколением, без коррумпированности, бюрократизма, без экологического вреда себе и природе, по-человечески, без страха за себя и судьбу других людей, государств – участников СНГ, пока остаётся не решённой задачей. И это, к сожалению, происходит в то время, когда СНГ является собственником богатейшего в мире космосо-природного и человеческого разумного, духовно-нравственного накопленного инновационного потенциала, каким является наследие Владимира Ивановича Вернадского, П. Г. Кузнецова и др.

Как основатель белорусской научной школы инновационного и ноосферного созидательного устойчивого развития, ноосферной экономики, считаю возможным так же отметить, что уже и в практическом плане СНГ имеет достаточно уже продвинутый, накопленный опыт практической реализации идей В. И. Вернадского, П. Г. Кузнецова и др. в России Беларуси, Казахстане, Украине и др.

Литература

1. Андреев И. Л. Никитенко П. Г. Цивилизационный процесс под углом ноосферного зрения / В 3-х кн. – Минск: Право и Экономика, 2002.
2. Андреев, И.Л. Никитенко П.Г. Беларусь, Россия, СНГ, Африка и Европа: Аспекты геополитики ноосферной жизнедеятельности. – Минск: Право и экономика 2010.
3. Вернадский, В.И. Философские мысли натуралиста. – М., 1988.
4. Вернадский, В.И. Научная мысль, как планетарное явление. – М.: Наука, 1991.
5. Вернадский, В. И. и ноосферная парадигма развития общества, науки, культуры, образования и экономики в XXI веке: коллективная монография / под науч. ред. А. И. Субетто и В. А. Шамахова: в 3 т. Т. 1. - СПб.: Астерион, 2013.
6. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. – М.: ВлаДар, 1993.
7. Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития в условиях глобального кризиса. – М.: Экономика, 2010.
8. Зазнобин В.М., Ефимов В.А., Петров К.П., Грейвз К. (интернет ресурсы: <http://kobtv.narod.ru/lector/zaznobin-list.html> и <http://eatx.narod.ru/efimov.html>).
9. Кузык, Б.Н. Цивилизация: теория, история, диалог, будущее / Б.Н. Кузык, Ю.В. Яковец: В 6 т. – М., 2006-2010.
10. Моисеев, Н.Н. Судьба цивилизации, путь разума. – М., 1998.
11. Никитенко П.Г. Ноосферная экономика и социальная политика: стратегия инновационного развития. – Минск, 2006.
12. Никитенко П.Г. [и др.]; Философия и идеология жизнедеятельности Беларуси: теоретические основы антикризисной модели и механизмы ее реализации / Нац. акад. наук Беларуси, Институт экономики. – Минск, 2009.
13. Никитенко, П.Г. Формирование ноосферного мышления и мировоззрения – императив науки Беларуси в 21 веке // Белорусская думка. – 2001. – № 9. – С. 57–66.
14. Никитенко, П.Г. Социалистическое накопление и общественное воспроизводство: (не усвоенные уроки «краха СССР» и «социализма»). – Минск, 2011.
15. Шапошникова Л.В. Философия космической реальности. Е.И. и Н.К. Рерих (учение живой этики). Книга 1. Листы сада Мории. (1924г.) Международный Центр Рерихов. Книга 2.

«Озарение» Листы сада Мори (1925г.)
Международный Центр Рерихов. – М.: Мастер-Банк,
2003.

16. Яковец Ю.В. Циклы. Кризисы. Прогнозы. –
М., 1999.

17. Яковец Ю.В. Глобальные экономические
трансформации XXI века. – М., 2011.

18. Карл Поппер. Открытое общество и его
враги. – в 2-х томах. Интернет ресурс:
<http://ay.by/lot/popper-k-otkrytoe-obschestvo-i-ego-vragi-v-2-h-tomah-508400329.html>.

19. Концепция общественной безопасности в
Российской Федерации. Утверждена Президентом

РФ Путиным В. В. 20.11.2013г. Интернет ресурс:
<http://www.kremlin.ru/acts/19653>.

20. Концепции инновационного развития
России, Беларуси, Республики Казахстан до 2020
года.

21. Экономика цивилизаций в глобальном
измерении. Монография / Под ред. А.А.
Пороховского, В.Н. Тарасевича. – М.,: ТЕИС, 2011.

22. Политическая экономия: прошлое,
настоящее, будущее: монография / Под ред. В. М.
Гейца, В. Н. Тарасевича. – К.: ЦУЛ, 2014.

М. В. ВЕЛИЧКО, к. э. н., доцент СПбГАУ
(nbvrvmv@yandex.ru)

В. М. ЗАЗНОБИН, к. т. н., профессор СПбГАУ
(vpsu-001@yandex.ru)

О социальной сущности фашизма и путях его преодоления в современных условиях

В последнее время, в том числе и в связи с
кризисом украинской государственности, обвинения
в фашизме, высказываемые в адрес оппонентов,
стали чуть ли не нормой дискуссий на политические
темы, когда дискуссии по злободневным и острым
вопросам заходят в тупик в силу разных причин
либо же кто-то в процессе манипулирования
общественным мнением целенаправленно желает
дискредитировать и опорочить своих политических
противников.

Эта тенденция представляет опасность для
общественного развития, поскольку
безосновательные обвинения в приверженности
фашизму показывают, что в обществе нет
понимания сути фашизма. И это делает общество
во многом беззащитным по отношению к фашизму и
его проидам, так как если термин «фашизм» и
производные от него безосновательно могут быть
«приклеены» практически к любому человеку или
политическому движению, то в этом множестве
псевдофашистов реальный фашизм способен
затеряться и стать значимым фактором
политической жизни вплоть до захвата
государственной власти.

В частности, именно эта неопределённость в
понимании сути фашизма катастрофическим
образом разрешилась на Украине в феврале 2014 г.

А общества и на Украине, и в других странах в
большей или меньшей мере расколота в вопросе о
том, кто реальные фашисты: силы, пришедшие к
власти в Киеве в феврале 2014 г., либо те, кто
именует постфевральский режим в Киеве
«фашистской хунтой» и оказывает ему силовое
сопротивление непосредственно, или так или иначе
поддерживает тех, кого Киев объявил
«террористами».

Толковые словари и энциклопедии не вносят
ясность в вопрос о сути фашизма, поскольку, если
говорить языком философии, возводят частное в
ранг всеобщего. Это проявляется в том, что они
характеризуют фашизм по ставшим достоянием
истории атрибутам фашистских режимов и культур
прошлого. А в своих новых проявлениях фашизм
далеко не всегда следует примерам из прошлого, а
в ряде случаев и порицает опыт фашистских
режимов и культур, имевших место в истории тех
или иных государств.

Широко известный западный социальный
философ и писатель Умберто Эко опубликовал
статью «Вечный фашизм» [1], в заголовке которой
снабдил фашизм эпитетом «вечный», подразумевая
тем самым способность фашизма адаптироваться к
обстоятельствам и менять свои обличья. В
названной статье он делает вывод, что фашизм
характеризуется набором из 14 признаков.

Другой социальный философ — Лоуренс
Бритт, который занимался изучением режимов
Гитлера, Муссолини, Франко, Сухарто и Пиночета, в
2003 г. сформулировал набор признаков, которыми,
по его мнению, характеризуется фашизм. Их тоже
оказалось 14 [2]. Однако, оба набора признаков
фашизма содержательно различны. Несовпадение
наборов признаков является основанием для того,

чтобы сделать вывод, что суть фашизма в очередной раз ускользнула от восприятия одного или обоих авторов. В нашем понимании — ускользнула от обоих.

Дело в том, что ответ на вопрос «в чём суть фашизма?» является следствием ответа на вопрос «что есть человек и какова миссия биологического вида «Человек разумный» в Жизни?».

Существует легенда, согласно которой Диоген Синопский на определение Платона (по другой версии некоего псевдо-Платона) «Человек есть животное с двух ног, лишённое перьев», оципал курицу и принёс к нему в школу, объявив: «Вот платоновский человек!» На что Платон к своему определению вынужден был добавить «...и с широкими ногтями» [3]. Другое предание гласит, что тот же самый Диоген Синопский, как то раз вышел на улицы города днём с зажжённым фонарём. На недоумённые вопросы сограждан «для чего ему днём фонарь?» Диоген отвечал им не менее загадочно: «Ищу человека». Редкий курс истории философии не упоминает этих преданий, которые студенты сначала воспринимают как курьёзы, а потом в большинстве своём забывают. А вопрос для большинства так и остаётся безответным на протяжении более 2000 лет.

Оценивая это предание с позиций современности, можно сказать, что Платон, характеризуя суть человека, ограничился исключительно биолого-анатомическими параметрами. Диоген же чувствовал проблему глубже, и указал на то, что суть человека не сводится к его анатомии. Из предания можно понять, что Диоген, во-первых, показал Платону, что нет принципиальной анатомической разницы между человеком и курицей, и во-вторых, отказывал своим соотечественникам и современникам в полноте достоинства человека, т.е. он не признавал, что достаточно родиться в биологическом виде «Человек разумный» для того, чтобы быть человеком. Родиться — это только необходимое условие, но не достаточное. Чтобы быть человеком, необходимо что-то ещё. Но что именно необходимо и как этого достичь, — Диоген не сказал. Он просто в инсказательно-метафорической эпатажной форме указал на проблему «Как жизненно состоятельно ответить на вопрос: *что значит — состояться человеком?*».

И проблема «вечности» фашизма, на которую указал Умберто Эко, как раз и проистекает из того, что на протяжении всей истории представления большинства людей о сути человека по-прежнему остаются на уровне рассмотрения структурных

особенностей макро- и микро- уровней и отличий Homo sapiens от других биологических видов. То обстоятельство, что судьбы реальных «маугли», биологически неоспоримо являющихся представителями вида Homo sapiens, были трагичны, и никто из них в качестве полноценного человека не состоялся [4], не подвигло социальную философию и общества на то, чтобы характеризовать своеобразие человека и его отличие от иных биологических видов на основе анализа:

объективно наличествующей вариативности потенциала развития личностной психики;

исторически сложившейся культуры (включая и социальную организацию), в которой выражается статистика распределения населения по типологии организации психики индивидов;

воздействия сложившейся социальной культуры (включая социальную организацию) на реализацию каких-то определённых вариантов из потенциально возможного множества в ходе развития личностной психики новых поколений.

Однако и такой подход приводит к различным результатам в зависимости от того, реализуется он на основе религиозного миропонимания либо атеистического. Дело в том, что с позиций религиозного миропонимания человек, состоявшийся в аспекте развития личности, — это индивид, живущий в диалоге с Богом и активно творящий свою миссию в Божьем Промысле искренне, по совести, самоотверженно [5; 6 (сура 43, аяты 35, 36; сура 29, аят 37; сура 47, аят 13; сура 2, аят 182)].

С точки зрения атеистов такая характеристика различия человека состоявшегося и не состоявшегося в таком качестве личности неправомерна, поскольку, по их мнению, Бог не существует и взаимоотношений с Ним быть в силу этого обстоятельства не может.

С точки же зрения верующих Богу (а не в Бога) Всевышний даёт доказательства своего бытия каждому, кто о них попросит, и состоят они в том, что осознанно прослеживается взаимосвязь смысла молитв и характера течения последующих событий [6, сура 2, аят 182].

Иначе говоря, доказательства бытия Бога носят этический характер, и если с таким их качеством согласиться, то они вполне удовлетворяют общенаучному принципу «практика — критерий истины» (в отличие от многих «истин» исторически сложившейся науки, не подтверждаемых практикой), подтверждая для носителей религиозного миропонимания факт

бытия Бога и Его не безучастность к происходящему на Земле и в среде человечества. Именно вследствие этого религиозные воззрения неискоренимы и возрождаются казалось бы на пустом месте в научно-просвещённых обществах и социальных группах.

Соответственно, в религиозном миропонимании реальность такова, что структура личностной психики представителей биологического вида «Человек разумный» не запрограммирована генетически однозначно, и может быть различной. В этом и состоит принципиальное отличие человека от всех прочих биологических видов в биосфере Земли. Вне зависимости от расовой и национальной принадлежности, вне зависимости от пола — по организации процессов обработки информации в его психике представитель биологического вида «Человек разумный» может быть:

- аналогичен животному, если всё его поведение безусловно и безоговорочно подчинено инстинктам, которые скрываются под разного рода оболочками, сложившимися в культуре;

- аналогичен запрограммированному автомату, который сам не способен выйти за пределы заложенной в него программы и обрабатывает её под воздействием внешних и внутренних раздражителей разного рода;

- аналогичен демону, действующему по своему разумению без каких-либо нравственно-этических ограничений по принципу «что хочу, то и ворочу» в пределах тех возможностей, которые ему позволяют реализовать объективные неподвластные ему социальные и природные факторы.

- Названные выше три типа строя психики могут иметь ещё некоторые модификации, но состоявшимся человеком является только тот представитель биологического вида «Человек разумный», который задумывается об объективной сущности Добра и Зла в конкретике их проявлений в жизни, и делает свой осознанный выбор в пользу Добра, поддерживая свою верность данному выбору в любых обстоятельствах осмысленно волевым порядком. **Т. е. человеческий тип строя психики — осмысленная воля под властью диктатуры совести⁸ на основе веры Богу.**

⁸ *Совесть — врождённое религиозное чувство, «подключённое» к бессознательным уровням психики личности. Назначение совести — предупреждающе удерживать от несправедливых*

И соответственно свобода для человека — совестью водительство, Богом данное.

Различие взрослых по типам строя психики — результат недостижения человеческого типа строя психики к началу юности, вследствие остановки или извращения личностного развития в процессе взросления под воздействием неправильного воспитания в семье и воздействия порочной исторически сложившейся культуры общества или социальной группы. Соответственно целью развития человечества на нынешнем этапе истории является построение культуры, в которой все (разве что за исключением от рождения биологически нездорового статистически незначимого меньшинства) будут достигать человеческого типа строя психики к началу юности.

Опровергнуть тот факт, что в психике всякого индивида есть: 1) поведенческие программы, протекающие из инстинктов, 2) программы, протекающие из исторически сложившейся культуры, 3) программы, представляющие собой результат творчества самого индивида, безразличного по отношению к объективным различиям Добра и Зла, 4) протекающие из совести обязанности сдерживать исполнение или исполнять поведенческие программы трёх названных ранее категорий в зависимости от того, несправедливы они либо справедливы в сложившихся обстоятельствах, — невозможно.

Также невозможно опровергнуть и тот факт, что в зависимости от того, какая из 4-х названных категорий обладает в психике индивида наивысшим приоритетом, именно она оказывает решающее воздействие на его поведение.

В силу обстоятельств, описанных в двух предшествующих абзацах, выделенных курсивом, фашизм характеризуется не тем или иным

*действий и обязывать к справедливым. Назначение стыда: в случаях, если личность совершит что-то несправедливое, — указывать на это и обязывать возвратиться под власть совести для устранения последствий несправедливости. Именно поэтому **единственная истинная религия — диктатура собственной совести.***

Никаких «совестей нации» быть не может. Возведение кого-либо в этот ранг — разновидность фашизма.

Но мы живём в культуре, в которой большинство избавляется от совести и стыда к подростковому возрасту.

множеством признаков, а одним единственным признаком:

Фашистская культура общественного самоуправления выстраивается так, чтобы исключить личностное становление новорождённых в качестве носителей необратимо человеческого типа строя психики и тем самым воспрепятствовать становлению культуры человечности и соответствующей ей организации жизни общества.

Вне зависимости от того, осознают этот факт сами фашисты либо же нет, фашизм целесообразен именно в смысле воспрепятствования *каждому* индивиду состояться в качестве человека в указанном выше смысле и тем самым породить человечность — новое качество жизни земной цивилизации.

По сути своей *эта цель* — «мистическая» и *проистекает из внесоциальных источников*, а в пределах общества целью фашизации видится жажда власти в интересах достижения паразитического господства над обществом кланово-олигархических группировок, которых могут олицетворять наследственные или сменяемые «вожди», «национальные лидеры», «первосвященники», «парламенты» и т.п.

Безраздельное мировое господство — не цель фашизма, а одно из возделенных средств достижения названной выше его «мистической» цели — воспрепятствовать всем новорождённым стать людьми.

Это определение-описание фашизма не включает в себя пугающих и бросающихся в глаза признаков его проявлений в действии, которые анализируют социальные философы, не утрудившие себя дать ответ на вопрос «что есть человек?»: символики; идеологии, призывающей к насилию и уничтожению тех, кого хозяева фашизма назначили на роль неисправимого общественного зла; призывов к созданию политических партий с жёсткой дисциплиной и системой террора, отрядов боевиков и т.п.

В действительности же именно это определение и есть *определение фашизма по его сути* — *человеконенавистничество*, а не по месту возникновения и не по отбрасываемым им «теням» — особенностям его становления и проявления в жизни общества, что и отличает наше определение качественно от распространённых ныне «определений» «фашизма», даваемых толковыми словарями и энциклопедиями.

Если же характеризовать фашизм более детально и обстоятельно, то:

Фашизм — это один из типов *культуры общественного самоуправления*, возможный исключительно в обществе несостоявшихся человек. Организационно-политическая суть фашизма как такового вне зависимости от того, как его называть, какими идеями он прикрывается и какими способами он осуществляет власть в обществе, — в активной поддержке толпой «маленьких людей» — *по идейной убеждённости их самих или безыдейности на основе животной инстинктивного поведения* — системы злоупотреблений властью «элитарной» олигархией, которая:

представляет несправедность как якобы истинную «справедность», и на этой основе, извращая миропонимание людей, всю подвластную ей мощью культивирует несправедность в обществе, препятствуя людям состояться в качестве человека;

под разными предлогами всю подвластную ей мощью подавляет всех и каждого, кто сомневается в справедливости её самой и осуществляемой ею политики, а также подавляет и тех, кого она в этом заподозрит.

И неважно выступает ли правящая олигархия публично и церемониально, превозносясь над обществом (фашистские диктатуры); либо превозносится по умолчанию или в не осознаваемой гордыне, публично изображая смирение и служение толпе, именуя её народом (псевдокоммунистические режимы); либо действует скрытно, уверяя общество в своём якобы несуществовании и, соответственно «несуществованию», — в своей бездеятельности, в результате которой всё в жизни общества течёт якобы «само собой» (буржуазно-либеральные «демократии»), а не целенаправленно по сценариям концептуально властных кураторов олигархии.

Фашизм порождается носителями демонического типа строя психики и представляет собой культуру самоуправления не вызревших до человечности толпо-«элитарного» общества или каких-то общественных групп в его составе.

Однако понимание сути фашизма как системы человеконенавистничества невозможно без понимания сути человека, т. е. без выявления тех особенностей, которые отличают состоявшегося человека от несостоявшихся в качестве человека человекообразных людей; а также и без выявления тех особенностей, которые отличают вид «Человек разумный» во всех его расах от животных видов в биосфере Земли.

При таком видении сути фашизма либерализм — не альтернатива действительному фашизму (обнажённо олигархически-диктаторского типа), а разновидность фашизма. Нравственно-психологическая подоплёка либерализма идентична нравственно-психологической подоплёке фашизма олигархически-диктаторского типа. Если в приведённой выше характеристике системы общественного самоуправления при господстве фашизма слово «фашизм» заменить на слово «либерализм» — характеристика отъявленно фашистского способа правления останется по-прежнему жизненно состоятельной.

Причина этого в том, что с точки зрения либерализма норма для общества — отсутствие какой бы то ни было определённой нормы в ответе на вопрос «что есть человек нормальный?», т.е. норма — разнообразие ответов, не ограниченное ничем, разве что законодательством, ориентированным на охрану этого беспредельного разнообразия.

В жизни это разнообразие выражается в некоторой совокупности статистик *набора характеристик, которыми описывается каждая личность в составе общества*, и в динамике изменения этой совокупности статистик во времени. Однако если нет определённости в ответе на вопрос «что есть человек нормальный?», то:

изменения в жизни общества могут быть выявлены,

но ответ на вопрос «выражается в этих изменениях развитие общества либо его деградация, растёт уровень его безопасности либо оно движется к катастрофе?» — оказывается невозможным.

Либералы не интересуются ответом на этот вопрос и видят себя и либеральную цивилизацию, если не эталоном совершенства, то наименьшим из зол. В любом из двух вариантов («эталон совершенства» либо «наименьшее из зол»⁹) они видятся самим себе как лучшие, а все прочие, соответственно, должны либо стать либералами, либо согнуть как неоспоримое зло: и такая позиция по существу представляет выражение их осатанелости.

⁹ Одно из выражений этой самооценки либералов — афоризм У.Черчилля: «Демократия — худшая форма правления до тех пор, пока вы не сравните её с остальными» — «Democracy is the worst form of government unless you compare it to all the rest» (www.vy-narod.ru/quotes.shtml).

Тем не менее, и развитие, и деградация в жизни имеют место:

деградация выражается в том, что объект в силу каких-то внутренних причин преждевременно перестаёт существовать, т.е. перестаёт существовать, не завершив своего естественного жизненного цикла;

развитие выражается двояко:

- объект в естественные сроки проходит весь свой жизненный цикл в его полноте и только по завершении жизненного цикла перестаёт существовать;

- объект переходит в некоторое — ранее не свойственное ему — качество бытия либо до естественного завершения жизненного цикла, либо по его завершении.

Но и вне зависимости от определения смысла терминов — «развитие» и «деградация» как объективно существующие жизненные явления наблюдаемы со стороны, ощутимы в жизни общества и могут быть осмыслены именно в качестве каждого из них. И если индивид начинает осознавать суть как развития, так и деградации, начинает различать эти процессы и разграничивать их проявления в жизни, то он — не либерал; а если был либералом ранее такого прозрения, то перестаёт быть либералом, и это — необратимо. Однако в этом случае он становится для либералов «потенциальным фашистом».

«Действительным фашистом» для либералов он становится в том случае, если либерализм вверх общество в процесс деградации, а индивид начинает бороться с деградацией и (в меру своего понимания, которое может быть и неадекватным) искоренять её причины, одной из которых является сам либерализм с его безнравственностью и развратом¹⁰, выражающимися в неопределённости ответа на вопрос «что есть человек нормальный и что есть образ жизни общества нормальных людей?»

Различие между либерализмом и фашизмом олигархически-диктаторского типа только в том, что:

либерализм своею неопределённостью нормы личностного и общественного развития препятствует становлению цивилизации человечности тем, что открывает ворота массовой

¹⁰ Неприятие людьми деградационных субкультур либерализма либерал-«антифашисты» характеризуют словами: «Фашизм не приемлет модернизма» (см. признаки фашизма Умберто Эко).

личностной деградации, что влечёт за собой деградацию общества;

а то, что либерализм именуется фашизмом (т.е. фашизм в обнажённо олигархически-диктаторской форме), препятствует становлению цивилизации человечности тем, что хотя и блокирует некоторые выявленные им деградационные процессы, тем не менее на деле препятствует личностному развитию, насаждая те или иные ограничивающие догмы.

В целом же либерализм и обнажённо олигархически-диктаторский фашизм взаимно дополняют и помогают друг другу в нескончаемой «борьбе нанайских мальчиков», препятствуя развитию человечества и построению цивилизации человечности.

То обстоятельство, что исторически сложившаяся культура Русской многонациональной региональной цивилизации не воплощает к настоящему времени изложенный выше и издревле несомый ею идеал — цивилизацию человечности — и преисполнена самых разнообразных пороков, ставших нормой жизни, — не означает, что этот идеал иллюзорен или несбыточен:

- он — цель культурного развития всего человечества;
- его определённая и неопровержимость¹¹ позволяют однозначно различать и разграничивать личностную деградацию и личностное развитие, которые влекут за собой деградацию и развитие общества в целом — соответственно;
- его определённая и неопровержимость позволяют выработать и проводить в жизнь политику устойчивого и безопасного развития всех без исключения обществ вне зависимости от достигнутого ими к настоящему времени состояния и накопленных пороков и проблем.

Но это — антилиберализм и антифашизм одновременно, поэтому недовольных в мире Русью-СССР-Россией много, и все они будут обвинять Россию: либералы — в фашизме, фашисты (приверженцы олигархических диктатур и вождизма) — в биологической и социокультурной неполноценности, указывая на действительные или вымышленные пороки и проблемы, свойственные России. В действительности же всем надо работать над собой, чтобы состояться в качестве человека — носителей человеческого типа строя психики.

Литература

1. Эко Умберто. Вечный фашизм. — Интернет-публикация перевода на русский: http://smarfiction.ru/prose/eternal_fascism/.
2. Битва добра и конформизма. — Интернет-ресурс: <http://iceaxe.livejournal.com/1153756.html>.
3. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов, на сайте psylib.ukrweb.net по книге: [Пер. М. Л. Гаспарова; Ред. тома и авт. вступ. ст. А. Ф. Лосев]; АН СССР, Ин-т философии. — 2-е изд., испр. — М.: Мысль, 1986.
4. Дикие дети: трагические судьбы реальных Маугли. — Интернет-ресурс: <http://www.yagazeta.com/news.php?extend.47016.6>
5. Брянчанинов И. Слово о человеке. — См. публикацию на сайте Саратовской епархии РПЦ: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/09i/ignatii/word/3.html>.
6. Коран.

¹¹ См. абзацы, выделенные курсивом.

Л. И. СУГАКОВА, старший научный сотрудник факультета социологии СПбГУ

Отношение петербургских студентов к событиям на Украине (после воссоединения Крыма с Россией)

Во вступлении к анализу результатов социологического исследования отношения Петербургских студентов к событиям на Украине (после присоединения Крыма) следует отметить, что после событий первой «оранжевой революции» 2004 года число исследований о социально-политическом развитии Украины резко возросло.

В настоящее время известный этносоциолог З.В. Сикевич пишет в своей новой книге «Вся вторая половина XX и начало XXI вв. знаменуются политической мобилизацией отдельных регионов и стран, которая нередко обретает этнический характер в форме стремления к государственному оформлению своей идентичности, что связано чаще всего с укреплением этнического самосознания».¹²

Другой петербургский политолог И.В. Грецкий выпустил книгу анализирующую причины первой «оранжевой революции» на Украине в 2004 году, которая, безусловно, связана с сегодняшними событиями. И.В. Грецкий¹³, исследуя отечественных авторов по этим вопросам, разделил их на интернистов и экстернистов.

Интернисты считают, что «оранжевая революция» является буржуазно-демократической, ее причины находятся внутри и включают в себя кризис правящего режима, а главным и определяющим фактором была способность украинцев к мобилизации.

Экстернисты исходят из того, что процесс выборов находился под существенным давлением внешнеполитических сил, без активного участия которых «оранжевая революция» была бы невозможна, особенно без их «информационно-психологической операции», которая является «частью обширной операции США и имеет далеко идущие планы».

¹² Сикевич З.В. «Этнические парадоксы глобального общества», Прага, 2014. – С. 25.

¹³ Грецкий И.В. «Внешиполитические факторы президентских выборов 2004 года в Украине». – СПб, 2010. – С. 9-11.

Теперь перейдем к результатам небольшого, но значимого социологического исследования, которое проведено сразу после присоединения Крыма в апреле с.г. (опрошено 507 петербургских студентов, из них 40% гуманитарной специализации, остальные – технической).

Предварительные вопросы (в %% округленно):

а) Следите ли Вы за событиями на Украине?

Ответы:

- Постоянно – 23

- Время от времени – 59

- Почти не слежу – всего – 17

б) Что Вас связывает с Украиной?

- треть респондентов (33%) назвали серьезную причину – «там у нашей семьи есть родственники и знакомые».

- почти половина (53%) ответили – «ничто не связывает».

Следует обратить внимание, что только у трети опрошенных там родственники, знакомые, а больше половины ответили, что их ничего не связывает. Однако, больше 80% из них следят за событиями на Украине, т. е. можно сказать, что у большинства респондентов имеется органическая, духовно-ментальная связь с Украиной.

Далее мы приводим ответы на главные вопросы:

Как Вы оцениваете события в Киеве и на Украине?

1. Это самая настоящая народная революция – 15.

2. Это типичная и опасная смута – 18.

3. В большей степени это следствие заговора западных сил с опорой на радикально-националистические нацистские элементы – 42.

4. Украина не цель, главная цель заговора – Россия – 25.

Как видим почти половина студентов отмечает вмешательство западных сил с опорой на оживших и русофобски накаченных нацистов, а четверть даже оценили их геополитическую и стратегическую цель.

Какое из приведенных ниже мнений в большей степени соответствует Вашему восприятию событий?

1. Поворот Украины в сторону Запада – закономерен – 18.

2. Этот же поворот неизбежно когда-либо совершит и Россия – 4.

3. Украина может жить только в союзе с Россией – 40.

4. Полагаю, что Украина – искусственное образование и рано или поздно неизбежно развалится – 33.

После происшедшего, Вы, лично, за присоединение Крыма к России?

1. Да – 68.

2. Нет – 8.

3. Не могу сказать определенно – 23.

Считаете ли Вы, что воля народов Крыма, высказанная на референдуме, и есть решающий и неоспоримый аргумент в пользу воссоединения Крыма и России?

1. Безусловно, да – 54.

2. И да, и нет, поскольку все сложнее – 39.

3. Определенно, нет – 5.

Как Вы оцениваете поведение В.В. Путина как политика в событиях в Крыму и на Украине?

1. Путин – блестящий политик, добившийся решающего успеха, что заслуживает высокой оценки – 71.

2. Скорее, Путин совершил грубую ошибку, за что всем нам (народу России) придется дорого заплатить, и не только материально – 17.

Данные показывают, что подавляющее большинство студентов активно поддерживают присоединение Крыма и Севастополя и политику Путина в этом отношении. Вместе с тем такое же большинство студентов имеет некоторое беспокойство в связи с этим.

Вызывают ли у Вас опасение, беспокойство, страх возможные последствия того, что происходит на Украине?

1. Нет, ничуть не вызывает – 27.

2. Испытываю некоторое беспокойство – 65.

3. Чувствую острый страх – 6.

И чего конкретно Вы боитесь? (Отметьте не более трех позиций)

1. Войны с Украиной и (или) с Западными странами – 44.

2. Экономической блокады России и ухудшения своего материального положения – 37.

3. Крушения планов на учебу, работу и жизнь на Западе – 17.

4. Боюсь, что большинство россиян, как всегда, оставят в дураках, а выиграют только «жирные коты-олигархи», да чиновники – 21.

5. Боюсь новых необдуманных шагов, как российского Президента, так и западного руководства – 21.

6. Боюсь потерять все то, что наша семья сегодня имеет на Украине – 2.

7. Боюсь ужесточения у нас полицейского режима и роста нарушений прав человека – 9.

8. Боюсь, что «развод» с Украиной – это навсегда и означает конец «братству народов» – 22.

В этой ситуации важно было уточнить национальное и интернациональное самоощущение студентов.

Как бы Вы себя охарактеризовали?

1. Я националист – 23.

2. Скорее, я интернационалист – 42.

3. Скорее, я космополит – 26.

Как представляется, важно, что почти половина (42%) ощущает себя интернационалистами, т. е. выступает за дружбу и солидарность народов, но в то же время сейчас нарастает отчужденное и космополитическое самоощущение молодежи по разным причинам (и социально и виртуально-техническим).

Какой ориентации Вы придерживаетесь?

1. Проевропейской – 8.

2. Самобытной русской (российской) – 36.

3. Евроазиатской – 10.

4. Никогда не приходилось над этим задумываться – 42.

Нельзя не отметить, что проеквропейской ориентации всего 8%. А большинство – не задумываются над этой важной мировоззренческой составляющей, т. е. повторяется известная аполитичность молодежи.

Смущает ли Вас, что абсолютное большинство стран мира осудили действия России?

1. Да, сильно смущает – 25.

2. Не смущает, а, только злит – 36.

3. Я равнодушен ко всему этому – 32.

4. Несколько обижает – 4.

Как полагаете, выдержит ли Россия давление Запада в украинском кризисе?

1. Безусловно выдержит и победит – 50.

2. Выдержит, хотя придется «затянуть пояса» – 38.

3. Не выдержит, и последствия могут быть весьма печальны – 3.

4. Не знаю – 9.

Возможно ли в России нечто вроде «майдана» в известном украинском варианте?

1. Если положение ощутимо ухудшится, вполне возможно – 16.
2. Могут быть небольшие волнения – 52.
3. Такое категорически невозможно – 30.

Верите ли Вы в счастливую судьбу России?

1. Скорее, да – 48.
2. Скорее нет – 37.
3. Затрудняюсь ответить – 13.

Интересны и значимы советы и пожелания студентов Президенту В. В. Путину:

- около трети опрошенных студентов в открытых вопросах повторили свою активную поддержку политике Путина в этом направлении: «молодец», «верю в его курс», «так держать...»,

- несколько человек отмечали: «не поддаваться на провокации», «остановиться на Крыме»,

- многие студенты (20%) писали о «необходимости подумать о людях и их нуждах в России», «поднимать русскую землю», «развивать отечественную промышленность и сельское хозяйство»,

- каждый пятый высказывал отрицательное мнение об Америке и ее политике,

- «дружить с Китаем и Индией»,

В целом можно отметить о массовой поддержке присоединения Крыма и понимание трудностей и социальных последствий. Одна девушка даже написала «Держись мужик»!

В заключение надо подчеркнуть, что среди социологов, как и везде сегодня, есть специалисты как с пророссийской, так и с прозападной ориентацией. Один из социологов с прозападной ориентации пишет: «Многих удивили результаты референдума в Крыму и опросы по всей России. Но тут же спохватывается и говорит о притихшей радикальной оппозиции. Ибо все последние опросы показали, что российская молодежь не такая прозападная как писали. Как подчеркивает как профессор СПбГУ Козлов А.А., «Патриотизм имеет охранительную функцию, а в случае геополитических угроз происходит эффект глубинного взрыва, что и произошло в период событий в Крыму и Севастополе, где сильно проявился наружу исторический российский архетип, в том числе и у молодежи.

Секция № 1. «Национальное взаимодействие в процессе цивилизационного развития» – Руководитель секции – к. ф. н., доцент И. В. Солонько

И. В. СОЛОНЬКО, проректор СПбГАУ, к. ф. н., доцент (soligor7@mail.ru)

Русский мир в условиях глобализации

Условия глобализации, проявляющиеся в растущей взаимосвязи и взаимозависимости стран и народов друг от друга, определяют правила игры в глобальном мире. Жесткая конкуренция за ограниченные ресурсы планеты это не безальтернативный сценарий естественного развития, а результат навязанного «мировой закулисы» искусственного сценария «разделяй и властвуй» по отношению к странам и народам. В основе этого многослойного сценария лежит западная (атлантическая) концепция толпо-элитарного пирамидального социально-экономического устройства мира.

Так называемые «страны-лидеры» мирового сообщества (США, Великобритания и их союзники) стремятся через контроль электронных средств

массовой коммуникации и транснациональную кредитно-финансовую систему подчинить экономически и идеологически так называемые «страны-изгои» (страны не являющиеся союзниками для лидеров Запада), навязать им свои культурные ценности, политические и экономические модели, призванные обслуживать хозяев нового мирового порядка. Но в перспективе эти «страны-лидеры» обречены сами оказаться в роли «стран-изгоев» так как институт национального государства не предусмотрен в планах нового мирового порядка. О чем уже в открытую начинают писать идеологи западной глобализации (Жак Аттали и др.).¹⁴

Мы рассматриваем феномен **глобализации** как объективный **процесс концентрации**

¹⁴ См., например: Бек У. Космополитическое мировоззрение. — М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008. — 336 с. и др.

управления производительными силами человечества, в котором сценарии и концепция глобализации — это субъективные факторы, определяющиеся концептуальной властью. Вокруг них и разворачивается основная конкуренция: чьи цели и чей сценарий будет реализован в рамках этого объективного процесса. В управленческом аспекте при дальнейшем разворачивании процессов глобализации значительным образом возрастает роль цивилизационно ориентированной концептуальной власти, для нас это в первую очередь русская концептуальная власть.¹⁵

В настоящее время актуальность темы становится все более очевидной. Навязываемый западный сценарий глобализации вызывает активное сопротивление со стороны стран и народов сохранивших де-факто свой суверенитет. В условиях перманентного обострения глобальной конкуренции за право жить по своим культурным традициям и цивилизационным основам независимые страны и народы вынуждены либо объединяться в союзы, либо искать покровительство сильного игрока на глобальной сцене, который способен предложить свой более приемлемый сценарий глобализации. Отталкиваясь от исторических реалий последних столетий, единственной альтернативой глобализации западному может быть русская многонациональная цивилизация, которую часто называют как русский мир.

В ментальности русского человека изначально отсутствует национальная неприязнь, вражда по расовым и религиозным признакам и т. д. Русский человек, осваивая Урал, Сибирь и Дальний Восток, не делал упор на силовые способы подчинения, он чаще всего нес с собой свой жизненный опыт, умение гармонично вписываться в жизненный уклад местного населения, несмотря на более высокий цивилизационный уровень. Общинные отношения, которым была подчинена русская артель и воинские дружины, не вступали в прямое противоречие с общественными отношениями коренного местного населения. Русская цивилизация в процессе своего становления объединяла различные народы и национальные культуры в единстве великой Русской культуры, в которой не подавлялись другие локальные культуры, а они взаимно обогащали друг друга в дополнение и для развития общей всем Русской

¹⁵ См.: Солонько И. В. *Феномен концептуальной власти: социально-философский анализ: монография. — 3-е изд., перераб. и доп. — М., 2011.*

многонациональной цивилизации. Этот бесценный опыт мирной естественной интеграции различных народов и культур может быть полезен для мирового сообщества, особенно в эпоху глобализации¹⁶, а теоретически он освоен впервые в трудах нашего соотечественника Н. Я. Данилевского¹⁷.

Русская цивилизация как культурно-историческая общность и живая динамическая система в зависимости от исторического этапа своего развития проявлялась: либо как Великое Княжество Московское, либо как Российская империя, либо как Советский Союз или СССР, либо в настоящее время — в виде Евразийского Союза с ключевой ролью России. В этом аспекте понятие «русский» из определения национальной принадлежности давно трансформировалось в определение цивилизационной принадлежности.

Русский мир, прежде всего, — это социокультурное и образовательное пространство русской культуры, российской системы образования и науки. Мы разделяем точку зрения наших коллег К. М. Гожева и И. Д. Тарбы, что социокультурное и образовательное пространство — это не политические границы, оно выше любых материальных ценностей. Россия является одной из ведущих стран Евразии, располагает социокультурным и образовательным пространством и сама по себе уже представляет модель глобализации, ибо она на весь мир заявила о многополярном мире. Другим не менее важным фактором преимущества России является ее поликультурность. Богатство России не только в ее недрах, а в ее многонациональном устройстве. Нет в мире страны более многонациональной, чем Россия, где сосуществуют в мире и согласии более 150 народов. Десятки национально-государственных образований и составляют основу Российской Федерации. Огромен у России опыт сосуществования разных народов и разных культур. Именно ее модель глобализации со временем станет образцом сосуществования разных культур и

¹⁶ См.: *Бороноев А. О., Смирнов П. И. Россия и русские: характер народа и судьбы страны. — 2-е изд. — СПб.: Панорама, 2001 ; Смирнов П. И. Слово о России: Беседы о Российской цивилизации. — СПб.: Химиздат, 2004.*

¹⁷ См.: *Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Сост. послесловие и комментарии С. А. Вайгачев. — М.: Книга, 1991.*

получит широкое признание на всем Евразийском пространстве.¹⁸

В чем же принципиальное отличие русского мира, его цивилизационных ценностей и приоритетов от западного (атлантического) мира. Прежде всего, это великий русский язык как стержень великой русской культуры, которая является важнейшей и неотъемлемой частью мировой культуры. Язык – это не только средство коммуникации, но и мировоззрение, способ восприятия мира и отношение к миру. Различия в поступках, национальном характере и ментальности общества – являются отчасти следствием родного языка как живого явления. И чем притягательней будет русский язык для общества, тем притягательней будет и русский мир как цивилизация со своими ценностями и приоритетами. Следовательно, необходимо беречь русский язык и развивать его повсеместно как культурный феномен.

Другое существенное отличие русской цивилизации проявляется в отсутствии двойных стандартов во взаимоотношениях с различными странами и народами. Вне зависимости от смены идеологической или религиозной парадигмы (язычество – православие, капитализм – социализм – капитализм, и т. п.) в русской многонациональной и поликультурной цивилизации всегда существовал приоритет свободы совести и вероисповедания. Причем начиная от не писаных законов Руси Изначальной, продолжая Русской Правдой Ярослава Мудрого и до наших дней, и в Российской империи, и в Советском Союзе и в Российской Федерации свобода совести и вероисповедания была и есть, закреплена юридически!

Признавая за любым человеком вне зависимости от национальности и религиозных убеждений самому решать свои главные мировоззренческие ориентиры, мы признавали и признаем равное человеческое достоинство. Для русского человека главное, какой он во взаимоотношениях с другими людьми и природой, а не какой он национальности, крови или вероисповедания. Для нас нет людей первого или второго сорта. А, например, в древнем Риме была поговорка: «другу позволено все, а врагу только закон». При этом подразумевалось, что жить «по

закону» выгодно только власти преобладающей, а не всему обществу.

И сегодня в международных отношениях обычно вспоминают про международное право только тогда, когда это выгодно так называемым «лидерам» глобализации по-западному и забывают, когда оно мешает достижению своих геополитических интересов. Цинизм двойных стандартов на примере последних тридцати лет в международной политике становится очевидным даже для обывателя на Западе. По факту международным правом прикрывается право силы или сильнейшего по отношению ко всем остальным. События в Ираке, Сирии, Афганистане, Украине и др. демонстрируют фактические нормы «демократии» для второсортных стран и народов.

Не идеализируя российскую историю и современную Россию, можно признать, что она всегда боролась за справедливое мироустройство для всего мирового сообщества, а не для глобальных акторов, пытающихся монополизировать мнение мирового сообщества. Зачастую политику двойных стандартов русская цивилизация преодолевала в одиночестве и оплачивала свой суверенитет тяжелой, в том числе и кровавой ценой миллионов погибших сограждан в развязанных Западом мировых и локальных войнах. Здесь уместно вспомнить и про мюнхенский сговор в канун второй мировой войны и про результаты голосования в Совете безопасности ООН по вопросам украинского кризиса и многое другое.

Войны бывают «холодные» и «горячие». Холодная война идет на Земле перманентно уже сотни лет и называется по-разному, например, «большая игра» по Р. Киплингу и др. Любая горячая война не развязывается на пустом месте, а системно и долго готовится в холодной войне. Задача политиков бескризисно и мирно управлять обществом и в интересах общества. Для этого всегда необходимо понимать концепцию управления на уровне внутренней, внешней и глобальной политик. Если на протяжении длительного времени, не смотря на различные декларации о благонамеренном сотрудничестве («конвергенция», «разрядка», «перезагрузка» и т. п.), холодная война угрожает перерасти в очередную горячую мировую войну, то для сохранения мира политикам необходимо обсуждать не качество демократии в странах-изгоях, а концепцию глобализации. Альтернативная концепция глобализации должна устроить всё поликультурное и многонациональное мировое

¹⁸ Гожев К. М., Тарба И. Д. *Сознание и самосознание – этническое и национальное.* – Сухум: РИО АГУ, 2013. – С. 264-265.

сообщество как концепция согласованного взаимовыгодного экологического и социально-экономического развития нынешних поколений землян не в ущерб будущим поколениям.

На Западе такая дискуссия вне темы широкого обсуждения в СМИ, она пока удел только «избранных», в отличие от России, где эти вопросы обсуждаются не только на научных конференциях, но временами даже и в СМИ. В XXI веке после смены логики социального поведения в массовом сознании западное общество постепенно прозревает от вялотекущей шизофрении двойных стандартов (прецеденты Косово, Приднестровья, Абхазии и др.) и псевдолиберальных ценностей (однополюе «браки», сексуальное «просвещение» детей и др.). Это прозрение проявляется, несмотря на полную подконтрольность «независимых» западных СМИ, в беспрецедентном падении авторитетов лидеров европейских стран и США на фоне растущего авторитета лидера России и русской цивилизации. Рейтинги можно корректировать политическими и PR-технологиями, но авторитет затрагивает не только сознание, но и бессознательные уровни психики. Народ душой чувствует, «кто есть мистер Путин» и кто есть их «лидеры». Результаты последних выборов в Европейский Парламент – это звонок заигравшейся западной элите о провале западной концепции глобализации в Европе.

Для представителей русской многонациональной цивилизации вопрос взаимовыгодного сотрудничества с Западом пока остается открытым. Каждый народ сам оплачивает свой суверенитет во всех смыслах этого слова. И если наши западные «партнеры» планируют оплачивать свой суверенитет за счет России или других стран, то их разочарование будет неизбежным. С момента исторического воссоединения Крыма с Россией мы уже живем качественно в новом мире, отличном от старого-«нового» мирового порядка. Россия больше не будет оплачивать геополитические и экономические интересы Запада. На постсоветском пространстве начался процесс интеграции в новых рамках ЕврАзЭС.

Старые сценарии глобализаторов не работают в новых условиях смены логики социального поведения. Новые сценарии «русской весны» уже развиваются помимо воли «великих комбинаторов». Евразийская интеграция – устойчивый процесс, не ограничивающийся ни количеством участников-учредителей (Россия, Казахстан и Белоруссия), ни качеством его развития. Любой первый прецедент

вступления в ЕврАзЭС страны, не принадлежащей постсоветскому пространству, спровоцирует активное стремление влиться в него другие страны по причине перспективы быть равным и суверенным игроком в развитии глобализации по-русски.

Отдельно следует отметить проблемы так называемой «пятой колонны» как внутри русской цивилизации, так и внутри западной. Это нормальное явление во все времена. Каждый человек, как член социума, сам определяет свою судьбу и будущее своего народа. По мере развития подлинного гражданского общества представители «пятой колонны» либо излечатся от комплекса вечных «оппозиционеров», либо переведут свою деятельность в конструктивное русло созидательной критики. Разница лишь в том, что Русская цивилизация за свою длительную историю привыкла к этому феномену, и имеет положительный опыт разрешения внутрисоциальных конфликтов без потери суверенитета и государственности. А западная цивилизация по мере роста своей «пятой колонны» не будет в состоянии контролировать и управлять этим процессом, так как эта устойчивая тенденция не имеет конструктивного разрешения в русле двойных стандартов. По своей сути главная пятая колонна на западе — это сами глобализаторы-атлантисты, которые латентно действуют против интересов народов ЕС и США, пытаются втянуть их в новую горячую мировую войну в целях сокращения «избыточной» части населения Земли.

Для авторов глобализации по-западному есть только одна конструктивная альтернатива — перейти от двойных стандартов к подлинному равноправному диалогу и сотрудничеству между цивилизациями в процессе бескризисного развития общечеловеческой справедливой цивилизации по-русски.

Литература

1. Бек У. Космополитическое мировоззрение. — М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008.
2. Бороноев А. О., Смирнов П. И. Россия и русские: характер народа и судьбы страны. — 2-е изд. — СПб.: Панорама, 2001.
3. Гожев К. М., Тарба И. Д. Сознание и самосознание – этническое и национальное. — Сухум: РИО АГУ, 2013.
4. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Сост. послесловие и комментарии С. А. Вайгачев. — М.: Книга, 1991.

5. Смирнов П. И. Слово о России: Беседы о Российской цивилизации. — СПб.: Химиздат, 2004.

6. Солонько И. В. Феномен концептуальной власти: социально-философский анализ: монография. – 3-е изд., перераб. и доп. — М., 2011.

О. С. ГОРОДНИНА, к. пол. н., доцент кафедры общей и прикладной политологии ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет»

Сотрудничество государства и гражданского общества как актуальная проблема отечественной науки и практики

Масштаб и характер преобразований, затронувших все основные структурные компоненты отечественной общественно-политической системы, детерминируют активное участие в политической практике институтов гражданского общества. В этой связи крайне востребованным становится научное осмысление опыта, динамики и возможных перспектив взаимодействия гражданского общества и государства, поскольку конструктивное сотрудничество последних рассматривается в качестве важнейшего условия стабилизации и гармонизации всей общественно-политической жизни современной России.

Более того, демократический вектор развития, характерный и для российского социума, находится в непосредственной зависимости от состояния функционирования гражданского общества, призванного инициировать, осуществлять и поддерживать посредничество между правящей элитой и населением, способствовать формированию и укреплению интеграционных связей в системе «государство-гражданин».

Среди возможных форм взаимодействия гражданского общества и государства следует выделить, прежде всего, организационно-правовые, поскольку они закрепляют и регламентируют основные права, обязанности и полномочия государственных акторов и представителей НКО. К организационно-правовым формам относятся:

1) государственно-правовая регламентация функционирования субъектов гражданского общества, закрепление конституционно-правового статуса последних;

2) участие субъектов гражданского общества и, прежде всего, структур политического характера в организации и деятельности органов государственной власти;

3) запрет тотального вмешательства органов государственной власти и их должностных лиц в законную частную и личную жизнь человека и гражданина;

4) законодательное закрепление обязанности государства по обеспечению экономической, политической и социальной безопасности человека, его прав и свобод, которые в целом составляют содержание конституционного статуса личности в Российской Федерации.

На сегодняшний день объектом пристального научного внимания являются три модели возможного взаимодействия институтов государственной власти и структур гражданского общества: сотрудничество, игнорирование (отсутствие сотрудничества) и конфронтация. Но поскольку характер развития современной общественно-политической системы отличается сложностью и вариативностью, выбор конкретной модели взаимодействия негосударственного сектора и публичной власти обуславливается уровнем и качеством развития всей совокупности институционализированных и неинституционализированных факторов. В этой связи российские эксперты выделяют следующие варианты сосуществования гражданского общества и государства [10]:

- «модель садовника», в рамках которой структуры публичной власти федерального и регионального уровней способствуют становлению и развитию гражданских ассоциаций посредством нормотворческой и координационной деятельности;

- партнерская модель позволяет установить максимально открытые, паритетные, взаимовыгодные формы сотрудничества в системе «государство-гражданское общество», согласно которым государственные институты понимают и признают важность независимых НПО как субъектов общественно-политических отношений. Следует отметить, что именно партнерская модель является, в большей степени, условием успешной реализации на практике механизма общественного контроля.

- в «модели архитектора» подчеркивается доминантная, определяющая роль

гражданского общества и его структур в формировании публичной политики, решении конкретных проблем, реализации реформ институтов государственной власти;

- патерналистская модель существенно ограничивает возможности объединений негосударственного сектора быть полноценной альтернативной силой в системе общественно-политических отношений. Более того, модель «приводных ремней», которая наряду с патерналистской относится к взаимодействию, основанному на доминировании власти, ставит гражданское общество под полный контроль государства;

- модель игнорирования характеризуется многообразием форм, методов, способов негосударственной поддержки и помощи неправительственным структурам, а также концентрацией внимания и ресурсов со стороны государственной власти на решении политических и экономических проблем;

- конфронтация, которая включает в себя модели «борьба с противником» и «гражданское неповиновение». Разумеется, указанные варианты взаимодействия гражданского общества и государства имеют право на существование, особенно в условиях тотального нарушения прав и свобод граждан. Однако изучение эмпирических данных о степени включенности негосударственных структур в общественно-политический процесс позволяет автору сделать вывод о неэффективности и деструктивности принципа «борьба за гражданское общество есть борьба против государства». Более того, взаимодействия институтов гражданского общества и государства в рамках конфликтной парадигмы максимально сокращает возможность взаимовыгодного дискурса основных участников политического процесса.

В условиях современной России взаимодействие гражданского общества и государства обуславливается не общностью целей, а реальным соотношением сил. Это признают и лидеры некоммерческих организаций: «Дружить вовсю с чиновниками у нас нет оснований потому, что мы исправляем ошибки, допущенные государством. Но это не дает нам оснований находится в какой-то конфронтации..., потому что мы понимаем, что без государства, какие бы мы хорошие не были, мы ничего не сможем сделать» [6]. Таким образом, непреодолимой пропасти между государством и гражданским обществом, в

принципе, нет. В этой связи уместно вспомнить, что еще в 2004 году, будучи Президентом Российской Федерации В. В. Путин озвучил ряд инициатив, направленных на оптимизацию процессов становления и укрепления институтов гражданского общества. А именно:

1. постепенно передавать негосударственному сектору функции, которые государство не должно или не способно эффективно выполнять;

2. использовать опыт работы общественных палат ряда регионов России, поскольку подобные постоянно действующие негосударственные организации могут обеспечивать независимую экспертизу важнейших нормативных актов;

3. теснее сотрудничать политическим партиям с гражданскими структурами, так как непосредственная связь с людьми поможет улучшить качество народного представительства на всех уровнях [8;14].

На сегодняшний день в отечественной политической практике разработаны и апробированы различные формы взаимодействия между государством и институтами гражданского общества, призванные усилить эффективность и результативность данного сотрудничества: взаимное информирование; совместное обращение к СМИ; экспертная работа; взаимное участие в совместных проектах, целевых программах; создание нормативно-правовой базы; разработка, совершенствование приоритетов и принципов сотрудничества.

Помимо этого можно выделить частные формы коммуникации официальной власти и представителей гражданского общества такие, как:

- организация и работа круглых столов, совещаний;
- сотрудничество в рабочих группах;
- сбор информации друг о друге.

Однако приходится констатировать, что полноценного, качественного единства между государством и структурами гражданского общества в России, на сегодняшний день, не сложилось: «Самой же власти от гражданского общества ничего серьезного, кроме ритуальной поддержки, не нужно. Общественные организации не воспринимаются властью как значимый политический ресурс (с чем трудно не согласиться)» [1].

Действительно, слабость, политическая пассивность, несостоятельность значительного количества организаций гражданского общества, а также личные амбиции, некомпетентность

участников НКО, неумение ясно, четко сформулировать и грамотно отстаивать свою позицию не является прочной, стабильной основой для взаимовыгодного и эффективного сотрудничества с государством.

Вместе с тем «осуждать» исключительно гражданские ассоциации за отсутствие эффективного союза с федеральными и региональными структурами власти в корне неверно. Поскольку несмотря на неоднократные публичные заявления первых лиц государства о необходимости формирования толерантного и взаимовыгодного партнерства с институтами гражданского общества (зрелая демократия и развитое гражданское общество как приоритетная цель; «без зрелого гражданского общества невозможно эффективное решение насущных проблем людей»; «власть проиграет, если ее партнером будет несвободное общество» [8]), публичная власть далеко не всегда реализует эти идеи на практике. Согласно точке зрения Л.И. Никовской, которую разделяют многие исследователи, современная российская бюрократия выиграла схватку с демократическими силами и превратилась в управляющую силу, безраздельно властвующего субъекта [5;80].

Однако не только представители научной общественности акцентируют внимание на взаимодействии государства и гражданского общества как актуальной проблеме, характеризующей развитие общественно-политической системы современной России. Так, лидеры отечественных правозащитных организаций прямо обвиняют государство в саботировании деятельности гражданских ассоциаций (государство в лице исполнительной власти готово принять, рассмотреть проекты, не связанные с кардинальными переменами в сложившейся системе приоритетов; государство ни одной своей позиции не уступит), в стремлении расколоть крупные нелояльные общественные организации или хотя бы временно вытеснить их на периферию гражданской жизни [1]. Согласно ранее проведенным социологическим исследованиям, около половины госслужащих считали бессмысленными попытки наладить диалог и взаимодействие с гражданами и их ассоциациями [3]. И сегодня, как неоднократно подчеркивала Э.Панфилова, государственные ведомства не спешат признавать гражданское общество, общественность своим полноценным партнером. Главными чертами чиновников остается интеллектуальная, технократическая спесь,

отсутствие желания и умения вести диалог, не подменяя его пустой формальностью [7].

Несмотря на столь противоречивую ситуацию, россияне заинтересованы как в государстве, так и в гражданском обществе. От последнего ждут большей активности, эффективного и равноправного партнерства с государством. Так, 30% граждан считают необходимым «совместную разработку и реализацию общественно важных программ» силами государства и общественных организаций. А 15% респондентов выступают за «помощь власти в ее планах или начинаниях». Причем граждане России (57%) убеждены в необходимости и пользе поддержки некоммерческого сектора и общественных инициатив со стороны государства [3].

Изучение динамики изменений общественных суждений по вопросу сотрудничества структур государственного и негосударственного секторов позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, значительная часть респондентов не имеет четкого и ясного представления о формах, методах и моделях взаимодействия публичной власти и гражданских объединений (39%) [4;20]. А это является ярким доказательством отсутствия эффективной, отлаженной системы информирования граждан о деятельности основных акторов общественно-политической жизни. Во-вторых, практически каждый пятый опрошенный россиянин (21%) убежден в том, что некоммерческие организации не вступают в контакты с властью [4;20]. Однако 40% исследуемых признали целесообразность сотрудничества гражданских структур с институтами публичной власти при отстаивании и защите интересов граждан [4;20]. Таким образом, реальное и конструктивное взаимодействие в системе «государство-гражданское общество» является востребованным и ожидаемым со стороны значительной части населения РФ.

Более того, факт сотрудничества между органами государственной власти, местного самоуправления и НПО признается подавляющим большинством их участников: 93 и 98 процентов соответственно [4;21]. При этом наиболее активно система совместных действий развивается на уровне местного самоуправления. По оценкам экспертов, именно здесь НКО функционируют в качестве реальных, а не виртуальных партнеров органов местного самоуправления. Так, около 80% опрошенных активистов НКО часто (65%) или иногда (21%) вступают в «союз» с структурами

местного самоуправления, а с федеральными – только 42% [4;22].

Среди наиболее интересных и дискуссионных разработок, призванных оптимизировать сотрудничество гражданского общества и государства ученые, эксперты абсолютно справедливо называют новый общественный договор, инициатива создания которого принадлежит отечественным гражданским и деловым организациям. Новый общественный договор, по мнению его разработчиков, – это национальный проект, в котором закрепляются прямые соглашения крупных деловых, гражданских ассоциаций и официальной власти по вопросам совместной деятельности и план законопроектных работ, необходимый для реализации совместных соглашений, а также предусматривающий механизмы отслеживания исполнения сторонами взятых на себя обязательств [2]. Таким образом, основой нового общественного договора являются взаимные обязательства структур гражданского общества, деловых объединений и органов власти. Следовательно, общественный договор нужно рассматривать не в качестве запроса общества к власти, а как план совместных акций, реализация которого зависит от деятельной и качественной работы его участников.

Возвращаясь к уже апробированным методам и формам сотрудничества институтов государственной власти и структур гражданского общества, следует отметить, что наибольшее распространение получили две формы: экономические и неэкономические. Чаще всего к экономическому сотрудничеству относят совместную реализацию социальных программ, формирование и размещение социального заказа, имущественную поддержку негосударственных объединений, а также грантовую политику. Согласно данным РОМИР, бюджетные средства составляют до 29% финансирования НКО [4;20].

Неэкономические формы совместной деятельности публичной власти и негосударственного сектора, в принципе, достаточно разнообразны. Как правило, к ним относят: личные контакты, знакомства; «круглые столы», совместные публичные акции; юридическое консультирование; консультирование по вопросам организации и управления; подготовку совместными усилиями адресных программ для различных категорий граждан по наиболее актуальным проблемам и т.д.

Однако не следует забывать, что российская государственность и социум переживают далеко не

самый стабильный период в своем развитии. Массу проблем экономического, социального, правового, политического характера необходимо решать уже сегодня. А результаты не всегда соответствуют официальным прогнозам, срокам и общественным ожиданиям.

В связи с этим взаимодействие государства и гражданского общества подобно, на наш взгляд, маятнику. На каждом новом историческом этапе развития формируются различные потребности и интересы. В рамках стабильности государство ослабляет функции регулирования, а общество претендует на более активную и влиятельную роль в общественно-политическом процессе. Когда же складывается критическая ситуация, государство мобилизует контролирующие и иные функции. Более того, гражданское общество – это не данность. Оно постоянно развивается. Часть организаций признается государством, налаживаются партнерские отношения. Другие структуры гражданского общества остаются вне зоны государственного внимания и поддержки. Власть принимает далеко не все новые гражданские инициативы.

Несмотря на это, автор настаивает на общественно-политической необходимости и целесообразности сотрудничества государства и действующих структур гражданского общества. Формальная демократия, созданная посредством элиты, не может удовлетворять запросы современного мыслящего, ответственного, активного гражданина. Необходима определенная доля постоянного участия граждан в политическом процессе, «более широкое партнерство между институтом гражданского общества и властью в широком смысле этого слова» [7].

Литература

1. Аверкиев И.В. Гражданский Форум: и участвовать не хочется, и не участвовать нельзя// www.hrg.org
2. Гражданский Форум прошел. Пора объединяться и за работу// www.hrg.org
3. Доклад Общественной палаты России о состоянии гражданского общества Российской Федерации// www.oprf.ru/documents/report
4. Доклад о состоянии развития гражданского общества в РФ. – М., 2008.
5. Никовская Л.И. Конфликтные аспекты взаимодействия государства и гражданского общества в России: состояние и особенности развития в регионах// Проблема становления гражданского общества в России. – М., 2003.

6. НКО и гражданское общество // <http://bd.fom.ru/report/map/d010262>

7. Отчет о заседании Совета по содействию развития институтов гражданского общества и правам человека // www.kremkin.ru/fpappears/2005/07/20/1801

8. Послание Президента России В. В. Путина Федеральному Собранию РФ // Новые законы и нормативные акты. Библиотека Российской газеты.

– 2004. – № 12; Выступление Президента России В. В. Путина на I Гражданском Форуме // www.gov.karelia.ru

9. Публичная политика в России // Полис. – 2005. – № 3. – С. 156.

10. Сунгуров А. Ю. Возможные модели взаимодействия органов власти и структур гражданского общества // www.4.cs.ru/materials/wp-id_3581/.

Е. В. ВОЛКОВА, сотрудник кафедры социологии и ювенальной политики ФГБОУ ВПО «Орловской государственной академии права и экономики»

Модернизация политической системы: в оценках зарубежных и российских исследователей

Модернизация политической системы является объектом научного рассмотрения на протяжении долгого периода времени. Достаточно напомнить, что впервые термин «modernus» (современный) было упомянуто еще в V в. Немецкий философ Ю. Хабермас полагал, что использование нового понятия было необходимо для разграничения христианского настоящего и языческого римского прошлого [9;187].

В 1770 г. появляется одно из первых научных определений модернизации. Так, философ маркиз де Кондорсе понимал под модернизацией способность современных людей научно направлять изменения общества [9;187].

В XIX - начале XX вв. начинает оформляться традиционная версия толкования модернизации, которая станет основой для классической теории модернизации. Ученые рассматривают данное явление как «процесс обновления в процессе развития, как движения различных народов по восходящей лестнице к рационализму, секулярности, как идею постепенного освобождения человечества от страха и невежества, движения по пути ко все более высоким уровням цивилизации» [9;187].

Наряду с указанным пониманием сути модернизационных процессов, последние интерпретировались в контексте технологических и производственных характеристик. Так, модернизация зачастую определяется как особый процесс перехода общества аграрного, традиционного типа в индустриальное или

современное, путем преобразования его хозяйственной, трудовой и производственной сфер [5].

Однако подобные характеристики не могут, на наш взгляд, раскрыть в полном объеме столь сложный, многомерный процесс, как модернизация. В этой связи считаем необходимым подчеркнуть многоаспектность изучения последней. В теоретическом плане модернизация – это «сложный междисциплинарный феномен социального познания, в котором переплетаются практические предпосылки, комплексы научных идей, общественные идеалы, господствующие парадигмы, философские и многие другие идеи, зародившиеся в эпоху Возрождения и Просвещения, а также в классической социологии XIX в.» [9;186]. С точки зрения практической реализации модернизация представляет собой «процесс обновления общества на основе ассимиляции достижений более развитых стран, а также элемент движения общества от традиционализма к либерализму при условии существования эшелонов стран, уже ранее прошедших этот путь и своим примером стимулирующих потребности в модернизации и оказывающих определенную помощь ее проведению» [17].

Проблема модернизационного развития рассматривается не только посредством изучения опыта стран Запада. Российские модернизационные проекты отражают динамику научных представлений и оценок относительно перспектив перехода к обществу современного типа, а также позволяют выделить, изучить издержки и достижения модернизационных трансформаций в разные исторические периоды. С.А. Ланцов отмечает, что первые робкие попытки проведения данных преобразований можно отнести к периоду правления царя Алексея Михайловича, но в полной мере модернизационные изменения

затронули нашу страну при Петре I [9;119]. Однако В.И. Пантин настаивает на том, что модернизационные изменения в России с элементами «вестернизации» начинаются во времена Бориса Годунова и Лжедмитрия I [13;125].

Несмотря на сложность определения исходного рубежа начала модернизационных преобразований в России, отечественные ученые и эксперты солидарны в признании несовпадения с западноевропейским опытом содержания, методов, способов внедрения указанных новаций в отечественную общественно-политическую практику. Так, среди особенностей модернизации по – российски выделяют: 1) отсутствие модернизаторских элит как социального слоя, которые должны выступать носителем и субъектом модернизационных идей и преобразований; 2) доминирующая роль государства в осуществлении модернизации, что приводило к искусственному насаждению последней «сверху» и ее отторжению «снизу» [6;190-211]; 3) разнонаправленность процессов модернизации государства и модернизации общества [14;3-40].

Видные российские политологи В. Пантин, М. Ильин, Е. Мелешкина определяют тип российской модернизации как эндогенно-экзогенный. Особенностью данного типа выступают сочетание собственных и заимствованных из-за рубежа институтов и традиций, при этом главенствующую роль играет государство из-за слабости гражданского общества, а модернизация российского социума подменяется модернизацией государства [8;148].

Сравнивая развитие модернизации в России с европейскими странами, отечественные политологи определили, что в нашей стране данный процесс происходил намного медленнее, имеет растянутый, незавершенный и волнообразный характер, а также инициируется и осуществляется «сверху». Но в данном контексте интересно мнение А.Ю. Мельвиля, который отмечает, что «реформирование волевым порядком и по вертикали», что отличает модернизационные процессы в России, обеспечивало институциональную поддержку данных преобразований в рамках демократических законов [3;25].

Относительно современного периода модернизационных преобразований в России, отмечается осознание и признание субъектами политической власти необходимости ускорить модернизационные процессы, но только под пристальным контролем со стороны государства.

При этом, М.К. Горшков отмечает, что процесс модернизации в нашей стране идет противоречиво и зависит от множества изменяющихся, ситуативных факторов, среди которых неоднородность россиян по свойственному им типу мышления, установкам и ценностям, доминирование в сознании населения особой модели взаимоотношений между личностью и государством [4;41], а Э.В. Чекмарев, к важным политическим факторам модернизации относит уровень правовой культуры общества, который должен соответствовать не только задачам и целям модернизации, а интересам народа страны, ее безопасности и суверенитету [18;21].

Для лучшего и более полного освещения рассматриваемого нами вопроса, считаем необходимым обратиться к истории становления концепций модернизации.

Основные теоретические предпосылки становления теории модернизации связаны с научной деятельностью выдающихся философов и социологов таких, как О. Конт, Г. Спенсер, К. Маркс, М. Вебер, Э. Дюркгейм. Логика рассуждений О. Конта и Г. Спенсера была близка друг другу. Оба этих мыслителя рассматривали модернизацию в качестве необходимого, неизбежного и объективного явления, считая, что именно модернизационные преобразования способны военно-завоевательный тип общества привести к современному, а также обеспечить эволюцию социальных отношений до их современных форм.

По мнению М. Вебера, рационализация поведения является ключевым фактором перехода европейского общества от традиционного типа к современному. Э. Дюркгейм, в качестве необходимого условия и характеристик современного общества, называет усовершенствованную по отношению к первобытным формам организации общества систему разделения труда.

Представители теории структурного функционализма также внесли свой вклад в становление теории модернизации. Так, Т. Парсонс в основе развития общества видел процесс структурной дифференциации. Соединенные Штаты Америки стали для ученого образцом модернизированного общества, поскольку именно в этой стране были успешно реализованы преобразования в области промышленности и становления демократических институтов и процедур, а также тесное сотрудничество этих двух компонентов между собой [11;31-32].

Становление классической теории модернизации относится к 50-60 годам XX века. В работах европейских и американских исследователей четко подчеркивалось неоднозначность, многоаспектность модернизации, но при этом ее универсальность, неизбежность и необратимость. В качестве своеобразного эталона современного социума называлась западная цивилизация, ценности, стандарты и образцы которой должны были слепым образом заимствоваться и внедряться в модернизирующиеся общества.

М. Леви определял индустриальное общество как общество с высокими достижениями в экономической и политической, социальной, культурной и духовной сферах [7;6-7]. У. Ростоу также разделял идею универсального эволюционного движения общества от низкой стадии к более высоким. А достичь уровня современного общества возможно, по мнению исследователя, благодаря постепенному переходу социума от одной общественной стадии к другой и количество таких стадий – пять. И завершающая, пятая стадия, определяется как эпоха массового потребления, в которой возрастает доход и жизненный уровень населения, формируется новая трудовая система, а государство становится государством благосостояния [7; 21-34].

К концу 60-х годов XX века ученые в рамках своих исследований не ограничивались определениями понятия «модернизация», во главу угла становится проблема политической стабильности как залога социально-экономического прогресса. В данный период выделяются консервативное и либеральное направления в отношении способов осуществления политической модернизации.

Представители либерального направления, Л. Пай и К. Дойч, одной из особенностей модернизирующегося общества называли рост политического участия граждан. Л. Пай рассматривал политическое участие в качестве фактора, повышающего эффективность и легитимность политического режима переходного типа. Возрастание уровня политического участия населения, также, по мнению американского политолога К. Дойча [7;115], характерно для обществ, находящихся на стадии модернизационных преобразований. При этом особенностью данного исследователя было рассмотрение модернизации в тесной взаимосвязи с социальной мобилизацией, которая понимается как «всеобъемлющий процесс изменения,

происходящий со значительными частями населения в странах, переходящих от традиционного к современному образу жизни».

Один из представителей консервативного крыла, С. Хантингтон, в своих работах четко различал между собой процессы политического развития, политической модернизации и социально-экономической модернизации. Ученый утверждал, что слишком быстрая социально-экономическая модернизация может привести к политической нестабильности и упадку. Политическая модернизация, по мнению С. Хантингтона, предполагает массовую мобилизацию и расширение политического участия [7;146-148].

Развитие всех стран и народностей с точки зрения теорий модернизации классического периода рассматривалось как универсальное явление, то есть происходящие в одном направлении, предполагающие единые стадии, закономерности и процессы, при этом национальные особенности принимались к рассмотрению, но они уже имели второстепенное значение. На первый план выходили явления технологического толка, предполагалось, что в основе успешного общественного развития лежат прогрессивные изменения в экономике и технологиях, способные привести к улучшению уровня жизни населения.

С конца 1960-х годов проявляется кризис первого этапа, связанный с пониманием отдельными учеными ложности представлений о модернизации как линейном и универсальном процессе. При этом многие авторы теории модернизации стали полагать, что она предполагает не искоренение традиционности, как это считалось ранее, а наоборот преобразование и развитие должно происходить с использованием традиций, выступающих в качестве стабилизатора модернизационных процессов и определяющих их особенности [7;15-16].

Во второй половине 1980-х годов получают свое развитие представления о «модернизации в обход модерна», которые не отрицают универсальность общественного и политического развития, но залогом успеха модернизационного процесса выступает синтез универсализма и партикуляризма. А «модернизация рассматривается как саморазвивающийся процесс, зависящий не только от деятельности политических элит, но и, в первую очередь, от влияния объективных обстоятельств поведения рядовых членов общества» [7;16]. Таким образом, прослеживается тенденция понимания модернизации не только как

процесса перехода от простой стадии развития общества к более сложной, а включения в данное понятие различных национальных явлений и характеристик, основанных на духовных ценностях, политической культуре, культуре участия и инициативности членов социума и государства, затронутых модернизационными процессами, способных либо ускорить, либо замедлить их.

Представители концепции «модернизации в обход модернизи» (А. Абдель-Малек, А. Турен, С. Хантингтон, Ш. Эйзенштадт и др.) связывали процесс модернизации не столько с действиями политической элиты, сколько с поведением и активностью рядовых членов общества. Ш. Эйзенштадт отмечал, что уничтожение традиционной системы ценностей переходного общества не способствует становлению и укреплению новых процедур и институтов, а, напротив, приводит к дезинтеграции, дезориентации и хаосу [20;99]. Израильский ученый выделяет следующие характеристики политической модернизации:

1) становление разнообразной политической структуры с высокой степенью специализации политических ролей и институтов;

2) создание конкурирующих политических организаций, имеющих существенное политическое влияние на различные сферы общества;

3) увеличение адаптивной способности политической системы, создание новых видов институтов, обеспечивающих эффективный диалог между населением и правительством;

4) становление и развитие беспристрастной системы законодательства, политико-правовых технологий решения конфликтов;

5) рост уровня политической активности и участия граждан как на региональном так и на федеральном уровнях, за счет расширения субъектов избирательного права;

6) создание рациональной политической бюрократии при большой централизации правительственных функций;

7) обязательное наличие оппозиционных политических партий, добровольных ассоциаций, свободной прессы и их активная деятельность;

8) уменьшение влияния традиционных политических элит и их замена модернизаторскими;

9) формирование способности политической системы аккумулировать требования и претензии разных социальных групп, создать в стране политико-правовые механизмы институционализации разрешения конфликтов» [8;148].

А. Абдель-Малек критиковал жесткое заимствование и универсализм западных ценностей, отмечая необходимость использования собственных культурных достижений странами, вставшими на путь модернизационных преобразований.

Несмотря на то, что первые и более комплексные обращения к понятию «модернизация» связаны с именами американских и европейских ученых, отечественные исследователи также внесли свой вклад в научно-теоретическую разработку проблемы модернизации. Более того, российские ученые стремились найти необходимый баланс, внести нужные коррективы в содержание модернизационных преобразований, обращая внимание инициаторов модернизации на российские традиции и цивилизацию.

Отечественный политолог А.С. Ахиезер видел в модернизации необходимый залог и механизм для обеспечения качественного развития личности и общественной динамики, при этом считал ошибочным сводить модернизацию лишь к механическому переходу от общества традиционного к современному [19;19].

По мнению доктора философских наук В. Федотовой, «в общем виде модернизация определяется как переход от традиционного общества к обществу современному, которое включает в себя прежде всего коренное отличие от традиционного, т.е. ориентацию на инновации, преобладание инноваций над традицией, светский характер социальной жизни, поступательное (нециклическое) развитие, выделенную персональную, преимущественную ориентацию на инструментальные ценности, индустриальный характер, массовое образование, активный деятельностный психологический склад и т.д.» [16;65; 19;191]. При этом исследователь делает акцент на том, что данные характеристики характерны только для развивающихся незападных стран. Рассмотрение модернизации в рамках культурологического и цивилизационного явления позволило автору создать типологию цивилизаций «на основе областей однотипного развития». Согласно данной типологии выделяются западная цивилизация и страны «второго эшелона». Западная цивилизация представляет собой синтез двух подвидов: американской и европейской, где модернизация- это результат органического, эволюционного развития. Модернизация во второго типа странах носит неорганический, неравномерный

характер, выступая «ответом» на «вызовы» развитых стран Запада.

Э. В. Чекмарев отмечает, что западные исследователи разрабатывали теорию модернизации для выявления отсталости одних стран от других и обоснования необходимости развивающихся стран вступить на путь цивилизационного и демократического развития, а отечественные ученые рассматривали модернизацию сквозь призму всечеловечности и культурной самобытности. Собственно модернизация, по мнению ученого, представляет собой переход общества и государства в качественное новое состояние, успех которого зависит именно от власти и политической элиты, способных для его достижения опереться на традиционные ценности и человеческие ресурсы [18;18].

А. В. Семенов отмечает, что успех политической модернизации напрямую зависит от национального единства и политического плюрализма, а ее реализация направлена на совершенствование политической системы общества с ориентацией на демократические идеалы и политические реалии современности [15;2-4].

В. С. Ананьев определяет политическую модернизацию как серьезные трансформационные изменения общества, результатом которых будет становление гражданского общества, активное участие граждан в политике и политико-управленческой практике, институциональные преобразования в политико-правовой и социально-экономической сферах социума при условии его единства и стабильности [2;7-8].

Кроме общепринятых пониманий политической модернизации, российский исследователь Г. Л. Акопов рассматривает современность в качестве последнего периода в развитии теории политической модернизации, понимая его как «политическую интернет-модернизацию, связанную с развитием и распространением политических институтов и практик, основанных на применении информационно-коммуникационных технологий в сети «Интернет» [1;3].

Российские исследователи выделяют факторы и процессы способствующие политической модернизации и, напротив, препятствующие данному явлению. К позитивным факторам относятся: «внутренняя готовность модернизированного общества к глубокому политическому реформированию,

ограничивающему власть бюрократии и установлению адекватных необходимых правил и процедур для главных политических акторов; оказание эффективной экономической и политической помощи со стороны развитых стран планеты» [10;44]. К числу негативных факторов относят отставание от изменений, происходящих в политической сфере, других сфер жизнедеятельности общества, что может привести к кризисной ситуации и установлению охлократии [8;148].

Таким образом, утверждать, что на сегодняшней день сложилась единая теория модернизации, нельзя. Учитывая многоплановость, противоречивость, неоднозначность модернизационных процессов, современные исследователи продолжают изучать данное явление, с целью определения и разработки оптимальных модернизационных моделей.

Литература

1. Акопов Г. Л. Политическая интернет-модернизация: некоторые теоретические предпосылки к исследованию // Политика и Общество. – 2011. – № 8.
2. Ананьев В. С. Модернизация политических институтов современной России как фактор вывода страны из глобального экономического кризиса: Автореферат дисс. на соискание звания к.пол.н. – М., 2011.
3. Геозальян Л. С. Взаимосвязь российской модернизации с политическими и другими институтами политической системы общества, готовящих граждан к политическому участию // Вестник Северо-Осетинского государственного университета. Общественные Науки. – 2012. – № 4.
4. Горшков М. К. Социальные факторы модернизации российского общества с позиций социологической науки // Социологические исследования. – 2010. – № 12.
5. Грицанов А. А. Новейший философский словарь. - Режим доступа: <http://www.philosophy-terms.ru/word/Модернизации%20концепция>
6. Дунаева Ю. В. Модернизация в России: Основные теоретические подходы // Политическая наука. Политическое развитие и модернизация: Современное исследование. – М., 2003. – № 2.
7. Концепция модернизации в зарубежной социально-политической теории, 1950-1960 гг. – М., 2012.

8. Зимин В. А. Политическая модернизация и ее теории // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2012. – №3.

9. Ланцов С. А. Модернизация России: исторический опыт и современные проблемы // Модернизация и политика: традиции и перспективы России. Политическая наука: Ежегодник 201 / Российская ассоциация политической науки под ред. А. И. Соловьева. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2011.

10. Лпакин В. В., Пантин В.И. Ритмы международного развития как фактор политической модернизации России // Полис. – 2005. – №3.

11. Масловский М. В. Современные теории модерна и модернизации // Социологический журнал. – 2008. – № 2.

12. Политическая наука. Политическое развитие и модернизация: Современное исследование. – М., 2003.

13. Пантин В. И. Циклы и волны модернизации как феномен социального развития. – М., 1997.

14. Российская модернизация: проблемы и перспективы // Вопросы философии. – 1993. – № 7.

15. Семенов А. В. Политическая модернизация: теоретические модели и опыт России. Автореферат дисс. на соискание звания к.пол.н. – М., 2005.

16. Федотова В. Г. Плюсы и минусы «догоняющей» модернизации // Модернизация и национальная культура. – М.: «Апрель-85», 1995.

17. Философский словарь. Энциклопедия философских терминов. – Режим доступа: <http://www.onlinedics.ru/slovar/fil/m/modernizatsija.html>.

18. Чекмарев Э. В. Теории модернизации и современная Россия. Историография проблемы // Обозреватель – Observer. – 2009. – № 9.

19. Шапалов В. Н. Становление современной теории модернизации в контексте развития общественной мысли в конце XIX-середины XX вв. // Академический вестник: научно-аналитический журнал. Серия «Право». – 2011. – № 1(15).

20. Eisenstadt Shmuel N. Tradition, Change and Modernity. – New-York; Wiley, 1973.

С. Н. БАРАНЕЦ, к.ф.н., доц. каф. стратегии, территориального развития и качества жизни СЗИУ РАНХиГС

***Несостоявшееся открытие М.Вебера:
Об основаниях цивилизационной
идентичности российской модели
развития***

*...Но надо жить без самозванства,
Так жить, что бы в конце концов
Привлечь к себе любовь пространства,
Услышать будущего зов...*
Б. Пастернак

*Своевременность воспоминаний о «днях
прошедшего будущего»*

Актуализация философско-исторических вопросительностей и проблематизаций не имеет ничего общего с поисками катализаторов злободневных идеолого-пропагандистских усилий – и вовсе не потому, что вторые оплодотворяют повседневность, а первые трактуют о вечном и абсолютном. Встреча прошлого тем и будущего где-то в «здесь и сейчас» осуществляется

сознательным усилием так же, как попыткой достичь гармонии очеловеченных реальностей или же неотвратимым стечением обстоятельств непреодолимой силы. Смысл, который открывается в таком сочетании, *есть*, но его *сразу нет* – и потому, что он оказывается неоткрыт, и в связи с тем, что ему суждено исчезнуть под давлением изменившей себя реальности бытия. Акцентуация – спутник актуализации, поскольку выделенный фрагмент реальности поворачивается именно той гранью, которая востребована обстоятельствами встречи субъекта с объектом приложения своей интенциональности, порождающей тягу к целям, порой весьма интересным образом удовлетворяющим человеческую потребность к трансцендентности. Запредельность – чаемое человеком, но объективно нежелательное для него состояние нарушения покоя (недвижимости) ради гармонизации доступной для него части мира, одомашненной и рутинной в своем обеспечении человеческих качеств бытия, но в то же время всегда чреватой ожидаемыми, но притом всегда чрезвычайными «эмерджентностями»¹ диссипации, хаотизации и энтропии. Россия в этом отношении все время переживает возвратно-поступательные состояния уникальной повторяемости, легко

попадая в цивилизационные ловушки, с трудом выбираясь из них на столбовую дорогу и порой оказываясь, вопреки своему желанию, в авангарде мирозначительного социально-исторического активизмаⁱⁱ.

Возникновение небывалого в нашей стране совсем не обязательно означает появление нового, обязанного победить несмотря ни на что или не зря пропасть, но элементы новизны, несводимые к основаниям уже существующего, появляются в творческой эволюции нашего общественного бытия отнюдь не крайне редко, - и тем ценнее с исторической точки зрения оказывается их радикально-конструктивное, деятельное и, следовательно, революционно-практическое позиционирование в отношении сложившегося порядка вещей. Однако и в этой революционности обнаруживаются свойство следовать поступательности в рамках имеющихся онтологических предпосылок (и, значит, препятствий), гносеологических предпочтений и мировоззренческих приоритетов, характерных для других цивилизационных комплексов. Мир «оросиенных» вещей, явлений и процессов, не удовлетворяющий такого человека, способен изменяться и без него, однако человеку из такой позиции, по счастью, свойственно ошибаться для других, и прежде всего в степени адекватности оценки собственной значимости как финальной опоры миросистемы земного типаⁱⁱⁱ, недооценивая свои возможности, переоценивая потребности и абсолютизируя ограничения. За пределами доступных знаков различения добра и зла человек по необходимости обращается к нравственному закону внутри себя, несмотря на то, что звездное небо над головой упорно не дает ответа о замыслах богов. Матрицы смысла чаще всего обнаруживаются в практически-деятельном опредмечивании субъектности, которая центрирована сама по себе, но в связи с объектами и обстоятельствами бытийной природы прагматики повседневного выживания, а также с думой (особенно характерной для российской ментальности в его полицентрическом виде) о сосуществовании с вечным как абсолютно невозможным для человеческого существа.

Не-случившееся открытие Макса Вебера и не-случайность проблемы цивилизационной идентичности субъекта истории

Исследуя хозяйственную этику мировых религий, Макс Вебер, вряд ли того особенно желая, обозначил (как сказали бы раньше – гениально угадал) более общую проблематику типичных

способов взаимоотношения с миром, которые человек, открывая в себе субъекта социального действия, исповедует, практикует и модифицирует в связи с возникновением ситуаций неопределенности и/или многообразно непредсказуемых возможностей. Для М. Вебера прочтение исторического опыта человечества с точки зрения приоритета объективных закономерностей было неприемлемо, но весь пафос его умозрительной и умозаклюющей борьбы с материалистическим мировоззрением парадоксальным образом вразумляет сторонников последнего относительно критической рефлексии собственных оснований^{iv}. Кроме того, его старание вдохновляет мыслящий разум на поиск новых теоретических прочтений извечных проблем бытия человека в мире – своем собственном, гомокультуральном и натурном.

Из посылки о трех основных типах выстраивания связей человеческих способов восприятия идеи богоданности мирового устройства возможно вывести не только то, к чему, в конечном счете, стремился М. Вебер (то есть понимающее объяснение мира на основании социологического изучения различных способов его отображения при условии вывода опыта материально-преобразующей практики за скобки науки), но и то, к чему идейным образом устремляется всякий адепт научно-материалистического миропредставления – получение истинного знания о мире ради его переустройства на благо человека естественноисторическим путем. Для материализма марксистского типа характерно стремление изыскать возможности изменять мир на основании объясненной необходимости как условия освобождения от отчуждающих форм социального устройства, как бы не старались они выдать себя за высшую ступень человеческого прогресса. Однако, как показала новейшая история России, такой подход по ряду причин оказался весьма непростым для воплощения в практику социального общежития.

Деятельно-практически выходя за пределы личного пространства в связи с производством средств к жизни, человек вынужден вместе с производством средств к существованию (а порой принужден и вместо того) «мастерить» разнообразные связывающие и отвязывающие отношения в другими людьми, вектора которых определяются, вполне в духе позиции М. Вебера (да и классиков марксизма, кстати говоря) не только вещественными и организационными, но и идейными преткновениями: ситуация незнаемого

редуцируется к подобиям, для которых существуют отработанные социально-технологические проходы и их «дорожные карты». Выстраивание и опознание этих подобий и есть, собственно, коренная и коронная задача любой и всякой науки, способной не потерять реально существующий и независимый от человека мир в его удвоении культурой, языком и самим познанием посредством понятийного абстрагирования.

Последнее в конечном счете воспроизводит, по моему мнению, конфигуративные (когнитивные?) схемы, обнаруживаемые в социальных онтологиях освоенных историческим подвижничеством пространств и времен, а также в извлекаемые в соответствующих ситуациях вмешательства креативного по сути своей, но всегда когнитивно ограниченного человеческого начала в активистской форме производящих и потребляющих сущностных сил. Для этих сил не всегда отыскиваются средства выражения и измерения, но в связи с ними зачастую и обнаруживаются подходящие к делу и случаю «чувства меры», в том числе и метафорического (и, разумеется, метафизического) свойства. Позволю себе предположить, что налаживание диалога цивилизаций для человеческого порядка и процветания гуманности вряд ли может обойтись без учета специфических типичных способов отношения к миру, в идеале охватывающих базу для проявления всего богатства возможностей человечества, которые, разумеется, ограничены устройством мира, в котором человечество вынуждено существовать. Социальные константы, видимо, лишь в пределе, в конечном счете воспроизводят в своих структурах нечто, имеющее признаки мировых постоянных, пока еще удерживающих космос от сползания в хаос, но это нечто, связывающее мир в целое, проявляет себя в общественных делах и связях отнюдь не менее повелительно, чем законы естественной для социума упорядоченной эмергентности.

Социальная необходимость не имеет своей непосредственной предпосылкой неизбежность и неодолимость социальности как формы поддержания существования материальных тел, хотя социальность и имеет суицидальную (самопричиняющую, порождающую и воспроизводящую самое себя) сущность духовно-организующего порядка. Вместе с тем социальные архетипы, прототипы и типизации прямо и непосредственно влияют на восприятие метрики актуальных для человека социальных континуумов. Веберовская методология исследований

социальности, преобразованная в соответствии с модализационным подходом Д. Зильбермана^v дает материалистической интерпретации истории социальности новые измерения, позволяющие, в частности, предложить решение проблемы цивилизационной идентификации самосознающего социального субъекта исторического действия.

Трихотомиальная трактовка оснований российской социальности как предпосылка духовных практик по выбору нравственно-политических идеалов

Исследование системных противоречий социальности и ее разнообразных человеческих измерений на рубеже веков в силу ряда причин сменилось коловращением дихотомических конструктов, в которых единство и борьба противоположностей оказалась подмененной натужным противопоставлением простых различий. Отказ от диалектического мышления совпал по времени с гомофилетическим мутагенезом естественного научного материализма, противоестественным, но логичным следствием чего стала симбиотика методологической толерации, синкретика е(о)ретического познания и (мно)гомеризация практик в духе постмодерна. Грезящий разум родил чудовищ, которые вытравили Смысл из овеществленных синтезов Значений, Ценностей и Пред(на)значительностей. Но тоска по осмысленности в сотворении своей истории как части истории мира суть неотъемлемый элемент вечного возвращения к поискам человеческого в человеке, несмотря на видимую минимизацию «смысла в бес-СМЫСЛенное время» (Бенно Хюбнер)^{vi}. В ответ на этот запрос (по сути своей, социокультурный) можно предложить рабочую модель упорядочения цивилизационных ориентиров (идеальных исторических типов), который, хотя и не может пока считаться вполне эксплицированным, вполне достаточен для формирования аналитических матриц для вычленения специфических отличий «обрусевшего мира» от иных, хотя бы и родственных ему «миров»^{vii}.

При этом необходимо отметить, что идейные основания человеческой цивилизованности хороши как отражение существенного в существующем наборе осуществительных метрик деятельности и общения, но именно в силу этого – недостаточны. Столь же ограничены, хотя вместе с тем и плодотворно-созидательны, изыскания в области культурных кодов цивилизованности: рано или поздно аргументы и доказательства содержательно исчерпываются и на долю адептов

«обобществленного человечества» остается сомнительная гуманитарная аксиоматика (типа тезиса, что «Человек по природе разумен и добр») или апелляция к антропному принципу.

Думать историю материалистически основательно труднее, нежели вещественным образом созидать в ней следы своего присутствия. Отметиться и тем более опредметиться в труде на общее благо, - значит заложить личные предпосылки социального бессмертия, надежда на которое, в конечном счете, завершает для каждого осмысление своего предназначения в социальном бытии. Проблема, однако, в том, что за пределами вещественности узреть собственное присутствие в будущей истории сложнее: мало кто сознательно занимается сотворением социальных континуумов, позволяющих продолженное виртуальное существование в будущих временах и местах в качестве существенного структурного условия бытия других.

Для России как культурно-исторической системообразующей целостности мирового масштаба подобный подход пока нехарактерен и не очень приемлем, хотя события начала второго десятилетия нового века позволяют сделать предположения о возможностях обретения собственной почвы под ногами для определения своих современных цивилизационных координат. Некоторое время назад наша страна выглядела заблудившейся в мировой истории и утратившей понимание своего предназначения и исторической судьбы. Неумение исследовать собственный социально-культурный опыт почти превратило российское самосознание в местечково-регионалистское, без видения собственной роли в мировом раскладе и своих атрибутивных стратегических предпочтений. Череду кризисов оказалась благотворной в духовном отношении: российское самосознание преодолевает сложности полиментализма и плюралистичности в миропонимании, открывая для себя новые измерения глобализации как объективного процесса с разномерным и разномастным участием в нем наличных исторических субъектов. Парадоксальным образом (не хотя, иначе говоря) открывая для себя методологический смысл тринитарности в сознательном отношении к миру, тернарности противоречий и триангулярности цивилизационных ориентиров, наше общество, на мой взгляд, оказывается на пороге нового качественного скачка в понимании своей исторической судьбы.

Модусы цивилизационного отношения к миру и специально-российский путь в «для-себя-бытие»

Игра в бирюльки кажется таковой только со стороны, если не уметь разглядеть, что именно таким образом из нитей человеческих судеб сплетаются прочные сети социальных взаимодействий, которые отнюдь не всегда и не во всем могут быть капитализированы. Многообразные формы единения исследовать также нелегко, как и массовидные процессы, порождающие распространенные на большие социальные пространства напряженные социальные поля. Гуманоидальность отличается продуцированием мыслимых алиенталитетов для лучшего понимания себя через других, но не чуждых. Чудовищно чуждое чудо не всколыхнет чисто человеческие чувства, хотя запредельность в личных проекциях всегда привлекательна так же, как недостижима – и, вероятно, именно по этой причине. Однако попробовать себя в качестве универсального существа удается настолько немногим, что разговор о достижениях на этом пути и пунктах перегруппировки усилий ради нового прорыва к высшим проявлениям гуманизма большинству абсолютно непотребен – правда, до той поры, пока не приходит срок подводить жизненные итоги. Это относится, с некоторыми оговорками, и к цивилизационным целостностям странового типа, это специфическим образом преломляется в бытии такой страны-цивилизации, в которую превратилась за последние шесть веков Россия.

Для понимания специфичности (отличаемой от других только на фоне относительно целостной картины Большой Человеческой Истории) России в связи с определением ее цивилизационных соотношений и координат можно предложить гипотезу модализации основных исторических типов мироотношения между субъектом, объектом и обстоятельствами их взаимодействия, исчерпывающих возможные формы пребывания человека в его субъектном воплощении и самоутверждении. Этот подход отчасти эксплицирован и апробирован мною в упомянутой выше работе, однако определить, имеет ли он некую общеметодологическую ценность, еще только предстоит. Тем не менее, исходя из принятых в нем посылок открывается значимое, с моей точки зрения, хотя и лишь одно из измерений российского культурно-исторического тренда: для России, как мне удалось выяснить, характерно не следование какой-то одной из шести возможных типовых моделей цивилизованного поведения в истории, а ситуационное, когнитивно-креативное и

асимметричное, использующее при наличии возможностей скорее тангенциальные силы и косвенные дальние действия, нежели прямой, бескомпромиссный и механический силовой напор.

Российские компоненты производительные сил человечества на фоне структурирование человеческого пространства в мир-историальном времени

Россия неэкспансионно производит себя в мире и воспроизводит российский мир в себе, участвуя в мировом разделении труда на особом основании держателя нескольких одного наиболее объемных мировых активов – питьевой воды, лесных запасов и полезных ископаемых. Ей непросто удерживать свою территорию и соответствовать своим временным параметрам и ритмам. Однако только вульгарный материализм трактует производительные (в этом отношении) силы человечества как способ объективации творческих замыслов и мире. Уж если и говорить о производстве смыслов для историй раскрывающих свои силы социальных субъектов, то они скорее воспроизводят предзаданное (уже бывшее и ставшее привычным), нежели конструируют небывалое. Трудовая теория объяснения базисных оснований общественного прогресса должны быть дополнена и детализирована (в том числе и в страновом аспекте) исследованием сверхзадач всякого национально-обусловленного трудового приращения знаний, умения и навыков коллективно-группового, но вместе с тем всегда индивидуализированного человеческого опыта. Здесь есть о чем поспорить: в «обществе знаний», или сциентив (от лат. scientia) тоже придется поедать еду, попивать питье и обретать жилище, одежду и еще кое-что, чего почему-то никогда не бывает в избытке ни для целей правильного распределения, ни для ценностей правомочной эксплуатации. Кроме того, еще никто не доказал, что экономика знаний разрешает извечный исторический вопрос о построении справедливого общества гуманитарно-технологического типа: если пресловутому «золотому миллиарду» и суждено оторваться от пуповины производящих ради потреблении сущностных сил, чтобы оказаться в Утопии Счастливых Бытователей, то, скорее всего, это произойдет за счет того самого, отнюдь не исчезнувшего в небытие, естественно-исторического способа эксплуатации остального человечества, который по-прежнему остается и называется «буржуазным». Россия в своем нынешнем гибридном обличье по многим известным причинам вряд ли сумеет добавить что-

то к скромному обаянию буржуазии, кроме истории с малиновыми пиджаками. Однако она в состоянии переосмыслить практику собственного делания своими людьми своей истории по законам социалистического общежития, в котором стратегия преодоления остаточных явлений товарно-денежного фетишизма и последствий исповедания соответствующих стилей мышления однажды, в прошлом веке, уже состоялась.

Неравномерность отчуждения и неправомерность распределения сил и ресурсов в типично российских социальных полях и темпоральных весах

Типичные социальные поля, которые заданы конкретно-исторически, но в то же время универсалистски, и в которых удается сориентироваться социальному субъекту, апробируются им в попытках актуализации практического управленческого воздействия на объекты материального интереса в заданных социальных обстоятельствах для преобразования их во что-то, способное быть потребленным в принятых социальных целях. Другие способы, которые возможно использовать для доказательства собственной сопричастности миру при понимании его подчиненности иным, подчас недоступным и непостижимым, закономерностям (обнаружить их оказывается сложнее, чем убедиться в почти полной всевластности хаоса, бессмыслицы и произвола), уводят в сторону от понимания и рационализации, порождая химерические образы мира, не подверженного преобразующей деятельности в свободной приязни к необходимости и непреложности объективных бытийных оснований. Так устроен мир, но его устройство, собственно, и есть предмет человеческой любознательности – одной из вечно неудовлетворимых потребностей человеческого существа. Через удовлетворение этой любознательности и любовь к неутилитарному философствованию люди приближаются к пониманию ограничений и возможностей своего воздействия на мир и того, что кое-что «от человека» в нем возможно.

Задаваемость социальных обстоятельств происходит из доступных социальных онтологий, предназначенных субъекту для ориентирования и выбора приемлемой для актуальной повседневности социальной позиции. М.Вебер, на мой взгляд, предугадал тот социологический факт, что число этих социальных онтологий задано не столько набором социальных констант, сколько возможностями субъектного человеческого

взаимодействия с миром (сверх?)естественных (и для человека объективных) процессов, явлений и вещей, взятых во вполне определенных конфигурациях обстоятельств. Метрики социального континуума вариативны, но не настолько, чтобы невозможно было обрести компетенции, обладать ими во взаимодействии с другими автономными субъектами и добиваться полномочий на право изменения характера этих взаимодействий по нужде и по своему хотению.

Однако, если попытаться обобщить уже основательно исследованные базисные процессы воспроизводства социальности, лежащие в вещественно-экономической сфере общества, мы сможем обнаружить способы расширения познавательных горизонтов до гипотез о предназначениях и судьбах человечества, которые смогут открыться после становления человечества как единого и сознающего себя в этом единстве социального субъекта, способного к конструированию, созиданию и поддержанию общественных условий свободного саморазвития в условиях присвоенной и осваиваемой природной основы. Одним из способов продвинуться к этому обретаемому интегрализму может, по моему мнению, оказаться путь освоения смежных цивилизационных моделей, понимаемых не как альтернатива, но как продолжение собственных системных качеств в том ракурсе, который задается иными, выработанными на практике и осмысленными теоретически моделями обустройства расширяющейся зоны социально-природного контакта.

Пределы освоения потребных человеку для своего осуществления социальных мест и времен обнаруживаются в практике смены форм труда и перемены участи в системе социальных взаимодействий. Укорененность в бытии каждого живущего отражает в том числе и меру его (вкпе с другими) социального бессилия, для которого есть основания, но зачастую не находится иных оправданий, кроме понимания, что именно так почему-то устроен мир. Хорошая новость в том, что с некоторых пор освоение темпоральных измерений социальных пространств, равно как и локальных конфигураций так или иначе обобществленных (ставших общим достоянием) времен стала предметом ненаправленного методного поиска части социологического сообщества, усиленного теоретическими изысканиями философствующих историков относительно оснований человеческой цивилизации и культуры. Есть резон усилить эту

тенденцию ответственным теоретизированием на собственном языке философской науки.

Примечания

1. Творческая эволюция А. Бергсона, описанная им в начале прошлого века, по природе своей была «эмерджентной» - в этом понятийном конструкте присутствуют разнообразные аллюзии и коннотации, весьма богатые содержанием и в наше просвещенное время.

2. Есть предположение, что почти каждое из поколений, приходящих в историческое бытие в российском социуме, либо переживает активистский всплеск в той или иной сфере социальной жизни, либо способно с энтузиазмом его поддержать. Во всяком случае некоторые моменты в фактологической канве цикла работ по российской социальной истории — см. напр., Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII—начало XX в.): В 2 т.— 3-е изд., испр., доп. — СПб.: «Дмитрий Буланин», а также другие книги этого автора.

3. Для человеческой миросистемы как системы мировых зависимостей специального земного типа характерно прежде всего использование технологий при преобразовании данного природой для человеческих потребностей.

4. Это становится особенно острым для понимания сегодняшней разрухи в головах бывших марксистов-ленинцев сталинской закалки.

5. Мало оцененный, а ныне почти забытый воинствующий антиматериалист и антикоммунист Д.Б.Зильберман — один из немногих русских, историфицированных в знаменитой серии «Бостонских исследований по философии науки» со своим открытием «модальной методологии», — памятуя Вебера, написал в свое время трактат о православной этике и природе коммунизма — см.: Zilberman D.B. Orthodox Ethic and the Matter of Communism. — in: Studies in Soviet Thought, vol. 17, 1977, pp. 341-419.

6. См.: Хюбнер, Бенно. Смысл в бес-СМЫСЛенное время: метафизические расчеты, просчеты и сведение счетов. — Минск, Экономпресс, 2006.

7. По сути, первая публичная презентация этого подхода сделана мною в книге «Тирания смысла Философские рассуждения о социальной логике истории. — Saarbruecken: LAMBERT Academic Publishing, 2013. — 252 с.

В. И. КОЛЕСОВ, д. пед. н., к. э. н., профессор кафедры философии и культурологии СПбГАУ

М. В. КРАСНОВА, к. б. н., доцент кафедры философии и культурологии СПбГАУ

Культура здоровья как интегратор проблем современной молодёжи в ноосферной образовательной реальности в обновлённой России

В искусстве дело не в том, чтобы ставить большие проблемы, а в том, чтобы давать большие ответы.

М. Цветаева

Действительно, для современности весь мир, кроме человека является загадкой, а сам человек является ее решением, — утверждал Р. Штейнер. Но беда в том, что человек сложно постигает себя, к тому же на пути к постижению стоят трудно преодолимые преграды.

Сегодня все больше умов рефлектируют проблемы образования, понимая (в контексте экологической культуры), что именно решение их может и должно вывести страну из кризиса. Кризис современной системы образования, происходящий во всем мире, требует коренного изменения человеческого сознания, переосмысления отношения к цели и ценности образования.

Дифференциация и специализация образования, диктуемая логикой развития цивилизации и индустриального общества, как одного из этапов его развития, породили «одномерного» человека с ограниченным мышлением, направленного на преобразование мира внешнего, на обладание благами цивилизации и фактами отчужденного от мира своего «я».

Еще в 1923 г. Альберт Швейцер писал: «Способность современного человека понимать значение культуры и действовать в ее интересах - подорвана, так как условия, в которые он поставлен, умаляют его достоинство и травмируют психически...» Характеризуя человека индустриального общества как «несвободного, разобщенного, ограниченного», «находящегося под угрозой стать негуманным», Швейцер отмечал: «Поскольку к тому же общество, благодаря достигнутой организации, стало невиданной силой" в духовной жизни, несамостоятельность современного человека по отношению к обществу принимает такой характер, что он уже перестал жить собственной духовной жизнью...» С отказом от

независимости своего мышления мы утратили - да иначе и быть не могло – веру в истину. Наша духовная жизнь дезорганизована». Следует вспомнить и известную работу Н. К. Рериха «Культура и цивилизация», раскрывающую своеобразную диалектику взаимодействия феномена культуры и феномена цивилизации. Фактически культура порождает цивилизацию, но на определенном этапе цивилизация начинает вытеснять культуру и сама, уничтожив ее, погибает. Эта же мысль подтверждается размышлениями виднейших философов нашего века. Э. Фромм писал в 70-е годы, что расцвет культуры позднего средневековья связан с тем, что людей вдохновлял образ града Божьего, тогда как расцвет современного общества связан с тем, что людей вдохновлял образ Земного града Прогресса. Однако в наш век этот образ превратился в образ Вавилонской башни, которая уже начинает рушиться и под руинами которой, в конце концов, погибнут все и вся [6, с.211-214].

Слово «культура» означает почитание Света. Принадлежность к культуре человека и того, что создано его деятельностью, можно определить по наличию этого Света там, где есть Духовный свет, красоту и силу которого мы чувствуем, осознаем, созерцая картину, слушая музыку, общаясь с людьми, – там Культура.

И здесь необходимо перебросить мостик в Петербург, обратиться к мыслям Д. С. Лихачева: «Я пишу о цели и смысле жизни, о красоте поведения, а потом перехожу к красоте окружающего нас мира, к красоте, открывающейся нам в произведениях искусства. Я делаю это потому, что для восприятия красоты окружающего человек сам должен быть душевно красив, глубок, стоять на правильных жизненных позициях. Попробуйте держать бинокль в дрожащих руках – ничего не увидите» [2, с. 15].

Не так ли наше образование, пройдя длительный путь, приводит к выводу, что педагогика требует крепких корней и не должна стоять на дрожащих ногах. Корни эти в элитарной системе российского образования, которое учило бы управлять государством, болеть за него душой и, самое главное, – нести ответственность за содеянное, оставаясь при этом здоровым.

Какова же роль Образования, его традиционной непрерывной цепочки в разрешении противоречий цивилизации? Почему сегодня возвращаемся к традициям российского воспитания, говорим о традициях российского образования в его лицейской и гимназической

сущности. Вероятно, потому, что если современная Цивилизация демонстрирует культ интеллекта, культура – культ сердца, то образование должно стать средством гармонизации культуры и интеллекта в своем устремлении к разумному сердцу и сердечному уму при осознании определяющего значения сердца в достижении этой гармонии, – в целом – культуре здоровья, как Образу гармонизирующему.

Представляется очевидным, что ориентация на культурное возрождение, на духовную эволюцию человечества должна стать сегодня определяющей в образовании. «Состояние, которое Вы называете культурой, относится ко всему человечеству. Может быть многообразие в обычаях, верованиях, языках, но каждое культурное действие будет общим для всего человечества. Такое общение Мира есть первая ступень к преобразованию всей жизни», – сказано в «Живой этике» [3, с.9]. Задача нового образования – создание культуры мира и терпимости, при которой различия и многообразие воспринимаются как источник изобилия, а не как угроза сложившимся ценностям и существованию. Образование, готовит для жизни и работы в завтрашнем мире, в котором единственным и постоянным фактором будет изменчивость, но изменчивость это удел индивидуальностей, которые не формируются ротами, классами, группами [3, с.9].

«Большая цель добра начинается с малого – с желания добра близким, но, расширяясь, она захватывает все более широкий круг вопросов, – утверждал Д. Лихачев, – именно поэтому наше стремление внести изменения в педагогическую реальность, мягко говоря, терпит неудачу. Причин тому много, но обратим внимание на главную – проблему индивидуальности, духовного продвижения на пути к самопознанию и саморазвитию. Поиск новой педагогической парадигмы связан с изменением отношения к человеку, человековедению в целом...» [2, с.20]. Речь идет о качественных характеристиках, наборе качеств индивидуальности в любом пространстве и времени. Эти качества инициируют проблемы экологические, биоэтические.

В связи с этим проблема индивидуальности стала одной из наиболее актуальных в современной философии и культуре, но не в педагогике. Исследования экзистенции и творческих сил человека, его взглядов и устремлений, того, что его беспокоит и задевает, что ему снится и о чем он мечтает. Исследование индивидуального бытия

значимо для нового века, определяет его «теоретическое лицо».

Все эти изменения потребностей культурной реальности мгновенно отразились в художественной культуре – «зеркале», в которой культура может взглянуть в свой собственный лик, прежде всего, с позиций здоровья.

Сегодня индивидуальность предстает перед нами как особое качество бытия, «проявленная бытийность». В таком понимании индивидуальность ребенка, учителя не сводится к традиционному восхвалению своих манер, уникальности таланта, особенностей переживания, она не может быть рассмотрена и как совокупность его характеристик в психологическом плане, ни как его единичность в мире бытия в плане философском, или как его судьба в плане экзистенциальном. Чтобы «схватить» ее сущность, мы должны построить образ творческой индивидуальности, разъять его на те модусы, из которых он складывался, модусы творчества, которые структурируют проявления творческой индивидуальности и выводят ее на уровень исследовательского анализа. Особенно важна эта позиция для учителя, определяющего основные постулаты педагогики безопасности, в основе которой культура здоровья.

Образ индивидуальности человека складывается из устоявшихся представлений о сущности творчества (самотворения), а значит модусами проявления творческой индивидуальности будут степени овладения собственной креативностью, в том числе в области культуры здоровья, актуализации ее в мире культуры как своего «Иного».

Первый модус – овладение определенными навыками искусства самопостроения как ремесла (techne, обозначает умение что-либо сделать, умение руководить, умение убедить и т.д.)

Умение основывается на знании правил, законов, в частности, – закона индивидуального самопостроения. Этап овладения (навыками ремесла есть часть пути к открытию собственной индивидуальности в личностном проявлении. Конструируя собственную индивидуальность, человек (как художник) обретает себя через свое Иное. Личность жаждет упрочиться, выразиться и раздвинуть свои границы через «другое». Но это другое должно быть созвучно, калагатино. Поэтому выбор круга предметов, то, что любим, к которым питаем пристрастие, есть условие самоопределения творческой индивидуальности, самопостроение Homo valiens (человека здравствующего, институционального).

Полагание предела, границы, которая возникает именно на границе «своего и иного», и овладение собственной сущностью как для культуры, так и для человека, индивидуума, человека, обретающего творческую индивидуальность спонтанно, осознанно, необходимо проводить через границы между «своим» и «иным» и через присвоение этого «иного» как образа своего «Я». Индивидуальность проявляется в определении – определении своих границ, заставляя делать выбор, оценивать происходящее вокруг, в том числе и своего учителя. Иначе движение к индивидуальности может не состояться.

Проявление индивидуальности в этом модусе мы видим в выборе деятельности, в выборе образов, их оценке, умении вписаться в общий процесс. Выбор этот проявляется многогранно (множеством факторов: внутренних и внешних). Все эти факторы и формируют индивидуальность.

Следующий модус – овладение *мастерством* в выбранной сфере деятельности, в нашем примере – педагогике, тем более здравосоздающей. Понятие «мастер» утверждает личное достоинство, значимость в корпоративной среде. Заметим, это качество весьма значимо, именно оно определяет безопасность человека в различных средах.

Образ индивидуальности социален, он причисляет себя к «Иному», находит свою бытийственность в некоем «объективном бытии» – будь то семья, род, сословие и т. д. Именно бытийственность определяет здоровье человека, его гармонию с собой и с миром. Только тогда, когда труд связан с осознанием индивидуальности, он свободен и устремлен к гармонии.

Бесспорно, существуют разные «качества» мастерства: стремление показать, на что Я способен и, наоборот, – интимное отношение к тому, что Я делаю. Здесь кажется, что техника исполнения почти отсутствует, важен лишь результат, а не процесс. Такое овладение мастерством, когда техника «не заметна», приближает к третьему модусу проявления индивидуальности – таланта. Талант творит на грани канона, но суть в том, что талант проявляет (высвечивает) грани индивидуальности и тем отличается от мастерства.

То, что охватывает и высвечивает талант, собственно, и есть индивидуальность – уникальное переживание, не разрушающее человека, создающее настроение – то, что не постигаемо, а лишь воображаемо.

Так, индивидуальное обнаруживает себя в круге Бытия, становящееся индивидуальное обретает себя через внимание индивидуальному ставшему.

К тому же таланту присуща внутренняя энергия индивидуальности, побуждающая к деятельности. Творчество невозможно, если образы и чувства не приобрели какой-то особенной власти над человеком, если они не объективированы «от живого тела, страдающей души». Здесь «Иное» приобретает объективированное «Мое иное», вновь ставшее по отношению ко мне иным. Мы рассматриваем индивидуальность в ее акмеологической составляющей как вершину развития человека и как индивида, и как личности, и как субъекта деятельности [1, с. 14]. Человек как индивидуальность достигает действительных вершин своего развития, реализуя свой физический, психический и духовный потенциал, в результате чего он, действительно, может достичь уникальности, целостности, подлинного состояния сущности, «наделенной системой неамбивалентных свойств и качеств». Среди них следует выделить уникальность. Именно это качество позволяет понять свою безусловную ценность для далекого сообщества, реализовать свою способность к творческому решению общечеловеческих проблем..., а они сегодня чрезвычайно сложны. Выделю самую ортодоксальную – здоровье, здоровье учителя и здоровье ребенка, творческое взаимодействие их определяет будущее государства, его безопасность в широком смысле слова.

Новая образовательная парадигма – ноосферная – направлена на воспроизводство духовного потенциала России, требует, с одной стороны – внимания к индивидуальности, проявления ее через культуру здравосозидания, а с другой – новой методологии системного правления общеобразовательным процессом для формирования нового стиля творческого (нелинейного) мышления, продолжая тем самым традиции российской планетарной мысли (В.И. Вернадский, Н.Ф. Федоров, К.Э. Циолковский, П.А. Флоренский и др.).

Образовательный процесс включает в себя целый ряд факторов, систем: описание которых требует особого научного обоснования. Остановимся лишь на одном факторе, в значительной мере определяющем безопасность взаимодействия субъектов образовательного процесса культуре взаимодействия. Качество этого

взаимодействия зависит главным образом от здоровья и социально-психологической комфортности субъектов образовательного процесса. Вместе с тем мы не склонны относить это только к специфике школы, вуза. Проблема гораздо глубже. Она связана с мотивом самоутверждения в коллективе, внутренней дифференциацией. Уровень подготовленности субъектов не позволяет в полной мере учитывать индивидуально-психологические особенности, способности, познавательные интересы, что естественно приводит к «конфликтам возможностей», внутреннему дискомфорту, а, следовательно, – к снижению мотивации и качества учебы в наиболее сложный период адаптации.

Взаимосвязь успешности адаптации к условиям обучения в любом учебном заведении находятся в прямой зависимости от способности к саморефлексии, оценке своей физической и интеллектуальной готовности к выполнению нормативов, т.е. – основных компонентов культуры здоровья.

Естественно, возникает вопрос: что может и должна сделать школа, ВУЗ, чтобы предупредить стрессовые ситуации в процессе адаптации к иному качеству жизни. Безусловно, необходимы единые критерии индивидуально-личностной оценки выпускников которые дадут возможность педагогическим коллективам учитывать их. К такому следует отнести способность к нестандартному, оригинальному решению витальных и учебных ситуаций, абстрактному мышлению и обобщению;

- умение систематизировать и анализировать факты;

- высокий самоконтроль, самоорганизация поведения, уравновешенность, высокий уровень субъективного контроля над событиями внутренней (внешней) жизни, индивидуального и общественного здоровья.

Еще в 1915 г. известный философ и педагог-теоретик, физиолог А. А. Ухтомский писал: «Доминанта действует как магнит, улавливая все нужное и оставляя без внимания не относящееся к теме. Ученому и художнику она дает своего рода «маховое колесо» – ведущую идею, увлекающую гипотезу, избавляя в то же время его мысль от толчков, от ненужной пестроты, содействуя сплетению фактов в единый опыт» [5, с.7].

Такой доминантой для авторов этих строк является истина: гибнут дети не по причине своей социальной или профессиональной непригодности, а по причине разобщенности тех, кто обязан

реализовывать педагогику безопасности в своей любой профессиональной деятельности, ибо в каждый данный период времени состояние образования, его структура и учебные планы, качество представляемого обучения и господствующая идеология являются и причиной, и следствием расцвета или упадка экономики, общественных нравов, искусств, науки и политической идеологии.

Осмысление этого выводит на новый уровень анализа – объективированного иного, образа творческой индивидуальности проявления – последнего (четвертого) модуса – гения. Не размышляя по данному поводу, отметим, что гений творит в поисках новой парадигмы, он строит ее из самого себя и своей творческой индивидуальности, отвечая требованиям эпохи.

Рассмотрение модусов индивидуальности позволяет заключить, что этот феномен неоднозначен, он бытийствует и проявляет себя в различных модусах, развивающихся в системе «Педагогическая валеология». Феномен же «Педагогическая валеология» как новая парадигма творения Homo valiens позволяет создать креативное валеолого-педагогическое пространство, исследовать категорию «Своего» и «Иного», высветить амбивалентность существования этого феномена в культуре, педагогической деятельности – валеолого-педагогической, – выявить его противоречивую сущность и удержать в фокусе исследования путь продвижения к здравотворению в педагогической реальности, осуществить безопасное продвижение по жизни гражданина России. Академик России А.И. Субетто утверждает: «...человек всегда находится на «периферии» социального развития, поскольку, не управляя социоприродным развитием и добиваясь прогресса качества жизни за счет ускоряющегося разрушения природы, в том числе и индивидуально-личностной, он разрушает мир» [4, с.23].

Предупредить эту трагедию века и современного человека необходимо через образование и воспитание качеств человеческого духа, развития универсальных способностей в соответствии с законами эволюции человеческой и мировой жизни. Именно такое преобразование должно стать целью, способом и результатом жизни человека и безопасной педагогики. Только такая педагогика может считаться... состоятельной». Этот подход определяет как процесс формирования неклассической методологии. Данное обстоятельство отражается в потребности

разработки философского подхода к проблемам воспитания и образования, связанных с изменением мировоззрения (взгляд на себя, мир, ценность жизни и т. д.), что обеспечивается введением системы эколого-валеологических знаний в систему образования человека и валеолого-педагогических (педагогическая валеология) – в систему подготовки и переподготовки учителя.

Литература

1. Гагин Ю.А. Концептуальный словарь-справочник по педагогической акмеологии. – СПб., СПб Г УПМ БПА. – 2000.
2. Лихачев Д. Письма о добром. – СПб, 1994, изд. 4-е.
3. Рерих Н.К. Беспредельность. Г.1. – Рига, 1930.
4. Субетто А.И. Исповедь послушного человека (предупреждение из Будущего). – СПб.: Смольный ин-т РАО, 2011.
5. Ухтомский А.А. Заслуженный собеседник. Этика. Религия. Наука. – Рыбинское подворье. 1997.
6. Фромм Э. «Иметь или Быть?» – М., 1990.

Д. БАШИМОВ, студент СПбГАУ

СМИ как фактор формирования общественного мнения

Американский президент и Генсек СССР устроили между собой соревнования по бегу. Спортивный американец прибежал первым, Генсек – вторым. «Независимые и объективные» СМИ дают информацию: в США: «Наш президент занял первое место, Генсек СССР прибежал последним»; в СССР: «Президент США прибыл предпоследним, а наш Генсек занял почётное второе место».
(Популярный анекдот)

Понятие «общественное мнение» сегодня популярно и в среде обывателей, и в среде специалистов различных гуманитарных наук, и в средствах массовой информации. Социологи и политологи понимают под общественным мнением состояние массового сознания, заключающее в себе отношение (скрытое или явное) к общественным событиям, к деятельности различных групп, организаций, отдельных личностей; выражает позицию одобрения или осуждения по тем или иным общественным проблемам, регулирует поведение индивидов, социальных групп и институтов, насаждает определенные нормы общественных отношений; действует как в рамках общества в целом, так и в рамках различных социальных групп [4].

В современных условиях общественное мнение рассматривается не только как социальное явление, описывающее состояние общества, его «микроклимат» и измеряемое с помощью

методологических инструментов, но и как мощный социальный институт, как сила, способная существенно изменять жизнь общества, претворять в жизнь намерения определённых групп населения, выполняя свои основные функции в данном качестве: экспрессивную, консультативную и директивную [2]. Но одновременно с этим общественное мнение нельзя рассматривать лишь как эволюционно складывающийся процесс. Оно, безусловно, может влиять на внешние социальные условия, но и само по себе достаточно легко подвержено изменениям извне. Признано, что на формирование общественного мнения влияют в основном два фактора: 1) непосредственное наблюдение за окружающим каждым представителем социума; 2) средства массовой информации, оказывающие целенаправленное воздействие на мнения, оценки, поведение людей^[1]. Причём СМИ сегодня играют доминирующую роль в этом процессе. Если в древности формирователем общественного мнения выступал царь, мудрец, жрец, то есть некоторая очень узкая группа лиц, то сегодня эта функция выполняется в основном средствами массовой информации.

СМИ – это только инструмент. Управляют с помощью этого инструмента люди и структуры с конкретными интересами. И от уровня этих интересов зависит конечный результат. В эпоху глобализации менее значимые процессы автоматически оказываются вписанными в более крупные. Оставаться в стороне от политических событий тем, кто пользуется СМИ, практически невозможно. Причём глобализация затрагивает и информационные потоки, границы между которыми тоже постепенно размываются. А реализуют свои интересы с помощью СМИ не только социальные

группы граждан, но и политические партии, коммерческие структуры, отдельные личности, правящие элиты разных государств, и их интересы не всегда связаны с насущными социальными проблемами конкретных территорий.

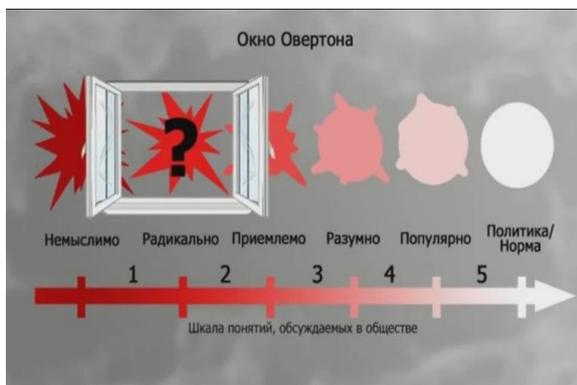
В современном обществе СМИ неформально признаются «четвёртой властью», что подчёркивает очень большую роль медиасферы в осуществлении управляющего воздействия на общество. Цели деятельности СМИ прописать невозможно. На государственном уровне в России это отражено в Концепции информационной безопасности Российской Федерации [3], где сказано: «Информационная среда, являясь системообразующим фактором во всех сферах национальной безопасности, активно влияет на состояние политической, экономической, оборонной и других составляющих национальной безопасности Российской Федерации. В то же время она представляет собой самостоятельную сферу национальной безопасности, в которой необходимо обеспечить защиту информационных ресурсов, систем их формирования, распространения и использования, информационной инфраструктуры, реализацию прав на информацию государства, юридических лиц, граждан».

Если рассматривать общественное мнение как систему, в качестве составных волокон которой выступают информационные потоки, то среди последних по степени управляемости и наличию обратных связей можно выделить свободные и управляемые информационные потоки^[6]. Свободные информационные потоки в большей степени способны функционировать через гражданские СМИ, созданные в первую очередь для выражения общественного мнения. Они способны быстро корректироваться благодаря наличию обратных связей. И через эту корректировку как раз проявляется субъектность общественного мнения по отношению к СМИ. В противном случае средства массовой информации обречены на то, чтобы безоговорочно подчинять общественное мнение интересам тех социальных групп, которые эти СМИ

содержат, исключая возможность корректировки.

Для того чтобы создавать условия для максимально возможной реализации свободы информации без угрозы безопасности государства и общества, просто необходимо, чтобы выросло качество работы с информацией, поступающей из СМИ. Часто общественное мнение людей формируется под воздействием разного рода агитации и пропаганды. В этом случае потребители информации становятся жертвами манипуляции их сознания, для которой, по мнению С.Г. Кара-Мурзы [3], «годятся любые чувства – если они помогают хоть на время отключить здравый смысл. Но начинают манипуляторы всегда раскачивать те чувства, которые уже «актуализированы» в общественном сознании». Но единственным механизмом защиты от воздействия пропаганды может быть в достаточной мере развитое критическое и аналитическое мышление представителей общества, навык системного видения происходящих событий, выработка привычки не эмоционального, а логического восприятия информации. Также необходимо знать, что для смещения общественного мнения применяются конкретные технологии. Нужно учиться видеть эти механизмы. Например, известна такая политическая теория, как «Окно Овертона» [7]. Согласно Окну возможностей Овертона (рис. 1), для каждой идеи или проблемы в обществе существует т.н. окно возможностей. В пределах этого окна идею могут или не могут широко обсуждать, открыто поддерживать, пропагандировать, пытаться закрепить законодательно. Окно двигают, меняя тем самым веер возможностей, от стадии «немыслимое», то есть совершенно чуждое общественной морали, полностью отвергаемое до стадии «актуальная политика», то есть уже завершившее стадию широкого обсуждения, принятое массовым сознанием и закреплённое в законах. Опасность применения такой технологии заключается в незаметности для общества-жертвы самого факта воздействия на его сознание. Так, если в какой-то период обществу неприемлемы мужчины-трансвеститы, а потом вдруг «бородатая девушка» Кончита Вурст побеждает на таком масштабном конкурсе, как «Евровидение», где предстаёт перед всем как минимум европейским сообществом в вызывающем бурные дискуссии виде, то своей победой этот феномен закрепляет в массовом сознании новую «норму».

Важным для роста осознанности граждан в области формирования общественного мнения

через СМИ является понимание некоторых механизмов человеческой психики. Социальная природа человека породила следующий диалектический парадокс: каждый человек в процессе своего развития стремится к самовыражению, то есть стремится оформить и продемонстрировать миру свою индивидуальность, но одновременно с этим большинству людей не менее важно чувствовать свою причастность к той или иной социальной группе. Обычно люди желают избегать статуса «белой вороны». Возможно, как раз этим и определяется податливость психики перед давлением уже сформировавшегося или навязываемого извне общественного мнения. Вследствие этого для достаточно большого количества людей сегодня свойственен конформизм – способ политического приспособленчества, который характеризуется пассивным принятием существующего порядка, отсутствием собственных политических позиций, принципов, «слепым» подражанием любым политическим стереотипам поведения, господствующим в данной политической системе [5]. В таком состоянии ни о какой субъектности общественного мнения и речи идти не может. Формирование гражданского общества возможно только при условии осознанного ухода от конформизма.

Исходя из всего выше сказанного, можно резюмировать следующее. Очевидно, что сегодня СМИ являются одним из основных факторов формирования общественного мнения. Для того чтобы в обществе в полной мере могла осуществляться свобода информации без угрозы национальной безопасности, необходимо обеспечить рост качества процесса формирования общественного мнения под влиянием средств массовой информации. Этого можно добиться

путём повышения методологического уровня граждан в области работы с информацией, предполагающим развитие у них процессного, аналитического, критического мышления, а также путём снижения уровня безграмотности в области информационных технологий. Человека можно запутать фактами, но если он разбирается в тенденциях, то тогда его запутать очень сложно.

Литература

1. Гавра Д.П. Общественное мнение как социологическая категория и как социальный институт. – СПб.: ИСЭП, 2001. – 235 с.
2. Грушин Б.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. – М.: Политиздат, 1987. – 368 с.
3. Концепция информационной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] // Информационное общество, 1995. – вып. 6, с. 53-78. URL: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/4d900a096c2bf5b9c325763f0045a87f> (дата обращения: 10.06.2014).
4. Кухарчук Д.В. Социология: конспект лекций. [Электронный ресурс] / URL: <http://www.e-reading.ws/book.php?book=98484> (дата обращения: 11.06.2014).
5. Словарь по политологии / Под ред. проф. В.Н. Коновалова. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2001. – 285 с.
6. Федотова М. Г. Формирование общественного мнения как управляемый процесс (информационный аспект): Автореф. дис. ... канд. фил. наук – Омск, 2002. – 26 с.
7. Mackinac Center for Public Policy (Макинский центр публичной политики) [Электронный ресурс]. URL: http://www.mackinac.org/12887#ow_ess_ays (дата обращения: 10.06.2014).

Н.В. ПЕТРОВ, Международная Академия Наук экологии и безопасности человека и природы

Физическая определённость понятия – патриот, патриотизм, нация, нацизм

«Единственное стоящее дело на Земле – это любовь».

П. Алексей

Понятия *патриотизм, нацизм, фашизм* всё ещё рассматриваются теоретиками в отрыве от живой структуры социального общества, в отрыве от осознания периодичности развития социума и функционального его предназначения в ритмическом ходе эволюции самой планеты. Проявление тех или иных качественных поступков членами социума (от семьи до государства) рассматривается отвлечённо, не учитывается целевое и осмысленное развитие социальной структуры человечества, живых существ одного и

того же вида, функционально входящих в единую систему Земли. Отсюда проистекают трудности в понимании, какой должна быть структура общества и качественные свойства людей. Цель, ради которой всё человечество дружно стремится к прогрессу, а это желание освободить себя от тяжёлого физического труда и даже от труда собственного мышления, приводит в конечном итоге к мысленному общению и исчезновению за ненадобностью для природы Земли [1].

Человечество проявляет себя на планете как единый планетарный организм, который зарождается, растёт и развивается по общим космическим законам. Физическая определённости качественного и количественного проявления действий людей становится абсолютно понятной, если считать социальную систему такой же живой, как и живое тело одного человека из живых клеток. Система, состоящая из живых элементов, сама является живой. При этом надо учитывать цикличность, ритм и периодичность роста и развития социума до состояния совершенства и знать предел этого совершенства, после чего неминуемо происходит плановое распадение [2]. Надо знать причину смены поколений, знать закономерность непрерывной замены состарившихся элементов новыми без нарушения целостности и процесса жизни целого сообщества, будь то тело человека или сообщество людей в виде отдельных государств, или глобальную планетарную систему людей из многих государств. Надо так же знать, что существует целевое и осмысленное развитие человечества, функционально необходимого эволюции Земли, и это развитие нельзя нарушать волевым решением того или иного «авторитета». Жизнь остановить невозможно, а качественные свойства людей легко меняются активацией той или иной группы генов в каждую эпоху эволюции планеты. В наш Железный век (эпоха Кали-Юги) в людях преобладает материальный интерес, стремление к накопительству, жадность к богатствам. Вероятно, что именно эти качества должны преобладать, чтобы люди могли освободить кору растущего тела планеты от вредных для неё углеводородов. Духовное преобладание развития людей будет происходить во вторую половину нынешнего Зодиакального года (этот полупериод начнётся с 2 160 года).

С реально существующих позиций живого социума легко и изящно объясняются все качественные поступки людей, становится понятным, какой должна быть социальная система

государства, и какие законы управляют её нормальной жизнедеятельностью. Поэтому социальное понятие *патриотизм* – это совокупность действий каждого члена социума, направленных на сохранение целостности живой государственной системы. И потому уровень патриотических настроений напрямую зависит от степени организованности сообщества: чем выше организованность и активность государственной системы, тем выше уровень проявления патриотизма в сохранении целостности государства.

Государство, где существует большое разнообразие идеологий (идей), легко воспринимает любые внешние информационные воздействия, и так же легко с ними расстаётся, патриотизм там кратковременный, его там хватает только на время существования господства данной идеологии. Для социальных систем, где позволено много идеологий, характерно действие по типу: построили мгновенную систему по одной идеологии и тут же разрушили; снова построили, но уже по другой идеологии, снова разрушили; и так непрерывно по мере поступления внешнего информационного воздействия. Так построены все физиологические системы чувствительных органов человека: восприятие света глазом, работа эпифиза по восприятию энергоинформационного воздействия поля Земли, работа нейромедиаторов, обонятельной системы, и т.д.

Такие социальные системы высокочувствительны к проявлению внешних энергоинформационных условий, патриотизм там кратковременный, они самостоятельно существовать не могут, они всегда должны существовать в паре с системой, где социальная структура устойчива, где поддерживаются незатухающие гармоничные живые процессы (структуры генетической памяти). Таким образом, уровень патриотизма зависит от организованности социальной системы, и он выше в централизованных государствах с высокой степенью организации всех членов сообщества в целенаправленном развитии. Отсюда становится понятно, какой должна быть *реальная структура* государства, она должна быть социально направленной, централизованной, управляемой и хорошо сбалансированной [5].

Основной закон развития социума

Естественная социальная система людей развивается по тем же законам, по каким развиваются реальные системы внутри клетки, сама Земля, поскольку в мире космоса существует

один закон – закон сохранения живого процесса, жизни как явления. Этот же закон является законом сохранения энергии и информации о живом процессе, он же является общим нравственным законом, в котором определены все правила поведения для каждого живого элемента в системе. В естественной социальной системе людей существуют те же подсистемы, обеспечивающие общую жизнеспособность социума, как и в биологической клетке или в отдельном теле: чувствительная система (рецепторная), генетическая память (научные знания), система энергетического питания, система управления отходами, система иммунной защиты, система образования и обучения с распределением специалистов по функциональному назначению, система законодательного управления, система размножения, и т. д.

Основным законом развития социальной системы является закон сохранения жизни социума, и потому этот закон одновременно является законом проявления патриотизма. Каждый человек в составе устойчивой социальной общности вовлечён в сферу тех или иных действий, связанных единой целесообразностью жизни общества (и всего человечества). Этот закон звучит так: *всякое последующее действие происходит по памяти предыдущих действий* (выражено Женским Началом или генетической памятью), *при этом нарабатывается* (чувствительным Мужским Началом) *новая структурная форма памяти, куда первая входит составной частью и не видоизменяется благодаря непрерывному воспроизводству самой себя в точной копии в условиях ритмично изменяющейся полярности внешнего магнитного поля*. Поэтому вся культура людей складывается постепенно, по ходу развития, накапливая опыт жизни многих поколений. В этом суть русской национальной культуры и русского национализма – неоспоримое желание всех членов общества сохранять и приумножать национальную культуру. Поэтому, чтобы жить в устойчивых условиях, нельзя свою национальную культуру подменять иноземной, неродственной, иначе возникнут конфликты на национальной почве.

Патриотизм. Патриотизм как понятие происходит от греческого *patris* – отечество, *связано с представлением о структуре государства*. Это активный путь жизнедеятельности по пути отцов рода своего, связанный с позитивной стороной жизни, с процессом обучения и познания законов природы, развитием творческого процесса на их основе. Всякое нарушение структурной целостности

социальной структуры (государственной целостности), не соответствующей гармонии природы, вызывает возбуждение активности членов общества, стремящихся сохранить целостность общей системы. Патриотизм как понятие о главенстве принципа Мужского начала в акте творения *пробуждается к активности Женским Началом* (родина-мать, национальный признак генетической памяти). Зародить новую жизнь может только Мужское Начало при наличии Женского Начала. Ни ум, ни мать, но отец даёт нам вечный принцип любви – первозданную энергию творения, зарождение жизни. В то же время генетическая память о прошлом передаётся по наследству только по женской линии. Родина-мать зовёт, призывает к патриотическим действиям Мужское Начало, и они сражаются за идеологию, провозглашённую Женским Началом, проявляя патриотизм как наследственность.

Быть патриотом – это значит идти положительным путём жизни своих отцов с любовью к своей Родине (родина-мать), к своим соплеменникам. Любовь – это самое стоящее дело на Земле, физическим признаком любви является резонанс, который увеличивает амплитуду динамических действий, даёт вдохновение для свершения самых трудных дел (подвигов). В этом ответ на вопрос о причине могучего проявления национализма. Чем выше проявление национализма (связь родственных по происхождению существ), тем выше по своим свойствам социальное общество подходит под определение чистой линии (в биологии), оно узко специализировано, не воспринимает новые идеи, плохо приспосабливается к изменениям климата и других условий на планете, самостоятельно жить не может в изменяющихся условиях. Кажущийся парадокс в значимости национализма объясняется тем, что *чисто национальные сообщества* легче вступают в многонациональные социальные объединения, когда экологическая обстановка на планете угрожает слабым и одиночкам. При осмысленном целевом развитии сила социума в единстве многих наций при сохранении чисто национальных признаков отдельными образованиями (государствами). Это универсальное свойство мы наблюдаем в свойстве белого Света Солнца, состоящего из семи цветовых лучей.

Патриотизм – это черта живого творящего (Мужского) начала. Патриотизм свойственен активному, жизнеутверждающему процессу, он знаменует силу всё утверждающей жизни. Почему

возникает вопрос о значении того или иного звука слова? Почему всё, что нас окружает, имеет звуковое имя или название? Сложение букв и цифр служат основой всякой памяти (со свойствами Женского Начала), и потому всякое последующее действие происходит по памяти предыдущих действий. Память (в биологии – Женское Начало), родина-Мать, управляет поведением Мужского Начала (патриотизмом), удовлетворяя возникшее желание сохранения своего живого процесса. Оба этих Начала создают ритм живого процесса социальной общности. Два Начала в реальных процессах никогда не борются за своё существование, поскольку участвуют в совместном живом процессе, имеющем признаки колебательного процесса. Что это значит? Это означает, что Женское Начало, как генетическая память, существует вечно, периодически порождая Мужское Начало на определённое время, с целью познания законов Природы и продления рода. Из природы колебательного процесса следует, что свойства двух начал не остаются неизменными по ходу эволюции Земли, они изменяются в течение одного периода Зодиакального Года (25 920 лет) живого процесса. Современные социологи этого не учитывают, и потому гремят войны, оранжевые революции, гибнут люди, страдает экология планеты, тормозится развитие людей.

Лозунг для патриотов – иди и живи, так живи, чтобы пела душа, чтоб ни дня без любви, без мечты, чтобы песня была хороша для небес, для Земли, для людей. Сотвори как молитву её, и трудись, и себя не жалея, и всегда помни имя (частоту своих колебаний) того, кто породил тебя (из стиха Е.Б.Шихматовой). Поэтому *патриотизм проявляется* в государствах различной национальности, но уровень патриотизма выше в централизованных государствах с целенаправленным и осмысленным развитием. Патриотизм – это действующая сила, а не красивый ярлык.

Нация – исторически-эволюционно сложившаяся форма социальной общности родственных людей, объединённых общностью разговорного языка, экономическими и духовно-психическими связями и обычаями, информационными связями и правилами поведения и культуры в определённом географическом месте со своей энергетикой. Поэтому слово **нация** определяет понятие *новое рождение* людей в новом месте в процессе расселения людей по планете в начале каждого Зодиакального года (для нашей расы – это 10 800 год до н.э.), соответствует идее

родства и родственных отношений. *Патриотизм и национализм* два родственных по значению слова и понятия, отражают две стороны одного *периодического процесса* живого роста и развития социума [3].

Понятие *национализм* соответствует идее родства (когерентности в физике), а понятие патриотизма способствует объединению родственных по происхождению людей (одна нация) в единую социальную общность, и поддержанию в ней в целостности и сохранности динамики культуры поведения, языка общения в условиях изменения среды обитания. Поэтому существует много наций, как существует много атомов химических элементов, имеющих разные свойства. Поэтому и межнациональные взаимоотношения при формировании глобальной социальной системы на Земле являются избирательными, а не как попало. Без национальных признаков никак не может быть никакой общности, целостности социальной системы, а, значит, и патриотизма как свойства сохранить целостность национального государства. Чисто национальные сообщества (чистые линии в биологии, монохроматические излучения света в физике) лучше взаимодействуют между собой, образуя новые социальные системы с высокой живучестью в изменяющихся условиях жизни на планете. Отсюда следует, что современная идея глобализма, решаемая через разрушение национальных культур и религий, в корне не верна.

Родственные по происхождению люди, объединяясь в сообщество, обобществляют разговорный язык и общую письменность, все информационные средства, системы связи и коммуникации, энергосистемы, создают границы своего общества. В многонациональном государстве без единого языка общения, единой национальной денежной единицы, единой культуры и правил поведения – не будет ни нации, ни патриотизма. Поэтому любое вмешательство с целью изменить культуру, изменить язык общения встречает отпор со стороны общества, возникают национально-освободительные движения, поднимается национальный дух – нацизм и крайняя форма его проявления – фашизм. Поэтому социологам-теоретикам необходимо знать все свойства живого процесса и не будить медведя в его берлоге.

В современной науке отсутствует удовлетворительное мировоззрение и миропонимание, отсутствует представление о происхождении жизни из неживого или косного

вещества, а потому совершенно отсутствует представление о целевом и осмысленном развитии социального общества людей. Подлинно научное познание не только не подтверждает материалистических гипотез о самопроизвольном происхождении жизни, но категорически отрицает и опровергает их с самых общих теоретических позиций. Космос как категория осмоса – это стройная организация.

Такое невежество привело к многочисленным идейным течениям, зачастую противоречивым и бессмысленным. В статье №13 Российской Конституции, а это Основной закон развития России, эта бессмысленность узаконена, там записано: «1) В РФ признаётся идеологическое многообразие. 2) Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. 3) Запрещается ... разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни». В природе даже маленькие ручейки сливаются в реку, образуя могучее течение, наделённое колоссальной творческой энергией. При отсутствии возможности слияния ручейков в единый поток образуется единое болото. А Конституция РФ запрещает идейным течениям сливаться в единый поток обобщённой идеи развития государства. Решение проблемы напрашивается само собой – надо следовать естественному закону жизни, и изменить конституцию.

Узаконенное разнообразие идеологий в Конституции России означает, что и развития государства не будет, и это отмечается реально в современную эпоху длительного периода развала. Единая или общенациональная идея осмысленного развития в многонациональном государстве способна сплотить людей в духе патриотизма и восстановить мощь всей государственной системы всего за несколько лет. И этой общей идеей должна стать идея единого космического закона – закона сохранения живого процесса в непрерывно изменяющихся условиях на планете. Угрожающий рост стихийных бедствий за последние годы демонстрирует факт изменения условий жизни для людей, и это надо хорошо понимать, если хотеть жить. А все мы «живём надеждой на лучшее, подчиняясь желанию жить» (Петрова Г. Г.).

Все виды энергоинформационных систем от Интернета людей до кровеносной системы отдельного человека и общего энергоинформационного поля Земли формируются из многочисленных малых «ручeyков». Тогда задавать вопрос о причине обострения в нашей

стране в последние годы проблемы национализма неразумно, поскольку эта причина прописана и закреплена самой Конституцией, нарушение которой карается по закону. Острота проблемы нарастает стремительно, поскольку нет выхода идейным представлениям в конструктивное творение осмысленной государственной системы, гражданская война уже полыхает в Украине.

Современные социально-политические и экономические трудности – это искусственно создаваемые недальновидными политиками и учёными трудности. Надо учить людей, а не разрушать систему образования, преобразуя её в услугу для населения. Надо укреплять все государственные системы и структуры, а не растаскивать всё по частным капиталистическим лавочкам. Надо строить разумную социальную систему без излишеств, систему всеобщей занятости населения, а не плодить безработицу как источник всех бед и недовольства. Государственное управление как централизованное и разумное обеспечит построение такого общества, тогда глобальные трудности будут решаться быстро и с большой эффективностью всем сообществом образованных людей при высоком их профессионализме [5]. Сторонники «самоорганизации», как это ни парадоксально, считают такое развитие тоталитарным, давлением общества над индивидом, называют такое развитие свойственным закрытым обществам. Надо помнить, что глобальная система сильна тем, что её членами являются организованные по национальному признаку социальные системы, со своей культурой, своим языком общения, с общим для всех патриотизмом – сохранить целостность общей (глобальной) многонациональной системы.

В космосе существуют законы организации, следуя принципу Порядка. Организация чего бы то ни было подразумевает цель осмысленного развития и получение желаемого результата, и потому изыскиваются средства и способы реализации задуманного. Самоорганизация сама по себе вещь достойная в силу наличия в ней знания личностных поступков. Но любая личность является частным элементом какой-либо системы, и потому она просто обязана мыслить самостоятельно, сообразуясь с внешней обстановкой, понимая законы внешней среды и смысл жизни всей системы. Появление даже сравнительно слабых внешних изменений, как-то температуры, атмосферного давления, освещённости, электрических и магнитных полей, побуждает каждого человека думать и принимать решение,

чтобы жить всей системой в изменившихся условиях [4]. Поскольку сама Земля формирует внешние условия для человека, то она и управляет всей его эволюцией, включая расселение по планете, изменение половых признаков, письменности и речи у людей по ходу эволюции. Отсюда следует, что чисто *самоорганизации* в природе не существует, есть способность, возможность и необходимость индивидуальной жизни под внешним управлением.

Для Земли внешним управлением является энергоинформационные потоки Солнца, без которого никакая жизнь на Земле не возможна. Жизнь самого Солнца связана с энергоинформационным состоянием галактического пространства, где в данный момент с огромной скоростью (250км/сек) движется Солнечная система. В современном обществе почему-то не принято говорить о том, что все люди живут в Космосе, и они подчинены законам Космоса. Впереди у человечества трудные времена, связанные с уменьшением светимости Солнца. Поэтому требуется проявить патриотизм землян, чтобы совместными усилиями сохранить жизнь людей на планете и не устраивать экологический и социальный кризисы.

Вывод

Патриотизм и национализм – это естественные качественные проявления действий людей с целью сохранить целостность и незатухающую жизнь социума.

Выходом из современного кризисного состояния социального общества России должна стать идея единого космического закона сохранения живого процесса. Люди живут на планете не сами по себе, а потому что они нужны функционально для эволюции Земли. Необходимо сформировать реальное социальное научно-образовательное общество России, основанное на законе жизни.

Люди существа социальные, призванные жить в сообществах, и потому национализм надо развивать, а не запрещать законом, поскольку правильное понимание национализма упрочняет государственные связи в многонациональном государстве, способствуя росту патриотизма и приспособления жить в непрестанно изменяющихся условиях Земли.

Цель, ради которой всё человечество дружно стремится к прогрессу, состоит в том, чтобы освободить себя от тяжёлого физического труда и даже от труда собственного мышления при наличии больших потоков информации. Механизация, автоматизация, кибернетика, системы глобальной энергоинформационной связи – все они увеличивают радиус присутствия человека на планете и в ближнем космосе. Высшей ступенью развития человечества является освоение мысленного общения. За время своего существования Земля сбросила с себя уже не одну цивилизацию, но все они были нужны планете в решении задач её эволюции. Человек – существо космическое. Каждый новый Зодиакальный год зарождается, растёт и расселяется по Земле новорожденное человечество, созревает до совершенства. Смерти, как таковой, нет.

Литература

1. Петров Н.В. *Идея Основного закона развития живого процесса в Космосе.* – СПб.: 2009, Материалы Второго Международного Ноосферного Северного Форума «Ноосферизм: арктический взгляд на устойчивое развитие России и человечества в 21 веке» 25-29 ноября 2009г., Том2, кн.2. – С. 160-183.
2. Петров Н.В. *Применение системного подхода к прогнозированию изменения климата Земли.* //Проблемы анализа риска. - М.:Т8. № 4. 2011. – С. 58-69.
3. Петров Н.В. *Ноосфера планеты. Какая она?* //В.И.Вернадский и ноосферная парадигма развития общества, науки, культуры, образования и экономики в 21 веке: коллективная монография / Под научной редакцией А.И. Субетто и В.А.Шамахова. В трёх томах. Том2. – СПб.: Астерион, 2013. – С. 359-373.
4. Петров Н.В., Гуменюк В.И. *Причины таяния полярных шапок планеты.* //Научно-технические ведомости СПбГПУ Наука и образование. № 4 (159). 2012. – С. 201-210.
5. Петров Н. В. *Решение проблемы глобализации с позиции закономерной эволюции пола и социума в течение зодиакального года.* // Экология и развитие общества. МАНЭБ. № 4 (9). 2013. – С. 17-27.

В. И. КОЛЕСОВ, д. пед. н., к. э. н., профессор
кафедры философии и культурологии СПбГАУ

***Построение модели безопасности
школьной среды в социально-
психологических исследованиях в
обновлённой России***

Исследование проблем безопасности в образовании, обеспечения и поддержания безопасности школьной среды является составной частью важнейшей задачи, касающейся обеспечения качественного и доступного образования для всех детей Российской Федерации. В соответствии с Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 года (№273-ФЗ), вступившим в силу с 1 сентября 2013 года, в обязанности образовательной организации входит создание безопасных условий обучения, воспитания обучающихся (ст. 28, п. 2) [14]. Несмотря на активность исследователей в области психологии, педагогики, социологии образования и существование исследований, содержащих решения в отдельных проблемных областях, касающихся проблемы безопасности образовательной среды, создание целостного, системного подхода, позволяющего комплексно решать вопросы, связанные с обеспечением безопасности школы и субъектов образовательного процесса, требует дополнительных усилий.

Данная работа представляет результаты поискового исследования, осуществленного с целью уточнения постановки проблемы и формирования гипотезы о структуре и содержании модели безопасности школьной среды. В исследовании применены методы сравнительного анализа, обобщения и абстрагирования. Материалами этой работы выступили отечественные и зарубежные исследования, направленные на решение проблем оценки и обеспечения безопасности среды и личности.

Анализ исследований, представленных в российских диссертационных работах за последние десять лет, выявил следующие тенденции в способах определения, выбора и структурирования компонентов безопасности среды образовательной организации.

Довольно значительная доля диссертационных исследований, проведенных за последние десять лет, отражает проблемы взаимосвязи разнообразных факторов, условий и характеристик психологической безопасности среды

образовательного учреждения и ее субъектов. Примерами таких работ могут послужить анализ влияния личностных особенностей педагога на психологическую безопасность обучающихся (В.Н. Барцевич, 2012), влияния профессиональной компетентности педагогических работников, смысложизненных стратегий педагогов на психологическую безопасность детей (М.Г. Гераськина, 2007; О.Д. Кремененко, 2006); исследования особенностей развития детей в образовательных средах с разным уровнем безопасности (О.А. Елисеева, 2011; О.В. Петрушина, 2011); выявление способов повышения уровня психологической безопасности личности в образовательной среде школы и вуза (С.Н. Илларионов, 2005; О.В. Исаакян, 2009; А.Д. Тырскова, 2012) [2; 4; 11; 5; 12; 7; 8; 13].

И только небольшое количество работ построено на системном подходе и содержит материалы, которые можно рассматривать в качестве модели или предпосылок разработки модели безопасности школьной среды.

Одним из наиболее часто цитируемых исследований с начала 2000-х гг. в российских работах, посвященных анализу различных аспектов безопасности среды образовательных организаций, является концепция психологической безопасности образовательной среды И.А. Баяевой [1]. Определение психологической безопасности образовательной среды, данное в диссертационном исследовании, отражает целевые и процессуальные аспекты среды, а также воспроизводит эмпирические параметры, на основании которых может быть осуществлена оценка среды конкретной образовательной организации. Безопасность образовательной среды рассматривается как условие обеспечения психического здоровья участников образовательного процесса через удовлетворение основных потребностей в личностно-доверительном общении в референтной среде, свободной от проявлений насилия в межличностном взаимодействии. Основные показатели уровня безопасности образовательной среды — удовлетворенность основными аспектами взаимодействия с участниками образовательного процесса, защищенность от насилия и референтность среды — при позитивной динамике, выступают условием гармонизации психического здоровья субъектов учебно-воспитательного процесса.

Значимость исследования, несомненно, состоит в созданной теоретической и методологической

базе для создания технологий поддержания и сопровождения среды образовательных организаций начального, основного и среднего общего образования. На сегодняшний день методика оценки психологической безопасности школьной среды, созданная на основе положений концепции, не нашла аналогов в разработках других авторов и является уникальным инструментом, подтвердившим валидность и надежность в многочисленных прикладных исследованиях. Модель психологической безопасности учитывает субъективные (удовлетворенность взаимодействием, значимость среды для субъекта, переживание защищенности) параметры и — в относительной степени — объективные, в частности, интегративная оценка среды, построенная с учетом мнения всех субъектов образовательной среды, может в ряде случаев рассматриваться как объективная характеристика. Модель позволяет рассматривать динамику изменений показателей психологической безопасности и на основе интегративной оценки среды принимать решения о необходимости применения психолого-педагогических технологий, направленных на повышение уровня безопасности.

Несколько иные акценты расставлены в исследованиях И.С. Бусыгиной (корпоративная безопасность среды), О.Ю. Зотовой (психологическая безопасность личности), Т.С. Кабаченко (психологическая безопасность как состояние информационной среды и условие жизнедеятельности общества), Т.М. Краснянской (безопасность как состояние «подконтрольности» субъекту комплекса экзогенных и эндогенных параметров, обеспечивающего динамическое равновесие его взаимодействия со средой на соматическом, энергетическом и информационном уровнях) [3; 6; 4; 5].

В ходе разработки модели корпоративной безопасности в работе И.С. Бусыгиной выделены следующие компоненты безопасности среды: организационно-деятельностный, ценностно-нравственный, нормативно-регулятивный, инструментально-технологический и проективно-прогностический компоненты [3]. Организационно-деятельностный — раскрывается через создание возможностей для управления безопасностью среды, через оптимальную организацию деятельности по управлению безопасностью. Ценностно-нравственный компонент безопасности среды связан, по мнению автора, с эффективностью анализа и оценки организационной ситуации и организационных

взаимодействий, с выработкой отношения к профессиональной деятельности и профессиональной Я-концепции, с принятием целей и ценностей организации, с конструктивным организационным поведением, с решением проблемных ситуаций на базе вектора пользы для организации.

Компонент нормативно-регулятивный обеспечивает формирование продуктивных отношений в триаде «человек — организация — профессия», формирование социальной ответственности, мотивацию организационного поведения. Инструментально-технологический компонент обеспечивает освоение коммуникативных стратегий и тактик, формирование компетентности в отношении продуктивного личностно-профессионального развития и корпоративного управления; проективно-прогностический — связан с прогнозированием поведения и отношений в рамках организации, с разработкой стратегий личностно-профессионального роста и организационного развития.

В качестве факторов, определяющих угрозы безопасности среды, рассматриваются макросоциальные условия (системные кризисы в социуме, отсутствие общенациональной объединяющей идеи, деформация мировоззренческих стереотипов, дезориентация в ценностно-смысловой системе, социально-экономическая нестабильность и др.); мезосоциальные условия (отсутствие продуктивной коммуникации, пониженный уровень критичности к собственному позиционированию в группе, деформация моделей и нормативов возрастного поведения, нарушение регуляторов социального поведения и др.); микросоциальные условия (одиночество, неадекватность запросу социального окружения, не критичность по отношению к способам общения в группе, непродуктивность в реализации основных видов деятельности и т. д.).

Таким образом, модель предполагает описание содержательных компонентов безопасности среды организации, сгруппированных в соответствии со сферой их происхождения и способами регулирования и/или управления, а также перечисление факторов, влияющих на состояние безопасности среды, сгруппированных по аналогии с теорией экологических систем У. Бронфенбреннера. Несмотря на явные преимущества такого подхода, обусловленного учетом множества компонентов, условий и факторов, оказывающих влияние на состояние безопасности

личности, вызывает сомнение возможность построения на основе данной модели методики интегративной оценки безопасности среды организации.

В исследовании О. Ю. Зотовой показаны особенности содержания социально-психологической безопасности и безопасности личности; и если первая — рассматривается в парадигмах защищенности, то безопасность личности выступает как феномен, основанный на предметно-преобразующей активности личности и раскрывающийся через деятельностный, субъектный и системный подходы [6]. В соответствии с результатами исследования О. Ю. Зотова рассматривает модель социально-психологической безопасности как совокупность таких компонентов, как субъективное восприятие безопасности личности (когнитивная сфера) самим человеком как субъектом обеспечения собственной безопасности (мотивационно-потребностная, мотивационно-оценочная, ценностная и содержательно-смысловая сферы) и системная взаимосвязь личности, группы и социума (коммуникативная сфера). Субъективное восприятие и оценка социально-психологической безопасности, по мнению О. Ю. Зотовой, формируются на основе отношений и реализации личностных свойств в процессе взаимодействия с реальностью.

В целом, по мнению автора исследования, социально-психологическая безопасность личности представляет собой сложное структурированное психологическое образование, зависящее от особенностей восприятия собственной психологической защищенности, устойчивости, уверенности субъекта в определенной ситуации. Таким образом, специфика формирования определенного уровня безопасности строится на основе субъективных показателей, позволяющих по-разному отражать объективную реальность.

Подход Т. С. Кабаченко предполагает рассмотрение психологической безопасности в качестве состояния информационной среды, а также в условиях жизнедеятельности общества, предотвращающего нарушение психологических предпосылок целостности социальных субъектов, в адаптивности их функционирования и развития. Нарушение психологической безопасности рассматривается как функция ряда переменных, в том числе особенностей субъекта безопасности и специфики угроз. Т. С. Кабаченко вводит понятие риска нарушения психологической безопасности, которое рассматривается как степень представленности в ситуации взаимодействия субъективных и

объективных факторов, повышающих вероятность возникновения нарушения психологической безопасности реципиентов. В числе факторов, определяющих риск нарушения безопасности в контексте профессиональной деятельности, находятся характеристика макросоциальной ситуации (наличие нормативно-правовой базы и механизмов защиты личности), уровень развития профессионала как субъекта труда и др. [9].

Таким образом, психологическая безопасность рассматривается в контексте социальной среды, безопасность выступает условием психического, психологического здоровья человека; нарушение безопасности является производной субъективных предпосылок в конкретных условиях жизнедеятельности.

По мнению Т. М. Краснянской, безопасность целесообразно рассматривать в качестве психического состояния подконтрольности субъекту комплекса экзогенных и эндогенных параметров, обеспечивающего динамическое равновесие его взаимодействия со средой на соматическом, энергетическом и информационном уровнях. В соответствии с результатами исследования Т. М. Краснянской ведущей причиной того, что человек оказывается в ситуации опасности, является его неспособность выстроить адекватную картину мира в связи со спецификой процессов восприятия, внимания, эмоционально-волевых процессов, несогласованности мотивов [10].

В этих положениях вновь повторяется идея доминирования субъективных факторов в процессе взаимодействия личности и среды и оценивания последней как опасной или безопасной.

Обобщая результаты сравнительного анализа приведенных выше исследований, считаем необходимым отметить тот факт, что одной из распространенных проблем в построении модели безопасности среды является возможность интеграции ее объективных и субъективных характеристик в единую структуру. Стратегия построения модели безопасности среды часто отражает перечень различных компонентов и/или факторов и условий безопасности среды и личности, тогда как весьма актуальным запросом социальной практики является создание механизмов принятия решений о необходимости и содержательном наполнении конкретных организационных и психолого-педагогических мероприятий.

Одной из довольно успешных, на наш взгляд, попыток интеграции объективных компонентов школьной среды и ее субъективных характеристик

выступает работа V. Cole, B. Henry, D. Tyson, R. Fitzgerald, R. Hopkins [7]. Исследователи попытались преодолеть проблему вынужденного выбора объективных или субъективных показателей безопасности среды, соединив две модели безопасности, отличающиеся содержанием и сферой деятельности. Первая — Национальная система управления инцидентами, используемая в США для координации готовности к чрезвычайным ситуациям и управления инцидентами между различными федеральными, государственными и местными учреждениями, содержащая конкретные регламенты, планы и инструкции действий в критических ситуациях. Вторая — модель организационного климата R. Tagiuri, описывающая «эффективную» школьную среду через такие аспекты, как физическое пространство, культура (общие нормы и ценности), социально-эмоциональный и организационный аспекты.

По мнению исследователей, подход R. Tagiuri усиливает модель Национальной системы управления инцидентами за счет расширения зоны управления, а интеграция этих двух моделей имеет решающее значение в развитии практики предотвращения и разрешения ситуаций нарушения безопасности в школьной среде. Также следует отметить, что авторы защищают положение о том, что определение безопасности через такие категории, как свобода от риска и ущерба, защита от угрозы, вреда, несчастных случаев и др., сменил новый подход, связанный с определением безопасности через готовность и управление инцидентами.

B. Gastic, J. Gasiewski считают, что безопасность школы может быть описана через оценку рисков безопасности школьной среды и ее субъектов [8]. По мнению исследователей, безопасность школы чаще всего описывается в таких терминах, как страх виктимизации, чувство безопасности в школе, как отсутствие насилия или других угроз безопасности, возможность найти поддержку, доверие к окружающим людям и др. Кроме того, безопасность школьной среды может быть представлена с точки зрения социально-эмоционального благополучия ее участников.

При этом авторы сопоставляют данную позицию, реализованную в исследованиях различных ученых, с действующей нормативной базой США и ссылаются на законопроект Конгресса США об обеспечении доступного и качественного образования для каждого ребенка, принятый в 2002 году, а именно — на раздел 9532, касающийся критериев оценки небезопасных школ

(NoChildLeftBehindActof 2001;SEC. 9532 UNSAFESCHOOLCHOICEOPTION). Раздел обеспечивает право учащегося на смену образовательной организации в тех случаях, когда он был подвергнут насилию, или в том случае, если его школа является «неизменно опасной» (persistentlydangerous), однако критерии опасности, в соответствии с данными B. Gastic, J. Gasiewski варьируются от штата к штату. При разработке критериев для выявления опасных школ штаты опирались на рекомендации Департамента образования США об использовании объективных данных и отказе от данных, основанных на субъективном восприятии, что, в конечном итоге, привело к использованию ежегодной статистики об инцидентах для выявления опасных школ.

В качестве разрешения создавшейся ситуации, B. Gastic, J. Gasiewski предлагают оценивать и сравнивать школы с точки зрения их безопасности в соответствии с риском, определяемым через два аспекта, — серьезности последствий нарушения безопасности и вероятности наступления ситуации нарушения безопасности. По мнению авторов исследования, оценка безопасности школьной среды через оценку рисков позволит учесть объективные и субъективные компоненты безопасности школьной среды и преодолеть односторонние подходы, учитывающие отдельные показатели.

В соответствии с результатами сравнительного анализа подходов к построению модели безопасности среды и задачей по исследованию возможности трансляции элементов подходов для разработки модели безопасности школьной среды, можно констатировать следующее.

В настоящее время преобладающими направлениями в опубликованных российских исследованиях являются сравнительное изучение психологических аспектов безопасности среды школы и корреляционные исследования показателей безопасности среды с различными индивидуальными и личностными характеристиками ее субъектов.

Наблюдается недостаток исследований, направленных на изучение безопасности среды школы как целостной системы, отражающей в известной степени состояние макросоциальной среды и не ограничивающейся описанием совокупности различных параметров и показателей безопасности.

В работах исследователей наблюдается тенденция, связанная с постепенным сдвигом акцентов от фиксирования нарушений безопасности

среды и реагирования на них к моделям, предвосхищающим угрозы нарушения на основе регистрации факторов и предикторов, локализованных как непосредственно в среде школы, так и в более широких сферах жизнедеятельности субъектов образовательной среды школы.

Введение понятия риска в модель безопасности школьной среды позволяет снять противоречия, касающиеся объединения объективных и субъективных показателей безопасности среды школы, и осуществить поиск решений, связанных с прогнозированием динамики состояния безопасности в будущем.

Поиск и систематизация предпосылок для построения гипотезы о структуре и содержании модели безопасности школьной среды позволили нам определить следующие критерии, являющиеся базовыми для построения такой модели: это отражение в структуре модели безопасности школьной среды компонентов целевых (что должно быть) и процессуальных (что необходимо сделать); учет факторов, опосредованно влияющих на уровень безопасности среды и условий, регулирующих степень их влияния; возможность разработки на основе модели системы оценки состояния безопасности школьной среды с выходом на принятие решений о необходимости вмешательства и коррекции ее состояния.

Литература

1. Баева И. А. Психологическая безопасность образовательной среды: теоретические основы и технологии создания: Дис... д-ра психол. наук. — СПб., 2002. — 386 с.
2. Барцевич В. Н. Влияние личностных характеристик учителя на психологическую безопасность учащихся: Дис... канд. психол. наук. — М., 2012. — 185 с.
3. Бусыгина И. С. Корпоративная безопасность как акмеологическое основание продуктивной жизнедеятельности организации: Дис... д-ра психол. наук. — М., 2010. — 574 с.
4. Гераськгша М. Г. Развитие профессиональной компетентности персонала общеобразовательных учреждений в обеспечении личностной безопасности учащихся: Дис... канд. психол. наук. — Рязань, 2007. — 216 с.
5. Елисеева О. А. Субъективное благополучие подростков в образовательных средах с разным

уровнем психологической безопасности: Дис... канд. психол. наук. — М., 2011. — 124 с.

6. Зотова О. Ю. Социально-психологическая безопасность личности: Дис... д-ра психол. наук. — М., 2011. — 524 с.

7. Илларионов С. Н. Восприятие образовательной среды субъектом как фактор формирования его психологической безопасности: На примере студентов вузов и курсантов ГПС МЧС России: Дис... канд. психол. наук. — Иваново, 2005. — 226 с.

8. Исаакян О. В. Психологические особенности формирования безопасной дизайн-среды общеобразовательной школы: Дис... канд. психол. наук. — Ростов-н/Д, 2009. — 194 с.

9. Кабаченко Т. С. Нарушения психологической безопасности в контексте активности профессионала: Дис... д-ра психол. наук. — М., 2000. — 409 с.

10. Краснянская Т. М. Психология самообеспечения безопасности: феноменология, механизмы, стратегии: Дис... д-ра психол. наук. — Таганрог, 2006. - 373 с.

11. Кремененко О. Д. Особенности смысложизненных стратегий педагогов-руководителей общеобразовательных школ как фактор формирования безопасной образовательной среды: Дис... канд. психол. наук. — Ростов-н/Д, 2006. — 233 с.

12. Петрушина О. В. Образовательное пространство интернатного учреждения и психологическая безопасность его воспитанников: Дис... канд. психол. наук. — Курск, 2011. - 214 с.

13. Тырскова А. Д. Формирование стратегий психологической безопасности студентов вуза: Дис... канд. психол. наук. — Пятигорск, 2012. — 199 с.

14. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». (Принят Государственной Думой 21 декабря 2012 года. Одобрен Советом Федерации 26 декабря 2012 года.).

15. Cole V, Henry B.,Tyson D., Fitzgerald R., Hopkins R. In the Face of Danger: Comprehensive Emergency Preparedness and Response for Schools. Penn GSE Perspectives On Urban Education [serial online]. March 1, 2008;5(2)Available from: ERIC, Ipswich, MA. Accessed August 15,2013.

16. GasticB.,GasiewskiJ. School Safety under NCLB's Unsafe School Choice Option. Penn GSE Perspectives On Urban Education [serial online]. 2008; 5 (2).

А. И. РЕПИН, к. филос. н., доцент, УГСХА

***Владимир Соловьев о равновесии
личного и общественного: ретроспектива
идеи нравственного государства***

Для русской цивилизации на любом этапе ее истории вопрос о роли государства имел ключевое значение. В реальной исторической ситуации, когда русский мир неоднократно оказывался в состоянии системного кризиса и стоял перед историческим выбором, как правило, этот выбор делался в пользу сильного централизованного государства. Это обусловлено множеством разнообразных исторических и географических факторов: расположением на стыке мировых цивилизаций Запада и Востока, разнородным этническим составом, протяженностью территории, внешними угрозами и др. Однако такое сильное государство, использующее мощную вертикальную власть, обеспечивая физическое выживание нашей цивилизации в кризисные моменты истории, не всегда столь же эффективно обеспечивало эволюционный прогресс. Более того, статичная, непрозрачная, практически автономная от общества властная система быстро приобретала тенденцию к застою и становилась источником напряженности в обществе. Особенно критичным стало такое положение в XIX – начале XX века, когда общество императивно потребовало модернизации политической системы в условиях развития конкурентной среды.

Концептуальным итогом трех русских революций стало осмысление вопроса о цене свободы. Еще более остро этот вопрос встал перед нашей цивилизацией в постсоветский период, который совпал с началом эпохи глобализации. Россия снова была вынуждена подвергнуть ревизии предшествующий этап развития и вновь попыталась вернуться к своим цивилизационным корням. А это означает очередной виток рефлексии с неизбежными и, порой, болезненными размышлениями о цене свободы, о согласии личного и общественного, о роли государства.

Коллизия личного и общественного возникает, очевидно, в ходе любого социального взаимодействия. Личное – это комплекс собственных интересов субъекта, которые, однако, могут быть реализованы только в социуме. Общественное – это интересы корпоративные, групповые, национальные, которые не могут и не должны полностью совпадать с личными. Западная

и Восточная цивилизации выработали принципиально различные варианты взаимодействия личного и общественного. На Западе в ходе эволюции гражданского общества и правового государства приоритетом стало личное: свобода личности, неприкосновенность частной собственности, личная безопасность и др. Исходя из этого, государство рассматривается, в первую очередь, как система управления, которая формируется гражданами и для граждан. В основе такого государства лежит право, которое нравственно нейтрально и универсально.

«В трактовке общего блага в России доминировал не универсалистский (западный), а соборно-коллективистский (византийский) подход, согласно которому общее благо рассматривалось как некое высшее, господствующее над индивидом начало. Позднее, начиная с XVIII в., фактически монополия на осуществление этого общего блага находилась в руках государства и реализовывалась через конкретные действия чиновничьего аппарата. Под общим благом понималась безопасность и экономическое могущество государства, а также безопасность и благосостояние его граждан» [Сердобинцев, 2011, 36]. В этом случае, приоритетом выступает общественное, которое в условиях неразвитого гражданского общества фактически совпадает с государственным.

Понятно, что и в XX веке «советский проект» сопровождался дальнейшим усилением роли государства. В постсоветской России ослабление государства оказалось кратковременным и очень деструктивным, и сегодня мы наблюдаем по сути ту же самую иерархическую вертикальную властную структуру, что и в предыдущие эпохи нашей истории. Создается впечатление, что Россия не может уйти от своей базовой цивилизационной модели, характеризующейся приоритетом общего над личным. Гражданское общество развивается крайне вяло и остается очень уязвимым в любой ситуации «государственной необходимости».

Часто потенциальное будущее нашего общества рассматривается с позиций антиномии «Запад-Восток», постулируется принципиальная несовместимость этих цивилизационных моделей, поэтому, предлагается разрушить одно и построить другое: «Из Мы-цивилизации нужно сделать Я-цивилизацию» [Сердобинцев, 2011, 39]; всякие элементы русской традиционности маркируются как однозначно вредные, из них, как из причины, выводятся, как следствия, проблемы нашей цивилизации. Столь же категоричен и

противоположный подход, когда русская цивилизация резко отделяется от западной, а все наши беды рассматриваются как следствие внешних враждебных факторов.

Для серьезного дискурса на тему нашей цивилизационной идентичности русское общество (точнее, его творческая элита) созрело в XIX веке. Именно в то время были осмыслены проблемы личного и общественного, роли государства и другие. И на фоне бурных концептуальных столкновений выделяется фигура Вл. Соловьева, который, как позже и другие космисты, помыслил проблему в иной плоскости – не «Я-Мы-Они», а «Мы-часть-Целого». Он попытался взглянуть на Россию и Мир с точки зрения общечеловеческих ценностей (разумеется, так, как он себе их представлял в своей «софиологии») и обратил внимание на исторический (преходящий) характер национального государства, которое, помимо управления, должно выполнить некую историческую задачу, а затем уступить место более совершенной форме организации общества.

Заметим, что русской культуре не свойственна категоричность в отрицании иной точки зрения. Наша культура издавна строилась на принципах сотрудничества, терпимости, отрицания агрессии. Это было обусловлено, вероятно, не только земледельческим образом жизни, но и миграцией восточных славян на земли, занятые другими народами. В результате этой миграции коренные народы ассимилировались, а не вытеснялись. Ассимиляция сопровождалась принятием русской духовной культуры, которая оказалась достаточно универсальной, чтобы стать интегрирующей основой для многих культур, и достаточно гибкой, чтобы не вызывать реакции отторжения. И подход Вл. Соловьева, в отличие от слишком категоричных рассуждений западников и славянофилов, гармонирует с культурными традициями русского мира. Он не разделяет, а объединяет. Не отрицает, а синтезирует. Так может быть, в эпоху постмодерна и глобализации именно такой подход к национальному государству более адекватен?

Рассуждая о сущности человека, В. С. Соловьев приходит к выводу, что именно наличие высокой нравственности отличает человека от животных и детерминирует особый человеческий тип жизнедеятельности. Содержание нравственности – это добро, как комплекс позитивных качеств и чувств, среди которых философ выделяет стыд, жалость и благоговение. Каждое из них, взятое отдельно, не обеспечивает добра, является ущербным.

Начиная со стыда, Соловьев пишет: «...факт стыда не зависит от индивидуальных, племенных и прочих особенностей, и содержащееся в нем требование имеет характер *всеобщий*, что в соединении с логической *необходимостью* этого требования сообщает ему полное значение нравственного *принципа*» [Соловьев, 1988, с. 139]. Конечно, по поводу стыда как зачатка нравственности можно спорить. Но нас интересует предположение мыслителя о том, что человек имел некие «нравственные принципы», не зависящие от «индивидуальных, племенных и прочих особенностей», видимо, задолго до появления мировых религий и государств, т. е. еще на стадии дикости.

Вторым компонентом нравственности Соловьев считает жалость. «Истинная сущность жалости, или сострадания, вовсе не есть непосредственное отождествление себя с другим, а признание за другим собственного (ему принадлежащего) значения – права на существование и возможное благополучие. Когда я жалею другого человека или животное, я вовсе не смешиваю себя с ним, не принимаю его за себя и себя за него, а только вижу в нем сродное или однородное со мною, подобное мне существо, одушевленное, как и я, желающее, как и я, жить и наслаждаться благами жизни» [Соловьев, 1988, с. 165].

В интерпретации Соловьева: «Существо нравственности само по себе *одно* – это *целость* человека, заложенная в его природе, как пребывающая *норма*, и осуществляемая в жизни и истории чрез борьбу с центробежными и дробящими силами бытия, как нравственное *делание*» [Соловьев, 1988, с. 233-234]. Разумеется, философ ведет нас к осознанию религиозной интерпретации цельности и нравственности, понимаемой как приближение к божественному абсолюту, значимость которого для науки, современного человека и человечества не очевидна. Однако прослеживаются также антропологические и гуманистические аспекты.

Делая очень краткий обзор эволюции, Соловьев говорит о том, что биологическая эволюция обеспечила возникновение сложных форм жизни, на уровне которых стало возможным «сознание и желание совершенства», это, однако, лишь первый шаг к достижению указанной цели, а реальное движение к ней – это вся человеческая история как поиск наиболее оптимальных общественных форм в приближении к «совершеннейшей общественной организации,

которая и вырабатывается всемирною историей», и которая совместима с высокими божественными (нравственными) требованиями [Соловьев, 1988, с. 256]. Если рассмотреть эту емкую схему с акцентом на элементе «совершенство», то можно сделать вывод: человек, осознавая несовершенство себя и своей социальной организации, на определенном этапе истории после многовекового разнообразного «исторического делания» приходит к необходимости «... из звериного, бесформенного и разрозненного состояния дорабатываться до определенной организации и единства» [Соловьев, 1988, с. 257]. Что же касается сакрального характера истории, то Соловьев подчеркивает: человек нужен Богу не как «орудие», а как «соучастник», что определяет возможность и даже необходимость свободного всемирно-исторического творчества людей с целью постепенного достижения совершенства.

С такой свободой (которая, как понимает Соловьев, иногда понуждала человека ломать сложившиеся рамки, идти против правил) мыслитель связывает условие общественного прогресса, и в части третьей «Оправдания Добра» он вновь надолго отходит от теологической риторики, показывая, как развивается исторический процесс - сам по себе, как взаимодействие людей и их объединений. Выделяя три уровня общественной организации: род, отечество (национально-государственная формация) и человечество («универсальная» формация или «всемирное общение жизни»), философ показывает, что если родовая организация была основана на генетических природных началах (кровное родство), то образование союзов племен, а позже, государств, происходило с большой долей условности. Прослеживается мысль: не важно, в каком государстве существует человек, важна государственная организация сама по себе, поскольку она расширяет возможности совершенствования личности по сравнению с узкими рамками рода. Государство (отечество) обеспечивает эффективное организованное сотрудничество огромного числа разных людей, придает исторической деятельности цель и смысл, обеспечивает необходимый минимум нравственности и тем самым создает условия для приращения «добра»:

«С установлением национально-государственного строя нравственный кругозор личности, область применения ее добрых чувств и правильного упражнения ее деятельной воли в нравственных поступках, несомненно, расширяются

существенным образом. Представления о божестве обобщаются и возвышаются, происходит некоторое религиозное развитие. Альтруизм, или нравственная солидарность с другими человеческими существами, не только возрастает количественно, или в своем объеме, но возвышается и качественно, теряя преобладающий характер природного инстинкта, обращаясь на предметы невидимые, идеальные: отечество, государство» [Соловьев, 1988, с. 301].

И именно на этой стадии национального государства, как показывает мыслитель, возникают первые системы нравственного универсализма в виде мировых религий. Причем, государство, при желании или необходимости, может активно способствовать утверждению определенных универсальных нравственных стереотипов, не взирая ни на какие личные или групповые предпочтения. Такое представление национально-государственной общности как элемента универсализации человеческого бытия, на наш взгляд, исключительно ценно для эпохи глобализации. Действительно, в современной науке даже в рамках цивилизационного подхода культурно-государственные миры не всегда представляются как герметичные, полностью автономные субъекты исторического процесса, каждый из которых - апофеоз исключительности. На наш взгляд, более разумным выглядит представление о национальном государстве как уже состоявшемся эффективном синтезе разнородных этнических, культурных, исторических и многих иных элементов на общей нравственно-правовой основе.

Рассуждая о государстве, Соловьев обращает внимание на национализм, понимаемый как нравственный принцип государственной и общественной организации. Мыслитель предлагает следующую антиномию двух интерпретаций национализма, водораздел между которыми представляет собой нравственную дилемму:

«Первая может быть сведена к формуле: *мы должны любить свой народ и служить его благу всеми средствами, а к прочим народам имеем право быть равнодушными; в случае же столкновения их национальных интересов с нашими мы обязаны относиться к этим чужим народам враждебно.* Сущность другой, космополитической точки зрения выражается так: *народность есть только натуральный факт, не имеющий никакого нравственного значения; у нас нет обязанностей к народу как такому (ни к своему, ни к чужим), и только к отдельным*

людям без всякого различия народностей» [Соловьев, 1988, с. 358]. Рассматривая эту дилемму, Соловьев констатирует, что национализм легко превращается в национальный эгоизм, когда требует от людей по отношению к другим народам того, что никак не является нравственным. Вывод философа очевиден: нравственные принципы приоритетны по сравнению с национальными государственными интересами, и народы только тогда становились великими, когда служили «всеобщим идеальным благам» [Там же]. Таким образом, симпатии Соловьева, как видим, на стороне тех политических субъектов, которые воплощают в своем историческом творчестве некие универсальные, всеобщие нравственные задачи. Государство как «организованная жалость» для него сливается с обществом, нацией, всеми людьми, на которых простирается эта «жалость». Чем шире границы государства, чем более многочисленно его население, тем выше потенциал нравственной организации.

Нравственная доминанта в государственной политике – это тот фактор, который способен внести гармонию в отношения личности и общества, без чего, следуя логике Соловьева, государство теряет смысл, заключающийся в совершенствовании человека. По мнению Е.А. Прибытковой, исследующей корреляции права и нравственности в рассуждениях Соловьева, государство обладает возможностью гарантировать «минимум добра» и способствовать его приращению в обществе.

«Нравственный элемент, с одной стороны, уже заложен в природе права, а с другой стороны, представляет собой вечное задание для своего воплощения и неизменный критерий для оценки права. Этический потенциал права возрастает или уменьшается параллельно с одухотворением или нравственным разложением общества. В этом смысле право и нравственность неразлучны...» [Прибыткова, 2011, 105-106].

Соловьев высказывает мысль, что противопоставление личности обществу носит искусственный характер и является «химерой». В действительности личность и общество теснейшим образом взаимосвязаны.

«С одной стороны, гипнотики индивидуализма, утверждая самодостаточность отдельной личности, из себя определяющей все свои отношения, в общественных связях и собирательном порядке видят только внешнюю границу и произвольное стеснение, которое должно быть во что бы то ни стало упразднено; а с другой стороны, выступают

гипнотики коллективизма, которые, видя в жизни человечества только общественные массы, признают личность за ничтожный и преходящий элемент общества, не имеющий никаких собственных прав и с которым можно не считаться во имя так называемого общего интереса. Но что же это за общество, состоящее из бесправных и безличных тварей, из нравственных нулей? Будет ли это во всяком случае общество человеческое?» [Соловьев, 2012, 323-324].

«...Действительное развитие человеческой нравственности возможно для лица только в общественной среде чрез взаимодействие с нею» [Соловьев, 2012, 325].

Гармония в этой сфере зависит от осознания личностью общественных отношений, то есть «вольное» включение субъекта в общественную и государственную жизнь. В современной интерпретации это означает не что иное, как предвидение Соловьевым гражданского общества и демократии.

«...Подчинение обществу есть возвышение лица. С другой стороны, чем свободнее это подчинение, т.е. чем самостоятельнее единичное лицо следует внутренним побуждениям своей нравственной природы, согласным с требованиями общественной нравственности, тем более верно и прочною опорой может такое лицо служить для общества» [Соловьев, 2012, 331].

И Соловьев заключает свои рассуждения следующим выводом:

«Если в родовом союзе, в его нравственных условиях и учреждениях человеческая личность может лучше осуществлять свое внутреннее достоинство, нежели в состоянии звериного обособления, то уже исторический опыт показывает, что дальнейшее ее развитие и совершенствование требует тех более сложных жизненных условий, которые создаются лишь в образованных государствах» [Соловьев, 2012, 336].

Таким образом, по мнению В.С. Соловьева, государство не может быть безнравственным, так как вырастает из общественных духовных потребностей на той стадии исторического процесса, когда человек нуждается в организованной нравственной среде. Развиваясь, государство старается объединять нравственный потенциал своих граждан во исполнение своей главной задачи – совершенствование человека и общества для перехода на следующий уровень добра, представляющий собой вселенское божественное всеединство. Если абстрагироваться от религиозно-мистической формы концепции

Соловьева и акцентироваться на ее аксиологическом содержании, то можно представить нравственное государство в качестве привлекательной альтернативы западному сценарию глобализации.

Литература

1. Прибыткова Е. А. Владимир Сергеевич Соловьев о нравственном признании права // Вопросы философии. – 2011. – № 8. – С. 98-110.

2. Сердобинцев К. С. Взаимодействие общества и власти в контексте проблем модернизации и развития институтов гражданского общества в России // Вопросы философии. – 2011. – № 4. – С. 31-40.

3. Соловьев В. С. Оправдание добра / Отв. Ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. – 656 с.

4. Соловьев В. С. Сочинения в 2 т. Т. 1 / Сост., общ. ред. и вступ. ст. А. Ф. Лосева и А. В. Гулыги. – М.: Мысль, 1988. – 892 с.

Ю. Ю. ЕФРЕМОВА, аспирант кафедры общей и прикладной политологии, ФГБОУ ВПО «ОГУ» (г. Орёл)

Легитимация институтов политической власти: российский опыт.

Легитимность институтов политической власти выступает в качестве определяющего критерия успешного прохождения любых трансформационных процессов в общественно-политических системах. Именно поэтому обеспечение гражданской поддержкой субъектов политики, а также реализуемых ими программ стратегического развития государства и социума является основополагающим условием результативности проводимых преобразований.

Процессы легитимации (т.е. субъект-объектные взаимодействия по поводу власти, в ходе которых происходит добровольное признание объектом власти прав субъекта на принятие политических решений и действий) характерны для любой политической системы, они протекают на протяжении многих тысячелетий и в мировой истории можно найти немало примеров технологий, механизмов и способов их проявления, вспомнить хотя бы передачу дара лечения золотухи французскими королями или появление золотого орла над семейным именем главы Северной Кореи в день его рождения.

Однако для нас сегодня особую актуальность представляет рассмотрение практик легитимации политической власти в современной России, поскольку именно в переходные периоды общественно-политического развития, реформирования и перестройки характера взаимоотношений социума и государства представители власти как никогда нуждаются в

легитимности, в связи с чем, на политическом рынке становятся широко востребованными легитимационные процедуры и техники, с помощью которых политические акторы рассчитывают получить народное одобрение принимаемым решениям и действующим институтам.

На современном этапе развития нашего государства реализация инициированного политической элитой курса на демократизацию и модернизацию всех сфер жизнедеятельности социума сталкивается с проблемой недостаточно высокого уровня общественного доверия к институтам политической системы. Так социологические опросы граждан, проведенные «Левада-центром» в начале 2014 года, показывают, что, по мнению большинства россиян, интересы власти и общества не совпадают [1]. Поэтому мы сочли необходимым проанализировать механизмы и технологии легитимации институтов власти, к которым прибегают политические акторы.

Изучив научную литературу, в которой освещаются проблемы легитимации политической власти, мы нашли интересной авторскую классификацию механизмов легитимации, предложенную А. Скиперских [2]. Учёный выделил психологические, партиципаторные, технологические и технократические механизмы. Придерживаясь его теоретических разработок, мы попытаемся отследить использование указанных механизмов легитимации субъектами российской политики.

В современной отечественной общественно-политической системе использование психологических механизмов легитимации власти нашло своё отражение, к примеру, в решении проблем рабочих Пикалево [3]. Одной из главных целей транслируемого тогда видеосюжета, в котором В. Путин буквально заставил О. Дерипаску

подписать не очень выгодные последнему документы, являлось повышение рейтингов общественного доверия к премьеру, который, наконец-то, показал олигархам «кто в доме хозяин», потребовав до конца дня выплатить зарплату рабочим «Базэлцемент–Пикалево». Влияние данных механизмов проявляется и при инкорпорации в российскую политическую элиту, когда не последнее значение имеет факт места рождения, профессия, статус и пр. Так, победа на президентских выборах офицера госбезопасности была, во многом, обусловлена настроениями в обществе, которое видело в военных людей честных, ответственных, следующих принципу «сказано – сделано» [4, с. 26], способных искоренить коррупцию, беззаконие, навести порядок. Массовое привлечение военных на государственную службу наблюдается уже в первые годы нахождения В. В. Путина на посту Президента России. К примеру, губернаторские кресла поочередно занимают адмирал В. Егоров в Калининградской области, начальник местного управления ФСБ Воронежской области В. Кулаков, генерал армии В. Шаманов в Ульяновской, генерал ФСБ М. Зязиков в Ингушетии и др. [4, с. 28]. Более того, с введением должности полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах пятеро из них имели звание генерала, а их заместители на 70% состояли из высших офицеров [4, с. 29]. Вследствие подобного формирования политической элиты в общественно-политическом дискурсе появились такие выражения, как «силовики», «питерские», «путинские назначенцы», «ставленники Кремля». До сих пор, 46 % респондентов, участвующих в социологических опросах, считают, что политика, проводимая В. В. Путиным, в большей степени отвечает интересам силовиков, спецслужб и армии [5]. Результатом этого стала легитимация по факту принадлежности к той или иной группе, т. е. при рассмотрении кандидатур на какую-либо должность представителю «людей в погонах», независимо от профессиональных навыков и личностных качеств, как правило, отдавалось предпочтение.

К психологическим механизмам легитимации можно отнести и создание имиджей субъектов политики. В ходе президентской избирательной кампании 2000-го года, например, существенное внимание было уделено освещению выигрышных личных качеств В. В. Путина: не курит, почти не употребляет алкогольные напитки, активно занимается спортом, управляет сверхзвуковыми истребителями, совершает погружения на

подводной лодке и т. д. В его программных выступлениях делался упор на патриотизм, использовались такие выражения, как «национальное достоинство», «национальный суверенитет», «единый командный дух», «государственная воля», «жесткий государственный контроль», «потенциал великой державы», «ориентация на многополярный мир», «восстановление геополитического авторитета» и т.д. Таким образом, его имидж был сконструирован идеально, поскольку отвечал ожиданиям большинства граждан, 51% которых сегодня считают, что за время президентства ему удалось вернуть России статус великой державы и преодолеть сепаратистские настроения – 27% [5].

Наличие в сознании больших социальных общностей мощных религиозных ориентаций позволило политическим акторам использовать легитимационный потенциал церкви с целью укрепления своего положения в политической системе. Представители политической элиты и их ближайшие родственники стараются посещать церковные службы, демонстрировать дружеские отношения с церковными иерархами, участвуют в переговорных процессах по поводу возвращения православных святынь на Родину, передают из музейных фондов в церкви редкие иконы. Например, в 2007 году из Музеев Московского Кремля в храм Христа Спасителя была передана частица ризы Господней вместе с ковчежцем, возвращена похищенная в 1990-х гг. уникальная икона «Богородица Одигитрия Смоленская» [6], в 2009 году была отдана из Русского музея древняя икона Торопецкой Божьей Матери, в марте 2010 года состоялась передача РПЦ Новодевичьего монастыря [7].

В качестве партиципаторных механизмов следует рассматривать организацию шествий, демонстраций, фестивалей, создание молодежных проправительственных организаций таких, как «Идущие вместе», «Наши», «Молодая гвардия Единой России», «Местные», «Россия Молодая», «Георгиевцы» и др. Широкий спектр их деятельности позволяет привлечь к реализации осуществляемых проектов представителей различных социальных групп и конфессий [8]. Заинтересованность политических акторов в такой форме партиципации подтверждается высокой медийностью проводимых мероприятий, участием в них представителей власти, готовностью их финансировать. Так, на проведение форума «Селигер–2010» Общественной палатой России в

рамках программы поддержки некоммерческих организаций было выделено 5,5 млн. рублей [8].

Элементами партиципаторных механизмов являются и современные приёмы социализации граждан. В России, к примеру, существует детская версия сайта президента России (www.uznay-prezidenta.ru). Вместе с тем, активировать данные механизмы можно также при помощи метода имитационной игры, позволяющей реконструировать реальный политический процесс и отслеживать основные этапы его развития посредством репрезентаций параллельной политики. В качестве приёмов здесь могут выступать игровые стратегии, примером которых служат предоставление возможности рядовому гражданину оценить работу Президента России «за сегодня» или проголосовать за кандидата в мэры г. Москвы (данные опции были представлены на блоге Д. Медведева).

На формирование образов власти оказывает влияние и анимация, например, с помощью мультипликационных фильмов патриотической направленности таких, как «Добрыня Никитич», «Алёша Попович и Тугарин – змей». Политическая партиципация в современной РФ возможна и с помощью Интернет-ресурсов, которые приобретают особое значение перед выборами. Так, в агитационный период избирательной кампании – 2004 начали работу сайты кандидатов в президенты, имеющие такие опции, как просмотр текстов выступлений кандидата, его биографии, фотоальбома, ленты новостей и пр.

Приобщение к политике происходит также с помощью различных аналитических программ, ток-шоу, посредством кино, театра, литературы, эстрадной музыки, живописи, шоу-проектов, спорта, организации политическими партиями различных партийных проектов [9].

Что касается использования технократических механизмов, то в современной политике проведение любых мероприятий связано с необходимостью решения проблем, требующих специфических знаний, поэтому, концентрация управленческих способностей в рядах правящей элиты становится гарантией политической легитимации. Используемые в политическом процессе технократические механизмы свидетельствуют об определенной эффективности власти, достигнутой в различных сферах жизнедеятельности. Исследователи замечают прямую связь между ростом благосостояния населения и легитимацией правящего элиты.

В настоящее время одним из эффективных средств легитимации остаются технократические умения, воспроизводимые в процессе организации субъектно-объектной коммуникации по поводу реализации власти, к примеру, приёмы ухода от нежелательных вопросов, которыми мастерски владеет В. В. Путин. Широко применяются различные манипулятивные методики – манипуляция вниманием, памятью, чувствами [10]. В постсоветской России, к примеру, манипуляция сознанием, проходила с использованием эвфемизмов, внедрением слов-призраков («демократия», «гражданское общество», «рыночная экономика»), «ложной мудрости» (надо жить по средствам) и др.

Вместе с этим, грамотное использование служебных полномочий также способствует легитимации. Например, в период избирательной кампании 1996 года, будучи действующим Президентом России, Б. Н. Ельцин имел возможность издавать указы, влияющие на его популярность в тех или иных кругах. Так, ФЗ «О внесении изменений и дополнений в закон РФ о налогах» улучшил финансовое положение СМИ, соглашение о сотрудничестве с Киргизией, Белоруссией и Казахстаном отчасти выбило из-под ног почву у коммунистов, ратующих за возрождение СССР.

Легитимация политической власти может происходить и с помощью технологических механизмов, высокая ликвидность которых позволяет рассматривать их в качестве наиболее ценного системного элемента в динамично развивающемся социуме. Существует большое количество примеров, когда, казалось бы, неравные шансы кандидатов на политическую легитимацию уравнивались посредством применения политических технологий или, когда кандидат, утративший общественную поддержку, становится победителем на очередных выборах.

Например, в ходе всё той же избирательной кампании 1996 года предвыборным штабом Б. Ельцина была сделана ставка на молодёжь, подготовлены кампании «Голосуй или проиграешь» и «Выбирай сердцем», где основным средством воздействия было выбрано телевидение, а в качестве действующих лиц были приглашены звёзды эстрады и кино (А. Малинин, Т. Овсиенко, Н. Расторгуев, А. Серов, С. Минаев). Широко использовался популярный молодёжный канал «Муз ТВ», были записаны два музыкальных альбома в молодёжном стиле – «Ельцин – наш

Президент» и «Голосуй или проиграешь» [11, с. 17-21].

На современном этапе общественно-политического развития государства одним из способов обеспечения легитимности политических институтов является развитие эффективных, постоянных, прозрачных двусторонних отношений между социумом и государством. Анализ результатов социологических опросов показывает, что граждане ожидают от власти решения социальных вопросов, заботы и чуткого реагирования на их запросы со стороны политических институтов [5]. Таким образом, одной из главных функций субъектов власти является организация политической коммуникации, содержание которой заключается в создании доступных и альтернативных информационных каналов для полноценного информационного контакта с населением. В противном случае, любые преобразования обречены на неудачу. В качестве примера здесь можно привести либеральные реформы, инициированные политической властью в 1990-х гг. Тогда люди старшего поколения однозначно отрицали проводимый экономический курс, в то время как молодое поколение, возможно поддержало бы начинания «демократов», если бы было проведено качественное информационное сопровождение.

В качестве примеров положительного коммуникативного взаимодействия субъектов и объектов власти последних лет можно рассматривать создание общественных приёмных Президента России, председателя Правительства, а также региональных отделений политических партий, общественных приёмных полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах.

Укреплению легитимности субъектов власти может способствовать использование политической элитой электронных средств массовой коммуникации, с помощью которых политические акторы реализуют символический капитал власти. Прежде всего, к таким средствам следует относить создаваемые в рамках долгосрочной целевой программы «Информационное общество 2011-2018» [12] официальные сайты органов власти, министерств и ведомств, блоги первых лиц государства, социальной сети депутатов Госдумы. С помощью данных технологий формируются, и закрепляются в общественном сознании выгодные стереотипы мнений, оценок и образов власти, которые оказывают существенное влияние на процессы легитимации, предлагая населению

востребованную «картину мира» со встроенным в неё образом власти.

Вместе с тем, положение политических элит по-прежнему остаётся наиболее уязвимым в период избирательных кампаний. Именно поэтому субъекты политики используют их в качестве ещё одного средства подтверждения легитимности своего положения, применяя для этого различные технологии, такие как манипулирование, политдраматургия, информационная блокада оппозиции [13]. Так, последняя в российских избирательных кампаниях начала 2000-х годов проявлялась в существенном преобладании в медийном пространстве одних субъектов над другими: в рейтинге упоминаемости партий в СМИ за избирательный период парламентской кампании 2003 года «Единая Россия» получила 25,47%, КПРФ – 16,31%, «Яблоко» – 16,19%, СПС – 15,37%, ЛДПР – 8,66%, «Родина» – 3,81% [11, с.28].

Наряду с этим, характерными чертами предвыборных парламентских и президентских кампаний, начиная с 2000-х гг., является смещение политической коммуникации от прямой рекламы в сферу производства информационных поводов и диспропорциональное распределение ресурсов, фактическое исчезновение политической конкуренции. Однако данное обстоятельство не сокращает масштабов применения огромного арсенала политических технологий (встречи по месту работы, по месту жительства, «случайные» встречи). В качестве примеров здесь можно привести посещение премьером и Президентом футбольных матчей [14, с. 2], визит Д. Медведева в пансионат «Сосновый бор» [15, с. 11], приезд В. Путина на рождественское богослужение в храм Покрова Богородицы села Тургиново Тверской области [16, с. 3], осмотр Президентом станции московского метро «Охотный ряд» после теракта в «Домодедово» [17, с. 2].

В рамках предвыборных кампаний кандидатами используется и прямая политическая реклама в форме плакатов, афиш, листовок, буклетов, а также различные жанры телевизионной политической рекламы. В качестве приёмов по легитимации власти внимания заслуживают и технологии по созданию информационных событий или поводов такие, как «связь с новостью дня», проведение опроса или исследования, «опубликование отчёта», формирование комитетов, учреждение фондов, премий, проведение конкурсов и т. д. Например, в 2003 году «Единая Россия» провела конкурс малых благотворительных проектов «Моя социальная программа».

Таким образом, рассмотрев особенности использования механизмов и технологий легитимации, мы смогли выявить некоторые черты, характерные для субъектно-объектных отношений в общественно-политической сфере современной России. Так, политическими акторами активно применяются имиджевые технологии, укрепляются связи с религиозными организациями, создаются проправительственные молодёжные движения, проводятся форумы и фестивали, используются новейшие приёмы социализации, манипулятивные техники, формируется механизм «обратной связи» и др.

Литература

1. Россияне хотят от власти заботы // <http://www.kommersant.ru/doc/2394752>
2. Скиперских А. В. Механизмы легитимации политической власти на постсоветском пространстве: Дис... д-ра политических наук: 23.00.02. – Воронеж, 2007.
3. Седых И. Конфликт в Пикалево // <http://www.rb.ru/topstory/economics/2009/06/05/100507.html>.
4. Крыштановская О. В. Милитократия и демократия в России XXI века // Управленческое консультирование. – 2006. - № 2.
5. Болевые точки // <http://www.levada.ru/21-04-2014/bolevye-tochki>
6. В. Путин передал Алексею II уникальную икону Смоленской Божьей Матери // <http://1-06.olo.ru/news/culture/40210.html>.
7. Реституция церковного имущества в России // http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%83%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D1%86%D0%B5%D1%80%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D0%B8%D0%BC%D1%83%D1%89%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8.
8. Молодёжное движение «Наши» // <http://ru.wikipedia.org/wiki/%CD%E0%F8%E8>.
9. Партийные проекты // <http://er.ru/party/projects/>
10. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. – М., 2005.
11. Политические технологии: ПР и реклама: Учебное пособие для студентов вузов / Т. Э. Гринберг. – М., 2006.
12. Информационное общество 2011-2018 // <http://www.slideshare.net/gridnev/20112018>.
13. Кузнецова О. А. Технологии сохранения власти постсоветских политических элит // <http://teoria-practica.ru/index.php/3-2010/228-politologia/539-2>
14. Хиллари Клинтон посетила Москву и Казань // Российская газета. – 2009. – № 40. – четверг, 15 октября.
15. Осень в «Сосновом бору» // Российская газета. – 2010. – № 221. – четверг, 30 сентября.
16. Дресс-код – 2011 // Российская газета. – 2011. – № 1. – четверг, 13 января.
17. Генеральское это дело // Российская газета. – 2011. – № 4.

Секция № 2. «Русская литература XIX века и геополитические перспективы Русского мира» – Руководитель секции – д.ф.н., профессор В.Л. ОБУХОВ

В.Б. САПУНОВ, профессор СПбГАУ

Основы мировой славы Ф. М. Достоевского

В чешском городе Карловы Вары (Карлсбад) есть старый скромный отель, цены в котором намного превышают тарифы самых новых и самых шикарных местных гостиниц. В 19 веке здесь останавливался сам Федор Михайлович Достоевский. Проигравшись в казино, он вынужден

был смыться, не уплатив по счету. Этот маленький ущерб администрация гостиницы вернула себе в последующие годы с фантастическими процентами. Сам факт, что это место было освящено величием Достоевского (пусть и нелепым образом) на протяжении многих десятилетий делает скромный отель центром паломничества ценителей классической литературы. А уж переночевать в номере, где останавливался русский писатель, могут только миллионеры.

Посещая зарубежные страны, я в обязательном порядке заходил в большие книжные магазины и на книжные ярмарки. В первую очередь меня интересовала ситуация с русской литературой – что в данном регионе земного шара продается, покупается и читается. Русская литература, которая, безусловно, является одной из основ мировой культуры, присутствует всегда и везде. Безусловно и то, что чем дальше от России, тем ее доля на книжных прилавках меньше. Но есть один автор, который присутствует всегда и везде, независимо от географических координат книжного магазина. Я везде обнаруживал многочисленные издания Достоевского на местных языках. По числу изданий и объемам продажи он, безусловно, лидирует среди всех русских авторов. В чем причина исключительной и многолетней популярности этого русского писателя?

Достоевский никогда не поднимался до глубокого анализа социальных проблем, до масштабных полотен, охватывающих историческую эпоху (таких как «Война и мир» Л. Н. Толстого, «Пошехонская старина» М. Салтыкова-Щедрина, «Архипелаг Гулаг» А. Солженицына). Отсидев срок в царской тюрьме (возможно, не совсем невинно), он стал осторожным и сознательно чурался политики. Сюжеты большинства произведений наивны и примитивны. «Господин Прохарчин» живописует судьбы бедного чиновника, который постоянно во всем себя ограничивал. После его смерти оказалось, что у него была припрятана большая сумма денег. Следовательно, этот господин мог при жизни более смело удовлетворять свои потребности. Сюжет вполне реалистичен. Но стоит ли он большого произведения? Повесть «Белые ночи» описывает любовный треугольник. Одну девушку любят два юноши. Она не испытывает особых чувств ни к тому, ни к другому, что вполне реально. В конце концов, девушка останавливает выбор на том, которого дольше знает. Сюжет реалистичен, но стоит ли он большой повести? «Записки из мертвого дома» описывают (хотя, возможно, в искаженном виде) пребывание автора в тюрьме. Когда Солженицын, презентуя «Архипелаг ГУЛАГ» представил себя преемником Достоевского, он сильно поскромничал. «Записки...» Достоевского – слабое произведение, абсолютно не претендующее на серьезный анализ описываемого. Нет в нем ни обличения самодержавия, ни рассуждений о правах человека. Зато есть констатация того факта, что подавляющее большинство тогдашних заключенных сидели за дело.

Возможно, в основе мировой популярности Достоевского лежат принципиальные отличия литературы Запада и России. Литературная традиция Запада восходит к рыцарским романам, высмеянным Сервантесом в бессмертном «Дон Кихоте». В основе этой литературной традиции лежит шаблонная занимательность сюжета. Как правило, она идет в ущерб правдивости. Сюжет большинства таких произведений крутится вокруг стандартного треугольника – благородный рыцарь, прекрасная дама и коварный негодяй. Развитие сюжета и финал произведения вполне предсказуемы. Русская литература с ее неисчислимым богатством включала множество разных жанров, включая чисто развлекательный. Но сила ее, воплощенная, в частности, в Достоевском, не в увеселении читателей, а в богатой пище для ума. В основе сюжетов – проникновение во внутренний мир героев и описание не условных персонажей (хороший – плохой), а реальных людей с их мыслями, переживаниями, достоинствами и недостатками.

Странная специфика русских классиков (Ф. Достоевский, Н. Гоголь, Г. Успенский, И. Бунин) состоит в увлечении образами психически больных людей. Аномальная психика сразу обращает на себя внимание и дает обильную пищу для рассуждений и писательского вдохновения. Это сюжет не чужд и Западу, но в гораздо меньшей мере. Одним из первых его развил Сервантес. Дон-Кихот – типичный случай параноидальной шизофрении.

Столетиями читатели спорят – в чем смысл образа Дон Кихота? Положителен он или отрицателен? При этом читатели даже не удосуживаются вчитаться в книгу, где, например, в XVI главе написано: *“Конечно, сеньор Самсон Карраско, мы получили то, что заслуживали. Легко придумать и затеять предприятие, но часто бывает трудно довести его до конца. Дон-Кихот сумасшедший, мы - в здоровом уме. Он уехал невредимым, а ваша милость оказалась избитой”*. Сумасшедший в мире, общим для больных и здоровых иногда даже получает преимущества.

Психический (и психиатрический) феномен Дон Кихота сформулирован (глава 1) следующим образом:

“Воображение его наполнилось всем тем, что он читал в своих книгах: чародейством, ссорами, сражениями, вызовами на поединок, ранами, любовными приключениями и невозможными нелепостями. В его голове так

крепко засела уверенность в том, что вся эта масса фантастических выдумок, о которых он читал, не что иное, как истина, что для него не существовало другой более достоверной истории».

Герой Сервантеса создал свой мир, смещенный по отношению к нормальному. Внутри своего мира он говорил и действовал разумно. Но при столкновении с реальным миром возникали конфликты, плохо кончавшиеся и для Дон Кихота, и для окружавших его людей.

Сопровождавший его Санчо Панса, человек не слишком умный, однако нормальный и не лишенный мужицкой смекалки, быстро понял логику своего господина. Уяснив, на каких аксиомах основывалось поведение Дон Кихота, хитрый оруженосец научился предсказывать его выходки и даже управлять поведением господина. В какой-то степени легендарного оруженосца можно назвать стихийным психиатром из народа.

Нужно заметить, что роман Сервантеса уникален и не типичен для западной литературы. Может, потому он так популярен. Впрочем, существовал еще один роман о тех же героях, подписанный неким Авельянеда. За псевдонимом скрывался влиятельный священник Алиага, известный так же под кличкой Санчо-Панса. Почти доказано, что этот литератор-графоман украл черновики у Сервантеса, как умел, довел их до завершения и опубликовал свой полуплагат раньше Сервантеса. Истинному автору До-Кихота удалось отстоять свою интеллектуальную собственность. Но так или иначе идеи и образы Дон-Кихота не получили развития на Западе. Достоевский восхищался романом Сервантеса и учился на нем. При этом в изображении психопатологии он пошел намного дальше. Его произведения можно использовать как пособие по психиатрии. Особо знаменит в этом отношении самый известный роман классика – «Преступление и наказание». Он не поднимает никаких серьезных социальных проблем, зато дает развернутую картину жизни петербургских сумасшедших. Главный герой – Раскольников – типичный случай маниакально-депрессивного психоза. Случай семейный. Его мать явно имеет синдром Альцгеймера. Сестра – шизофреничка. Строитель-лимитчик Николка, с которым судьба сводит Раскольников – типичный олигофрен. И над всем этим паноптикумом возвышается совершенно нереальная фигура русского Шерлока Холмса – жандарма Порфирия Петровича. Он настолько мудр, гуманен и положителен во всех отношениях,

что мало убедителен. Возможно, образ следует рассматривать как поклон в сторону правоохранительных органов, с которыми Достоевский после горького жизненного опыта не хотел ссориться.

Несколько особняком от основного творчества оказывается повесть «Двойник», которую можно смело причислить к мало разработанному в классической русской литературе жанру фантастики. И уже поэтому повесть интересна.

Как пример социального пророчества часто рассматривают повесть «Бесы», дающую негативный образ громил-революционеров. Однако повесть настолько растянута и скучна, что рациональное зерно в ней усмотреть затруднительно.

Причины популярности этого автора в Западной Европе пытался понять Б. В. Сапунов. Вот что он писал в своих воспоминаниях: (Избранное, С-Пб, Химиздат, 2014) «Когда наши войска прорвали немецкую оборону на фронте Зееловских высот и двинулись к окраинам Берлина, стали попадаться пустые дома, хозяева которых их бросили, опасаясь навеянной пропагандой угрозы террора со стороны Советской Армии. Автор этих строк, бывший до войны студентом истфака ЛГУ, так же заходил познакомиться с интерьерами немецких домов, узнать уровень жизни немцев.

Особенно меня интересовали библиотеки, есть ли в них русская литература в оригинале и в переводах. Русских авторов было мало. Изданных в России не было вообще. Среди встреченных на первом месте по популярности оказались сочинения Достоевского. Они были почти в каждом доме. За ними шли сочинения Толстого и Чехова. Пушкина, Некрасова, Гоголя, Есенина и многих других наших авторов немцы практически не читали.

Уже после войны, находясь в Германии в составе советских войск, я спрашивал у немцев, чем объясняется столь активный интерес к сочинениям Достоевского. Все ответы были почти идентичны и звучали примерно так. Достоевский – единственный русский писатель созвучный и понятный европейскому менталитету. Он описывает психологию жителей больших промышленных городов эпохи утверждения капиталистического общества, которая во многом была близка во всей Европе. И как никто из европейских авторов сумел проникнуть во внутренний мир человека, вывернуть его наизнанку. Для европейского читателя это было открытием».

Но эти соображения не могут объяснить причины популярности автора в странах далекой от Европы культуры, в Америке, Азии, Австралии.

У Достоевского, как и у всякого великого писателя, были подражатели, хотя по настоящему большой популярности не добился ни один из них. Ранг подражателя всегда ниже, чем первопроходца. Можно вспомнить интересного американского автора Торнтон Уалдера (1897 – 1975), никогда не бывавшего в России, самый характерный роман которого – «День восьмой» (М., Прогресс, 1976). С одной стороны автор не может отойти от шаблонов литературы своей страны. Роман не обходится без перестрелок, налетов на поезда, скачек на лошадях. На фоне этого автор разворачивает долгие рассуждения и проникновения во внутренние переживания героев. При этом самыми мудрыми и положительными героями оказываются эмигранты из России.

В известной мере попала под обаяние Достоевского французская писательница Жорж

Санд (1804 – 1976). Во многих произведениях она описывала поведение людей пограничного состояния (по определению итальянского ученого и писателя Ц.Ломброзо, маттоидов – психоподобных). Один из примеров – повесть «Великан Иеус» (почему-то в России переводилась и печаталась как сказка для детей), где описан случай мономании – навязчивой идеи фикс.

Но никто из зарубежных писателей не смог так широко и глубоко понять переживание здоровых и больных людей, как гений русской литературы.

Основная причина всемирной славы Достоевского в его проникновении во внутренний мир человека. Запад шел к пониманию человека снаружи через его приключения – занимательные и незначительные, реальные и нереальные. А так же через шаблоны рыцарских романов. Русская литература шла к человеку изнутри, через глубины его психики, иногда здоровой, иногда болезненной. И в этом отношении Достоевский оказался лидером русской литературной традиции.

М. Б. КВИЦИНИЯ, к. ф. н., доцент кафедры истории России и зарубежных стран Абхазского государственного университета. (Республика Абхазия)

Кавказ в творчестве М.Ю. Лермонтова: философский аспект

*Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:
Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ.
(«Кавказ» 1830. М.Ю. Лермонтов)*

Сегодня в свете реализации задач формирования гражданского общества в России, с учетом наличия мозаики разных народов и культур весьма актуальным остается вопрос изучения философско-реалистического содержания черкесской культуры через призму представителей русской литературы. Изучение данной темы также способствует лучшему взаимопониманию народов России и ближнего зарубежья (Абхазия и Южная Осетия). Начало такому подходу заложил великий русский писатель М. Ю. Лермонтов. Большой знаток Кавказа, быта и традиций народов, его населяющих, писатель и поэт представлял

Черкессию (обобщенное название края) не с точки зрения дикой экзотики, а прежде всего местности, в которой живут люди, представляющие собой определенную **этноцивилизационную общность**. Вопреки мифологизации и деструктивно-шаблонных представлений о кавказцах, к такой историко-культурологической парадигме склоняются ученые разных гуманитарных направлений – филологи, философы, историки, этнологи, этнографы (Асмус В.Ф., Юсупов Р.Ф., Инал-Ипа Ш.Д., Бройдо А.И., Дубнова Н. В., Гасанова З. И., Лугуев С.А. и др.).

Как справедливо подчеркнула этнопсихолог А.И. Бройдо, «прогрессивное русское офицерство XIX века воспринимало Кавказ как романтизированный и идеализированный мир социального устройства. Однако необходимость участия в Кавказской войне порождало у них состояние глубокой внутренней трагедии...».¹ Важными источниками о событиях этой войны являются произведения художественной литературы: А.А. Бестужев-Марлинский – «Мулла-Нур», «Аммалат-бек», «Письма из Дагестана»; М.Ю. Лермонтов – «Герой нашего времени», «Валерик», «Измаил-бей» и др.; Л.Н. Толстой – «Казачи», «Хаджи-Мурат» и др. «Эти литераторы – участники боев и походов, оставили потомкам множество ценных сведений как о событиях, свидетелями которых они являлись, так и об отношении русского

общества к этой войне. Позиций тогдашних «властителей дум» в кавказском вопросе раскрывают работы А.И. Герцена, Т.Г. Шевченко, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова».²

Кавказская война – одна из ключевых тем в творчестве М.Ю. Лермонтова. Поэт, писатель и офицер, он с глубокой печалью пытается понять корни и причины противостояния горцев и русских, переходя с одного суждения к самому противоположному мнению о них. Конфликт разгорается, и нет никаких «правил игры» то с одной, то с другой стороны. Многие исследователи оценивают эту войну как войну недопонимания сторон, или же войну несовместимых цивилизаций – европейской и военно-демократической, горской. «Кавказские природные условия вступали в противоречие с основным принципом европейской военной организации того времени...Труднопроходимые леса и горные ущелья давали большие преимущества горцам, использовавшим партизанскую тактику засад и внезапных нападений».³ Оказавшись в центре этого противостояния в различные этапы войны – от затишья до боев – поэт, писатель и мыслитель не мог не думать и не писать о политике царизма на Кавказе, о всех противоречивых действиях своего начальства и о поведении и нравах горцев.

Рефлексиование – это, что присуще Лермонтову, и оно присутствует во всем его творчестве. В его уме «всегда кипит и зреет что-нибудь». Недаром В.Г. Белинский отметил «резкое ощутительное присутствие мысли»⁴ у поэта. В кругу представлений и понятий, определяющих мировоззрение человека, Лермонтов высоко ценит такие качества человека как воля, свободолюбие, готовность к самопожертвованию ради идеи. Человек готов к действию, если он наделен сильной волей. Еще в ранних юношеских поэмах наблюдается протест против двуликой российской реальности – богатой и нищей:

*Дворец, жемчужные фонтаны,
Жандармы, белые султаны,
Корсеты дам, гербы ливрей,
Колеты кирасир мучные,
Лядунки, ментики златые,
Купчих парчовые платки,
Кинжалы, сабли, алебарды,
С гнилыми фруктами лотки,
Старухи, франты, казаки,
Глупцов чиновных бакенбарды...
("Петергофский праздник", 1833-1834)⁵*

Видный советский философ Асмус В.Ф. в своей статье «Круг идей Лермонтова» подчеркивает сложность изучения творчества писателя, так как он «поэт глубокой, напряженной и страстной мысли»⁶. Писатель хочет быть полезным своей Отчизне, и для этого Кавказ – то место, где он мечтает претворить идеи вольности своей.

На Кавказе (в 1818, 1820, 1825, 1837 годах), вдали от праздности, находясь среди офицерства в новом качестве, Лермонтов изучал ту действительность, в которой оказался. Он с большим интересом наблюдал за образом жизни горцев, слушал местные предания и легенды, вникал в суть героических песен и понимал, что он находится в свобододобивом крае. Все это нашло отражение в произведениях «Кавказский пленник», «Демон», «Мцыри», «Аул Бастунджи», «Хаджи-абрек», стихотворениях: «Кавказ», «Люблю я цепи синих гор», «Утро на Кавказе» и других. Ему становятся близкими и природа гор, и непокорный дух горцев. Он понимает, насколько противоречивы его мысли и желания. Здесь его философские идеи – жизни и смерти, любви и предательства, трусости и героизма, порядочности и измены – приобретают пограничный смысл, обостряют его существование и ведут к вопросу: «быть или не быть?». Этот вопрос он относит и к поведенческой культуре горцев: с одной стороны, они ему симпатичны, он гордится их удалью, непонятной их «слепой» преданностью родным местам, с другой же – осознает, что послан уничтожить этот дух «вольности святой».

Кавказ для Лермонтова – это не просто географическое пространство, а место, населенное удивительными людьми, сохраняющие любовь к жизни даже в условиях войны, к родным горам, беспощадные к врагам и жалостливые к страждущим. **Кавказ** – это не просто первая любовь или воспоминания эпизода из мира детства, это целый мир, в котором «люди, как вольные птицы, живут беззаботно; война их стихия; и в смуглых чертах их душа говорит; в дымной сакле, землей или сухим тростником покровенной, таятся их жены и девы и чистят оружие, и шьют серебром...с цепями судьбы не знакомой». **Кавказ – это гордый мир непокорных людей.** Однако поэт реально оценивает соотношение сил и задачи царских войск в покорении Кавказа.

*От Урала до Дуная,
До большой реки,
Кольхаясь и сверкая,
Двигутся полки...*

*И, томим зловещей думой
 Полный черных снов,
 Стал считать Казбек угрюмый
 И не счел врагов.
 Грустным взором он окинул
 Племя гор своих,
 Шапку на брови надвинул –
 И навек затих.⁷
 («Спор»)*

Казбек предстает перед поэтом как «страж востока», эти небеса сблизили его с духом горцев, которых он понимал, так как они боролись за свободу. Лермонтов переживает за судьбу Кавказа и заключает, что «под небом места много всем, но беспрестанно напрасно один враждует он – зачем?»⁸ («Валерик»).

Как офицер Кавказского корпуса М.Ю. Лермонтов принимал участие в военных экспедициях в горы, имел возможность непосредственно наблюдать черкесов и оценить их воинские качества. Черкесы-воины вызывали у него восхищение и уважение:

*Как я любил, Кавказ мой величавый,
 Твоих сынов воинственные нравы, ...
 (Измаил-бей).⁹*

Кавказ не обойден вниманием Лермонтова в «Герое нашего времени». Пейзажные зарисовки, восхитительные картины гор впечатляют писателя: «...На краю горизонта тянется серебряная цепь снеговых вершин, начинаясь Казбеком и оканчиваясь двуглавым Эльборусом... Весело жить в такой земле! Какое-то отрадное чувство разлито во всех моих жилах. Воздух чист и свеж, как поцелуй ребенка; солнце ярко, небо сине — чего бы, кажется, больше? зачем тут страсти, желанья, сожаления?..»¹⁰

Человек с его внутренними терзаниями, доведенного до состояния расколотой личности (Печорин) – это размышления писателя о собственном предназначении, о смысле жизни, возможности преодоления в себе этой буйственности, сродни бурям кавказских гор. Образ «бурь земных и бурь небесных вой» охватил поэта, и он видит «корень мук в себе самом».

Одна из заслуг Лермонтова – в углублении представлений о сложности и многомерности человеческой личности. Человек, по Лермонтову, – это средоточие «священного с порочным». И от этого происходят все его мученья. Рассмотрение диалектики внутреннего и внешнего в человеке

обретает в романе «Герой нашего времени» социально-философский смысл. Еще в «Княгине Лиговской» писатель подчеркивает: «Но сквозь эту холодную кору прорывалась часто настоящая природа человека...». «Настоящая природа человека» Печорина прорывается сквозь «кору» его дворянско-аристократической ограниченности, ставя его в неразрешимое противоречие с окружающим обществом. Но трагизм положения Печорина усугубляется перерастанием внешнего конфликта в конфликт внутренний, что обрекает героя на изнурительную борьбу не только со средой, но и с самим собою.

Обратимся к «Фаталисту», где писатель раскрывает нам рефлексию главного героя. В философском отношении он занимает в системе повестей «Героя нашего времени» ключевое положение, и без него роман не проявил бы глубокий противоречивый мир души героя. Для автора важен вопрос о предопределенности жизни человека или же человек свободное существо в правом выбора.

Печорин признается, что «не способен более к великим жертвам для блага человечества». Такова участь людей его поколения и его круга. Это признание Печорина свидетельствует о том, что он не может поймать ту нравственную нить, которая повела его к смыслу бытия. Остается единственно «бесспорная» реальность – он сам и мир природы Кавказа, убеленный сединой Кавказ. Вокруг него «горы чудной высоты», его привлекает их «надменный вид». Кавказ для него – символ боренья, а без него «жизнь скучна» и потому «нужно действовать». Но эта борьба не прельщает его, так как она приводит к слезам, горю обитателей гор. И потому буря в этих горах для него роковая, ведущая к смерти. Поэт признается в том, что для Кавказа он «путник не чужой».

*Прекрасен ты, суровый край свободы,
 И вы, престолы вечные природы...
 (Измаил-бей).¹¹*

Однако в этом крае, где «в колыбели песни матерей пугают русским именем детей», идет война. Поэт познал, что «верна там дружба, но вернее мщенье; там за добро – добро, и кровь – за кровь, и ненависть безмерна, как любовь».¹²

Кавказ для Лермонтова полон преданий и воспоминаний о былых героях и их поступках, сред них упоминается имя кабардинца Росламбека («Измаил-бей»). Известный военный историк, генерал-лейтенант Потто В.П. (1836-1911)

рассказывает об этом человеке служившем полковником в лейбгвардии казачьем полку. Кровная месть за убитого племянника в одном из кабардинских налетов на оборонительную Линию царских войск вынудила Росламбека бежать со своими аулами за Кубань, где успел собрать вокруг себя закубанских черкесов и даже ногайцев. Сражение между отрядами генерала Лихачева и Росламбека длилось три дня. После перемирия и встречи противников, пишет Потто, «Росламбек старался оправдать свои поступки тем, что он, как мусульманин, не мог оставить без отмщения смерть родного племянника, но что теперь, когда кровь пролита, он вместе с оставшимися при нем кабардинцами готов возвратиться и быть по-прежнему верным слугой русского царя.

Прямодушный и честный Лихачев поверил словам Росламбека и на следующий день выслал к Кубани для отыскания орудия роту капитана Волкова и тридцать пять казаков, под общей командой майора Пирогова. При отряде находился и сам Росламбек с двумя узденями и переводчиком. По его указанию, егеря и казаки, оставив оружие, спустились к реке и, не подозревая измены, принялись разыскивать пушку. Вдруг Росламбек два раза махнул своей плетью и пустился скакать... Это был условный сигнал, по которому засада лежавшая у самого берега, с гиком бросилась на солдат, и в общем смятении все, что было в реке, не успев добежать до оружия, было изрублено. Майор Пирогов, бывший на лихом персидском жеребце, понесся в лагерь, но был настигнут и убит наповал выстрелом из пистолета. Общей участи избежали только Волков и девять егерей, которые, засев в кустах, в продолжение нескольких часов отбивались от яростных нападений горцев. Все они были ранены по нескольку раз, но не сдавались и были выручены подоспевшей из лагеря помощью. Росламбек остался в горах и с тех пор сделался одним из самых отчаянных и бешеных абреков». ¹³ Лермонтов в поэтической форме в «Измаил-бее» показал эти события, при том его чувства и мысли выдают его сомнения – покориться ли горцам превосходящей силе противника или оставаться в памяти народной героями, отдавшими жизнь за «родные скалы».

Лермонтов, описывая быт горцев, их обычаи и нравы, мудрость стариков и красоту кавказских девушек, подчеркивает их гостеприимность в мирных условиях и коварство в бою.

*И черкес удалый в битве правой
Умеет умереть со славой,*

*И у жены его младой
Спаситель есть – кинжал двойной¹⁴
(Измаил-Бей)*

Отношение горца к вольности особое: «но вольность для героя милей отчизны и покоя».

Гора Кавказа Бешту «злбно взирает» на врага, чудной вышиной пугают пятиглавый царь. Так же черкес гордится тем, что «он черкес» и родился на Кавказе. Поэт пишет, что после некоторой разлуки черкес «душой природу обнимал». И перед ним открылась страшная картина.

*Изгнанный народ жаждет мщенья.
Ужасна ты, гора Шайтан,
Пустыни старый великан...
Соседних гор она черней,
Тропинка желтая прорыта
Слезой отчаянья по ней...¹⁵
(Измаил-бей)*

В борьбе горских народов за свое национальное существование отражался сходный с русским порыв к свободе, национальному самоопределению. И это не мог не прочувствовать поэт.

Почему же Лермонтов любил свою Отчизну «странною любовью»? Именно потому, что он любил Кавказ. Эта любовь несовместима с историческими реалиями Кавказской войны, в этом и состоит трагизм положения творца, но душа его как орел с «крылами» жаждет мира и взывает к диалогу культур. В этом велик и современен М.Ю. Лермонтов.

Литература

1. Бройдо А.И. Кавказская война и духовная трагедия русского прогрессивного офицерства (по произведениям М.Ю. Лермонтова) // Кавказские научные записки. АН Абхазии, Российский государственный торгово-экономический университет. — № 3. — М., 2012. — С.193-202.
2. Лапин В.В. История Кавказской войны. — СПб., 2003. — С. 18.
3. Там же. — С. 41.
4. Белинский В. Г. Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова: [Статья]. СПб., 1840. Ч. 1—2 // Белинский В. Г. М. Ю. Лермонтов: Статьи и рецензии. — Л.: ОГИЗ: Гос. изд-во. худож. лит., 1941. — С. 28-123. <http://feb-web.ru/feb/lermont/critics/bel/bel-028-.htm>

5. Лермонтов М.Ю. Петергофский праздник // Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений: В 5 т. — М.; Л.: Academia, 1935—1937. Т. 3. Поэмы и повести в стихах. — 1935. — С. 538-542. <http://feb-web.ru/feb/lermont/texts/lerm05/vol03/l53-538-.htm>

6. Асмус В. Круг идей Лермонтова // М. Ю. Лермонтов / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — М.: Изд-во АН СССР, 1941. — Кн. I. — С. 83-128. — (Лит. наследство; Т. 43/44). <http://feb-web.ru/feb/lermont/critics/l43/l43-083-.htm>

7. Лермонтов М. Ю. Спор ("Как-то раз перед толпою...") // Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 6 т. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954—1957.

Т. 2. Стихотворения, 1832—1841. — 1954. — С. 193-196.

<http://feb-web.ru/feb/lermont/texts/lerm06/vol02/le2-193-.htm>

8. Лермонтов М. Ю. Сочинения. Т. 1. — М., 1988. — С. 205.

9. Там же. — С. 323.

10. Лермонтов М.Ю. Сочинения. Т.2., — М., 1990. — С. 510.

11. Лермонтов М. Ю. Сочинения. Т. 1.- М., 1988. — С. 325.

12. Там же. — С. 324.

13. Потто А.В. Кавказская война (в 5-и томах). Т.1. генерал-майор Лихачев // www.vehi.net/istoriya/potto/kavkaz/

14. Лермонтов М. Ю. Сочинения. Т. 1. — М., 1988. — С. 326.

15. Там же. — С. 351.

А. Я. КОЖУРИН, д. ф. н., проф. кафедры философии РГПУ им. А. И. Герцена

**Философия поэзии и поэзия философии:
Пушкин и Тютчев в розановском
восприятии**

А. Пушкин – наше все...

А.А. Григорьев. Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина. Удивительны стихи Тютчева, Вами приведенные:

да у нас философия была и есть ранее и помимо философов ex cathedra.

Из письма В.В. Розанова к

П.А. Флоренскому (от 20 сентября 1903 года).

Стихи Ф.И. Тютчева, о которых идет речь в письме Розанова, – «Видение» (1829) и «День и ночь» (1839). Приведя их, П.А. Флоренский назвал своего корреспондента «концентрированным Тютчевым» (7:10). Учитывая преклонение Флоренского перед поэзией и мироощущением Тютчева, к этой теме мы еще вернемся, большего комплимента своему новому знакомому он сделать не мог. Тем не менее, для читателя, хоть немного знакомого с работами Розанова, сопоставление имен двух величайших русских поэтов в контексте его творческого наследия покажется странным. Действительно, поэзия Пушкина становилась объектом интерпретации на протяжении всего творчества Розанова. Напротив, наследие Тютчева никогда не привлекало такого внимания автора «Уединенного» и «Опавших листьев», его

стихотворения – сравнительно редкий гость на страницах розановских работ. Если он и использует тютчевские строки, а Розанов это конечно делает, то это, как правило, строки хрестоматийные. Из русских поэтов XIX века, помимо А.С. Пушкина, значительно большее внимание он уделяет творчеству М.Ю. Лермонтова и Н.А. Некрасова.

Между тем, когда мы сталкиваемся с именем Тютчева в текстах Розанова, то оно произносится с величайшим пиететом, ставится в один ряд с первыми лицами русской культуры. Для примера приведем отрывки из двух статей 1916 года. В статье «Германская наука и русские ученые кафедры», указывая, что «более философической литературы, нежели русская, не имеет ни один европейский народ», для обоснования этого положения, Розанов приводит три имени – Тютчева, Достоевского и Толстого (5:435-436). Учитывая место Достоевского и Толстого в общей экономике розановских текстов, кажется странным, что у него нет ни одной работы, посвященной Тютчеву. В другой статье, «Не в новых ли днях критики?», которая являлась рецензией на книгу Д.С. Дарского «Чудесные вымыслы. О космическом сознании в лирике Тютчева» (1913), он писал: «Не будет, кажется, ошибочным подумать и сказать, что именно в Тютчеве, а не в Пушкине или Толстом, наше дворянское культуросложение получило высшее завершение и чекан. Что он наиболее типичен для этой среды; наиболее характерен. Наиболее ее “закругляет” собою и вместе не представляет в себе никаких сильных личных отклонений от сути и духа дворянства» (8:629).

Как объяснить эту диспропорцию между реальным местом Тютчева в русской культуре,

которое, как мы видим, Розанов прекрасно понимал, и незначительным объемом розановских текстов о нем? Тем более, что объем розановских работ, посвященных русской литературе XIX столетия, весьма велик. Здесь необходимо обозначить важнейшие аспекты творчества гениального поэта. Хайдеггер в свое время охарактеризовал Гельдерлина как поэта самой мощности поэзии. Не в меньшей, если не в большей, степени данные слова могут быть отнесены к Тютчеву. Творчество Тютчева исследователи характеризуют как «поэзию поэзии» (Б.М. Козырев) или «поэзию о поэзии» (Ю.Н. Тынянов), а его самого нарекают «певцом певцов» (Д.С. Мережковский) и «поэтом для поэтов» (И.Н. Розанов).

В истории русской культуры Тютчев остался именно как поэт, хотя его историософские трактаты неоднократно привлекали к себе внимание. Если Пушкин был одним из основоположников великой русской прозы XIX столетия, тонким критиком, вдумчивым историком (все эти аспекты чрезвычайно важны для восприятия Розановым его наследия), то Тютчев – это исключительно поэт. Но, разумеется, если брать только поэзию, то творчество Тютчева – единственное, что в русской поэзии способно стать на один уровень с поэзией Пушкина.

Отсюда можно осуществить переход к розановской интерпретации поэзии. Любая интерпретация неминуемо должна проходить между Сциллой и Харибдой – стилизацией и модернизацией. Розанову удалось счастливо избежать этих крайностей, сделать свои интерпретации поэзии прошлого живыми и до сих пор вызывающими интерес. Для того, чтобы объяснить это, необходимо обратиться к специфике розановского подхода к поэзии. Глубинная принадлежность Розанова к русской культурной традиции XIX – начала XX века обнаруживается в историзме при интерпретации художественных произведений. Его пристальное внимание к социально-историческому контексту (влияния, переплетения, восприятие современниками) проявляется не только в интерпретации текстов социально ангажированных авторов (в частности, поэзии Некрасова), но и в понимании творчества представителей «чистого искусства» (творчество Пушкина и Тютчева, когда он обращался к последнему). Свидетельством тому служат строки, приведенные выше (Тютчев как «завершитель» русской дворянской культуры). Но, помимо этого, интерпретация художественного произведения осуществляется Розановым с позиций современности. Не в том смысле, что он приписывает авторам прошлого современную точку зрения, но в том, что обнаруживает в их творениях актуальные аспекты.

Розанов активно, пусть и на интуитивном уровне, использует то, что в герменевтике Гадамера было обозначено как «предварительное понимание», «предпонимание» (Vorverständnis). Гадамер считал, что мы не можем преодолеть исторической обусловленности нашего понимания, и говорит о «ситуационной укорененности» понимающего субъекта. Причем видит в этой укорененности положительное начало для исторического понимания. Обусловленность понимания исторически определенным контекстом Гадамер осмысляет как обусловленность «предпониманием». Исследователь может уточнять, корректировать это «предпонимание», но не может полностью освободиться от него. Подобная опора на «предпонимание», как мы уже сказали выше, характерна и для розановской интерпретации поэзии Тютчева.

Для лучшего понимания данного обстоятельства необходимо обозначить место тютчевской поэзии в традиции русской поэзии. Обратимся к исследованиям одного из лучших специалистов в этой области. В статье «Тютчев и Гейне» (1922) Ю.Н. Тынянов указывал: «Анализ тютчевского искусства приводит к заключению, что Тютчев является канонизатором архаической ветви русской лирики, восходящей к Ломоносову и Державину. Он – звено, связывающее “витийственную” одическую лирику XVIII века с лирикой символистов» (12:29).

Этот момент многое проясняет в розановском отношении к поэзии Тютчева. Розанов, несмотря на свое искреннее восхищение русской культурой XVIII столетия, был воспитан на литературе столетия следующего. Ломоносов и Державин, при всем уважении и даже восторге, были для него деятелями отдаленного прошлого. Актуальным их творчество станет для его младших современников – представителей постсимволистской поэзии. Отношение к «веку Екатерины» у Розанова было чисто эстетическим, оно не было отношением творческой преемственности, в отличие от творчества Пушкина. В этом смысле тютчевская поэзия представляла для мыслителя чисто исторический или эстетический интерес, но не была жизненно важной темой, как дело обстояло в случае символистов.

В «Письмах о Тютчеве» (1967) Б.М. Козырев заметил, что поэт был «первым (и, конечно, величайшим) из наших символистов» (3:75). Сами символисты это прекрасно понимали, осуществляя своеобразную канонизацию его творчества. Здесь можно привести свидетельство однофамильца нашего героя, И.Н. Розанова, который следующим образом передал мысли одного из крупнейших поэтов «Серебряного века»: «По мнению Брюсова, в России было три великих поэта: Пушкин, Баратынский и Тютчев. Из них всех выше Тютчев» (10:424). В.С.

Соловьев, непосредственный предшественник и кумир символистов, по глубине мысли сравнивал Тютчева с Гете. Необходимо вспомнить несомненное влияние «нераспущенной поэзии Тютчева» на поэтику Вяч.И. Иванова. В поэзии Тютчева, указывал Вяч. Иванов в статье «Заветы символизма» (1910), русский символизм впервые творится как последовательно применяемый метод.

Неудивительно, что в сознании эпохи Тютчев затмил Пушкина, который, особенно на этапе оформления символизма, казался его отцам-основателям «чужим», представителем другой, не символистской, линии поэзии. Можно сказать, что пушкинская ясность была символистам внутренне чужда, хотя внешний пиетет по отношению к «Солнцу русской поэзии» с их стороны сохранялся. Со временем этот пиетет даже усиливался – вспомним хотя бы работы Брюсова, посвященные творчеству Пушкина. И все же влияние на символистов Тютчева было определяющим.

Наиболее же последовательные символисты предпочитали Тютчева даже Достоевскому – признанному кумиру «Серебряного века». Приведем, к примеру, мнение П.А. Флоренского: «В то время как Тютчев выходит за пределы человечности, в природу, Достоевский остается в пределах первой и говорит не об основе природы, а об основе человека. Когда же он возвышается до Тютчевского мироощущения, то основу природы называет Землю – понятие весьма близкое к Тютчевской Ночи: “Жизнь полюбить прежде ее смысла”, это уже довольно близко к Тютчеву. Обрати внимание: у Тютчева много страдания, но никакой карамазовщины, а у Достоевского не только страдание, но и выдуманное, нарочитое самомучительство и мучительство всех окружающих: таковым был Достоевский не только в своих чувствах, мыслях и литературе, но и в жизни» (13:181).

Канонизация поэзии Тютчева символистами многое объясняет в розановской позиции. С символизмом, господствующим направлением русской культуры «Серебряного века», Розанов связывали весьма непростые отношения. С одной стороны, вращаясь в кругу символистов, он не мог не испытать определенного влияния с их стороны, да и сам Розанов оказывал сильное воздействие на творчество многих из них. С другой стороны, Розанов следует признать наиболее последовательным и резким критиком всякого символизма. Критиком более резким, чем представители постсимволистской эстетики – акмеисты и футуристы. Речь идет не только о его статье, где деятели раннего символизма были подвергнуты своеобразной «порке» (некто подобное позволил себе и В.С. Соловьев, что не помешало его посмертной канонизации). Важнее несовпадение базовых установок символистов и Розанова.

Лаконично их можно выразить как творческие установки на потусторонность и на посюсторонность.

Специфику отношения Розанова к творчеству Тютчева, как нам представляется, оттеняет мысль, высказанная им в статье «О Пушкинской Академии» (1899). В этой статье Розанов писал: «Можно Пушкиным питаться и можно им пропитаться всю жизнь. Попробуйте жить Гоголем, попробуйте жить Лермонтовым: вы будете задушены их (сердечным и умственным) монотеизмом» (9:167). Случай Тютчева особый, но сама атмосфера его творчества, конечно, слишком специфична для повседневного безмятежного существования. Концентрация смыслов с этой точки зрения в ней чрезмерна. В этом аспекте Тютчев действительно отличается от Пушкина.

Если мы возьмем вершинные произведения Розанова, то в трилогии мы не обнаруживаем ни стихотворений Тютчева, ни самого его имени. Между тем, список поэтов, чьи строки использует автор «Уединенного» и «Опавших листьев» немал. Помимо розановских любимцев (Пушкин, Лермонтов и Некрасов), это – Ломоносов и Державин, Карамзин и Рылеев, Кольцов и А.К. Толстой, Надсон и Апухтин. Строки Тютчева и упоминание его имени мы находим лишь в «Апокалипсисе нашего времени». Розанов дважды обращается здесь к хрестоматийному «Эти бедные селенья», развертывая свою трактовку знаменитого стихотворения Тютчева (в одном случае они служат иллюстрацией для сопоставления русских и евреев, как народов «недаровитых» к власти). Он также использует строки еще из двух тютчевских шедевров – «О чем ты веешь, ветер ночной?» и «Весенние воды». Показательно, что строка из второго стихотворения произвольно объединяется Розановым с неточно процитированной строкой из стихотворения «Зеленый шум» Некрасова. В результате получился следующий гибрид: «Весна идет. Весна идет // Везде идет зеленый гул». Этот синтез понадобился Розановым для воспроизведения языческого мироощущения, противопоставленного христианству и современному нигилизму.

Теперь можно сказать несколько слов о Пушкине. Мы уже заметили, что у истоков символизма его поэзия воспринималась основоположниками этого течения как «чужая». Позднее, однако, символисты нашли свои сюжеты и в творчестве Пушкина. Действительно, трудно было выстраивать в рамках русской культуры живое направление поэзии, минуя пушкинскую поэзию. Это был, однако, стилизованный, эстетизированный Пушкин. Особенно постарались в этом отношении Мережковский и Брюсов. Розанову, надо сказать прямо, такой Пушкин был чужд. У него был свой подход к творчеству поэта, который вполне вписывался в розановскую версию «философии жизни». Это был цельный Пушкин, интересовавший

Розанова и как человек, и как творческая личность, и как своеобразный национальный миф.

Что же лежало в основе розановского восприятия личности и творчества Пушкина? В статье «Возврат к Пушкину» (1912) мыслитель указывал: «Пушкин всегда с природою и уклоняется от человека везде, где он уклоняется от природы. В самом человеке он взял только природно-человеческое, – то, что присуще мудрейшему из зверей, полубогу и полуживотному...» (9:374). В аспекте восприятия природных аспектов человеческого существования Пушкин оказывается вернейшим союзником Розанова, несмотря ни на что. Между прочим, основания для «размолвок» не раз возникали. Можно вспомнить противопоставление Пушкина великой четверке – Гоголю, Лермонтову, Достоевскому и Толстому, в статье, написанной к 100-летию юбилею гениального поэта. Можно обращаться и к более поздним работам, в которых автор отдавал предпочтение Лермонтову. И все равно Пушкин неизменно оставался в центре розановской эстетики.

Вернемся, однако, к характеристике поэзии Пушкина. Принципиальная установка на природное начало в творчестве поэта создает предпосылки для того, что традиционно обозначается как пушкинский объективизм. Последний был очевиден даже для современников великого поэта, по крайней мере, младших современников. Вот как интересующий нас аспект характеризовал И.С. Аксаков в речи, произнесенной на знаменитых Пушкинских торжествах 1880 года: «Много и прекрасно было говорено об объективности Пушкина, т.е. об этой способности постигать предмет в нем самом, как он действительно есть, и воспроизводить его в его собственной правде» (1:276). Хронологически выступление знаменитого славянофила последовало после гениальной речи Достоевского и оказалась в ее тени. Тем не менее, необходимо признать, что речь Аксакова представляет собой замечательный образец интерпретации пушкинской поэзии.

Для Розанова пушкинский объективизм представлял собой незыблемый фундамент русской культуры. Именно он позволял фундаментально обосновать различные проявления субъективизма, если они представляли собой культурное явление. Подобный подход дает нам возможность правильно расставить акценты и в тех аспектах, где между творчеством Пушкина и Тютчева оказывается много общего. Этот подход позволяет увидеть – почему Розанов принимает у Пушкина то, что остается ему «чужим» у Тютчева. Мы уже говорили о Тютчеве как наследнике поэзии XVIII века, но ведь и Пушкин своеобразно завершает эту великую поэтическую систему. Данное обстоятельство подчеркивали наиболее проницательные русские критики. Например, В.Г. Белинский, провозгласивший в 1834 году конец пушкинского периода отечественной словесности. На

то, что творчество Пушкина увенчивает поэзию XVIII столетия указывал и учитель Розанова – Н.Н. Страхов, хотя он не делал отсюда выводов на манер неистового Виссариона.

В этой связи необходимо обратить внимание на один существенный момент. Если творческая (именно творческая) адаптация поэзии Тютчева начинается с символистов, то поэзия его старшего современника, несмотря на все рецидивы (вспомним хотя бы «шестидесятников» и знаменитые статьи Писарева), все же прочно вошла в русскую культуру уже в XIX веке. Поэзия Пушкина стала своеобразным воздухом нашей культуры, без которого невозможна никакая творческая жизнь. Розанов, вспомним его гносеологические установки, этим воздухом именно дышал, а воздух, как известно, не замечаешь. То, что в случае Тютчева могло восприниматься как экзотика (связь с поэзией «века Екатерины»), в случае Пушкина экзотикой не было.

Весьма показателен в этой связи эпизод, описанный Розановым в «Опавших листьях». Дело было в 1908 году в районе Териок, где семья мыслителя снимал летнюю дачу. Во время прогулки с А.М. Коноплянцевым, известным биографом К.Н. Леонтьева, по высокому берегу моря, ему на ум пришло пушкинское «Воспоминание». Но, как ни силились оба собеседника, они так и не могли толком вспомнить гениальные строки. Тогда им на помощь пришла Таня – старшая дочь Розанова, ей в это время было тринадцать лет. «И тихо, чуть-чуть застенчиво, она проговорила на мои слова:

“Скажи! Скажи!!”

*Когда для смертного умолкнет шумный день,
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья...*

Я чувствовал, что слова как “стогна” и “бденья”, – смутны бедной девочке: и если, в какой-то непонятной тревоге, она затвердила довольно трудные по длине строки, то – привлекаемая тайной мукой, сокрытой в строках, кого-то жалея в этих строках душой. Я весь взволновался, слушая. Коноплянцев молчал. Таня продолжала. И как будто она уже не о другом жалела, а сказала о себе:

*В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят...*

Она остановилась, ниже наклонила голову, и слова стали тише:

*в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной*

*Свой длинный развивает свиток...
Робко, по-детски:
И в отвращении читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.
Остановилась.
Я вижу в праздности, в неистовых пирах,
В безумстве гибельной свободы,
В неволе, в бедности, в чужих степях
Мои утраченные годы.
Я слышу вновь друзей предательский привет
На играх Вакха и Каприды...*

*Так и сказала: "Каприды"... Я чувствовал,
многих слов она не понимала...
И сердцу вновь наносит хладный свет
Неотразимые обиды
И нет отрады мне...*

*Теперь она почти шептала. Я едва уловлял
слова:*

*и тихо предо мной
Встают два призрака младые,
Две тени милые – два данные судьбой
Мне ангела во дни былые!*

*Металлическое и холоднее, как чужое:
Но оба с крыльями и пламенным мечом
И стерегут...и мстят мне оба...
Опять с сочувствием:
И оба говорят мне мертвым языком
О тайнах вечности и гроба.*

За всю семейную жизнь свою (20 лет) я не переживал волнения, как слушая от Тани, "которая тут, где-то около ног суетится", стихотворение, столь для меня (много лет) разительное. Да, но – для меня. А для нее?!! С ее «Катакомбами» Евгении Тур и – не далее? Почему же не «далее»? Оказывается, она пробегла гораздо «далее», чем нам с мамой казалось. И не сказала ни слова. И только на случайный вопрос, сказав стих почти как «урок» (к «уроку» этого никогда не было), вдруг открыла далеко не «урочную тайну», – о, как далеко пересекающую все их уроки, классы, учителей

- Хорошо, Таня. Как ты запомнила?
- Я очень люблю это стихотворение.
- С «Каприды»?!» (6:144-145).

Пушкин и его поэзия проникли даже в святая святых Розанова – его семью. О Тютчеве так, разумеется, не скажешь. Как мы могли уже убедиться, причин для того, чтобы «встреча» Розанова и Тютчева не состоялась было множество. И все же есть один существенный момент, позволяющий поставить двух великих деятелей нашей культуры в один ряд – речь идет о

мифологическом начале, сохраненном в их произведениях. Но и здесь необходимо отметить отличие мифологии Розанова от тютчевской мифологии. В уже приводившихся «Письмах о Тютчеве», Козырев пишет о близости гениального поэта мирозерцанию милетской школы (Фалес, Анаксимандр). Отсюда – центральной стихией для Тютчева выступает вода. Нет в природе такой формы существования влаги, от Мирового Океана до капель слез, которые не нашли своего отражения в поэзии Тютчева. В трети его стихотворений есть образы, связанные с водной стихией, а в каждом десятом из них эти образы являются центральными. Вода – наиболее чистая, самая близкая к божественному началу стихия. Обратной стороной этой установки является враждебность к стихии огня, своеобразное антигераклитизм Тютчева.

Все это имеет прямое отношение к теме нашей работы. Козырев указывает: «В этой любви к влаге и ненависти к огню еще раз выступает интуитивно ощущаемый многими антагонизм между творческими личностями Тютчева и Пушкина. Для последнего огонь был любимейшей стихией, проявлением самого высшего в природе» (3:108). Можно сказать, что творчество каждого из величайших русских поэтов восходит к разным архетипам, а в античной философии им соответствуют философские учения милетцев и Гераклита. Принадлежа к линии ионийской натурфилософии, эти учения выбирают прямо противоположные стихии в качестве первоначала («вода» и «огонь»).

Но какое отношение все это имеет к восприятию поэзии Пушкина и Тютчева Розановым? Самое непосредственное – ответим мы. Розанов неоднократно признавался, что в нем преобладала водная стихия. Вот как подобное признание звучит во втором коробе «Опавших листьев»: «Все мои пороки мокрые. Огненного ни одного. Ни честолюбие, ни властолюбие, ни зависть не жгли мне душу. Как же мне судить тех, кто не умеет совладать с огненными пороками (а я их сужу). Когда я не умел справиться со своим мокреньким» (6:298). Позднее А.М. Ремизов назовет свою книгу, посвященную старшему другу, – «Кукха». Данное слово в заумном языке, разработанном автором, означало влагу. Кстати, самого себя Ремизов обозначил как «Ахру» (огонь).

Действительно, Розанов ни в коем случае не был представителем огненного начала. Василий Васильевич был типичнейшим представителем знака Тельца – самого, быть может, земного знака в традиционной астрологии. Свои пороки, как мы уже заметили, он интерпретировал как «мокрые». Земное и водное начала занимают важнейшее место в том варианте мифологии, которую развивал Розанов. Он никогда не отрекался от этих начал, но, отчетливо сознавая ограниченность этих начал, Розанов всю жизнь стремился к огненной стихии. Отсюда его

тяготение к Пушкину, как ярчайшему выразителю огненного начала в русской культуре.

У Розанова мы наблюдаем настоящую устремленность к огненному началу, которое в «Апокалипсисе нашего времени» (1917-1918) примет даже характер своеобразного солярного культа. Картина мира, которую он отстаивает, оказывается максимально противопоставленной «научной». Впрочем, можно ли назвать розановское восприятие мира «картиной»? Ведь «картина мира» – порождение новоевропейской установки, а Василий Васильевич становится наперекор господствующей тенденции последних веков. Наука обвиняется в том, что она посягает на сферы морали и даже мифологии, которые находятся вне ее компетенции. Не в силах ответить на самые существенные вопросы, она отделяется «пустяками». Более того, наука превращает светила, бывшие для древних богами, в «предметы» (представляющее мышление, господствующее в новоевропейской традиции).

В связи с интересующими нас проблемами было бы любопытно затронуть неомифологические представления немецких мыслителей XX века. Э. Юнгер оставил интересное свидетельство о трактовке нигилизма, данной его другом и единомышленником К. Шмиттом. Выдающийся теоретик права стремился применить к осмыслению мирового процесса категории более фундаментальные, чем национальные, социальные или экономические. Э. Юнгер приводит следующую мысль своего друга: «Он пишет о нигилизме, считая, что при прохождении через четыре стихии ему соответствует огонь. Стремление дать себя сжечь – своего рода бунт. Но из этого пепла возникает птица Феникс, иными словами, стихия воздуха» (14:264). В одной из работ этого периода, «Земля и море. Рассказ для моей дочери» (1942), Шмитт будет говорить об Огне, как новой стихией, с которой человечеству пришлось столкнуться в XX веке. Здесь также будут звучать настороженные интонации. Другой выдающийся немецкий мыслитель, О. Шпенглер, уподоблял «жизнь» стихии огня, которая стремится поглотить все вокруг. Отсюда – закономерное обращение к наследию Гераклита.

Теперь самое время обратиться к еще одному аспекту мифологических построений Тютчева, отмеченному Козыревым. Исследователь указывал, что «у Тютчева присутствуют преимущественно фалесовские, философские, безымянные боги природных явлений, а не персонажи народной мифологии: его боги это весны, снежные горы, звезды, месяц и т.д. – боги в большей степени, чем Зевс, Киприда, Геба и другие Олимпийцы» (3:108). Это связано со специфической чертой поэзии Тютчева и представителей его поколения, которое, несмотря на незначительную разницу в возрасте, заметно отличалось от поколения Пушкина. Данное

обстоятельство тонко подметил В.В. Кожин. Он писал, что «философская культура Германии вошла... в плоть и кровь тютчевского поколения; ее понятия и формы – между прочим, имевшие нередко образный характер – играли в сознании любомудров роль, аналогичную той, какую играли в сознании предшествующего, пушкинского поколения образы античной мифологии и истории; кстати сказать, у любомудров и сами эти образы были переосмыслены в духе германской философии» (2:167).

Про Пушкина так все же сказать нельзя – его поэзия насыщена именами богов античного пантеона. Мы видим в его поэтических произведениях Муз, Аполлона, Вакха, Киприду. В последней трети XIX века такой критик как Н.Н. Страхов вынужден был даже «извинять» использование Пушкиным образов античных богов, так как оно подвергалось нападкам со стороны апологетов реализма. Позиция Розанова в данной связи может быть обозначена как промежуточная – он то апеллирует к конкретным богам (вспомним характерный фрагмент из «Уединенного»), то обращается к природным стихиям (в этом отношении наиболее показателен «Апокалипсис нашего времени»).

Рассматривая поэзию Тютчева, нельзя упускать из вида еще один важный момент, который позволит провести линию демаркации с поэзией Пушкина. За видимым миром у Тютчева скрывается реальность высшего порядка. Отсюда – своеобразная дидактичность его описания природы, на что обращал внимание еще А.А. Фет («О стихотворениях Ф. Тютчева», 1859). Близость к милетской философии, отмеченная выше, относится к миру с его внешней стороны. В понимании сущности мира у Тютчева необходимо указать на более глубокие концепции – Парменида и особенно Платона. Платоническая установка, однако, оказывается чуждой Пушкину. По выражению Ивана Коневского (Ореуса) Тютчев ощущал вечное среди движения, напротив, для Пушкина вечное было одним из моментов движения.

Очевидно, что платонизм был чужд и Розанову. Обратимся к некоторым особенностям его позднего мировосприятия, как они выражены в последнем произведении мыслителя. Важно уточнить, что пространство розановской неомифологии не подчинено жестким причинно-следственным связям, логическим схемам. Часто лучшим аргументом в пользу того или иного решения становится парадокс. Вспомним, например, следующий фрагмент из розановского «Апокалипсиса»: «Попробуйте распясть солнце. И вы увидите – который Бог» (4:56). Другой отличительной особенностью позднейшего творчества Розанова оказывается резкая деантропоморфизация мира. Мифология резко зооморфизируется, происходит «возвращение» к зверо- (и насекомо-) образным божествам египтян.

Это – с одной стороны. С другой, во всей полноте развертывается символика стихий: огня, воздуха, воды и земли. Символика эта пронизывает всю ткань розановского текста и выявляется при достаточно внимательном его прочтении.

Особенно показательно предсмертное признание Розанова, когда свое состояние он сравнивал с погружением в «мертвую воду», «черные воды Стикса». Вот как звучит его мысль, записанная дочерью: «Тело покрывается каким-то странным выпотом, который нельзя иначе сравнить ни с чем, как с мертвой водой. Она переполняет все существо человека до последних тканей. И это есть именно мертвая вода, а не живая. Убийственная своей мертвечиной. <...> Состояние духа – его – никакого. Потому что и духа нет. Есть только материя изможденная, похожая на тряпку, наброшенную на какие-то крючки». И далее: «Ничто физиологическое на ум не приходит. Хотя странным образом тело так измождено, что духовное тоже ничего не приходит на ум. Адская мука – вот она налицо! В этой мертвой воде; в этой растворенности всех тканей тела в ней. Это черные воды Стикса, – воистину узнаю их образ» (11:98).

Если мы вспомним, что самым страшным и беспросветным местом античного космоса был Аид, а через Стикс Харон перевозил туда души умерших, то мощь мифологии в этом отрывке становится совершенно очевидной. Но нельзя забывать, что Розанов ориентировался не только на древнегреческую традицию. Вспомним ту роль, которую в русском фольклоре играют «мертвая» и «живая» вода. Глубочайшая укорененность мыслителя в отечественной религиозно-мифологической традиции подтверждается даже его последними мыслями и поступками. Водная стихия обрушивается на стихию земную (тело), поглощая ее.

Разрушается наиболее хрупкое и изощренное порождение Земли-Геи – человеческая плоть. Розанов умирает и, таким образом, его творчество окончательно автобиографизируется. Предсмертные поступки, наряду с письмами и завещанием, приобретают глубоко символический характер, завершая творческий путь великого философа. Вспомним в этой связи, что эзотерическая традиция рассматривает период с 1 г.н.э. до 2003 г. как эру водного знака Рыб. Вместе с тем, это время рождения и торжества христианства, эон Христа. Не случайно, что Рыбы составляют существеннейший элемент его иконографии, символизируя водную стихию и крещение, с одной стороны, и первые буквы важнейших именовании Христа – «Иисус Христос, Божий сын, Спаситель», с другой. Вода приносит с

собой смерть. Но последняя есть необходимый и логически завершающий жизнь каждого «смертного» акт. Приближение смерти возвращает Василия Васильевича в лоно церкви.

И, наконец, отметим последний и весьма важный пункт схождения Розанова и Тютчева. Это понимание «неизреченности», невозможности передачи некоторых важнейших интуиций посредством языка. Розанов считал, что живое переживание «умирает» в слове, хотя и предпринял отчаянную попытку «схватить» подобные переживания в своих поздних произведениях – «Уединенном» и «Опавших листьях». Тютчев же был автором гениального «Silentium», которое можно поставить эпиграфом к этим произведениям.

Литература

1. Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика. – М.: Современник, 1982. – 383 с.
2. Кожин В.В. Тютчев. – М.: Молодая гвардия, 2009. – 471 с.
3. Козырев Б.М. Письма о Тютчеве // Литературное наследство. – Т.92. Кн.1. Федор Иванович Тютчев. – М.: Наука, 1988. – С.70-131.
4. Розанов В.В. Собрание сочинений. Апокалипсис нашего времени. – М.: Республика, 2000. – 429 с.
5. Розанов В.В. Собрание сочинений. В чаду войны. Статьи и очерки 1916-1918 гг. – М.: Республика; СПб.: Росток, 2008. – 621 с.
6. Розанов В.В. Собрание сочинений. Листва. – М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. – 591 с.
7. Розанов В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники. Книга вторая. – М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. – 957 с.
8. Розанов В.В. Собрание сочинений. О писательстве и писателях. – М.: Республика, 1994. – 734 с.
9. Розанов В.В. Собрание сочинений. Среди художников. – М.: Республика, 1994. – 541 с.
10. Розанов И.Н. Литературные репутации. – М.: Советский писатель, 1990. – 464 с.
11. Розанова Т.В. Будьте светлы духом. – М.: Blue Apple, 1999. – 183 с.
12. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – 576 с.
13. Флоренский П.А., священник. Сочинения в 4-х томах. – Т.4. – М.: Мысль, 1998. – 795 с.
14. Юнгер Э. Излучения (февраль 1941 – апрель 1945). – СПб.: Владимир Даль, 2002. – 784 с.

3. С. АЛЯБЬЕВА, С. В. АЛЯБЬЕВА – доценты
СПбГАУ

Феноменология совести в русском философском дискурсе XIX-XXI вв.

*Совесть. Сколь неизбежна власть твоя,
Гроза преступников, невинных утешитель.
О, совесть! наших дел закон и обвинитель,
Свидетель и судья!*
В. Жуковский (1814 г.)

Необходимость обращения к проблеме совести была обусловлена, с одной стороны, явным дефицитом духовности в современной России, и, с другой, утратой данного понятия из практической жизни людей. Не на слуху сегодня в России такие духовные явления, как честь, гуманизм, совесть, справедливость, стыд, вина и другие сопредельные с ними понятия. Правящая элита, чиновники разных уровней, депутаты, не заботясь о «чести мундира», всю свою энергию направляют на материальное обогащение. Читая о миллиардных, миллионных доходах за год 100 самых богатых семей российских чиновников и депутатов (Аргументы и факты, № 24.2014г.), можно не удивляться, откуда все это богатство. Политика беспрецедентной коррупции, воровства в высших эшелонах власти, клановость, семейственность привели общество к разделению народа на очень бедных и очень богатых. И о какой совести наших государственных мужей в данном случае можно говорить, когда основная масса народа, интеллигенция, пенсионеры, молодежь не живут, а выживают. Озабоченность вызывает и элиминирование понятия «совесть» из научного терминологического аппарата. И это притом, что лучшие умы российского народа в своих философских работах, литературных произведениях, обращаясь к данному понятию, выявляли его теоретический и практический характер. Как не вспомнить в этой связи слова св. Иоанна Златоуста, который утверждал, что не величие власти, не множество денег, не обширность могущества, не крепость телесная, не роскошный стол, не пышные одежды, не прочие человеческие преимущества доставляют благодущие и радость; но бывает это плодом только духовного благоустройства и доброй совести.

Вполне справедливо сегодня мы вновь обращаемся к наследию величайших людей нашего отечества: И.В. Киреевского, А.С. Хомякова, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, С.Л. Франка и многих других, для которых понятие совести было одним из организующих феноменов на пути духовного совершенствования.

Осмысливая понятие совести в контексте современного философского дискурса, необходимо выявить ее природу, содержательную характеристику и значение в духовной жизни общества. При этом следует уточнить, что смысловое поле понятия «совесть» достаточно сложное. Оно определяется и связью с другими сопричастными с ней понятиями, временем возникновения, значением, а также различием по поводу понимания совести. К примеру, является ли совесть индивидуальным феноменом, или же она может быть групповой, сословной, национальной, коллективной, религиозной?

Нет необходимости доказывать, что понятие совести является ключевым в понимании духовного мира, как отдельной личности, так и различных групп людей, ибо позволяет прикоснуться к субстанции души, возможно, уподобиться ей. На наш взгляд, она выступает в качестве внутреннего судьи в оценке поведения и деятельности каждого человека. Не претендуя на истину в последней инстанции, мы сделали попытку обратить внимание на тот феномен, благодаря наличию которого, каждый из нас может стать ЧЕЛОВЕКОМ.

Многочисленные точки зрения на данный вопрос связаны с мировоззренческой ориентацией авторов: материализмом и идеализмом. К примеру, проблема происхождения совести сводится, в основном, к двум противоположным направлениям: эволюционизму и интуитивизму. Если первая объясняет возникновение совести исходя из психологических и социальных условий, то вторая считает совесть природным свойством человека, основным свойством человеческого духа. Для интуитивизма совесть и принципы нравственности абсолютны и объективны. Но если это так, то как объяснить отсутствие совести у тех, кто ведет себя вопреки нравственным принципам и нормам? Эволюционизм склонен объяснять ошибки совести недостатком нравственного воспитания, социальной средой. Что касается интуитивизма, то он разделяет совесть на трансцендентальную и эмпирическую. Для первой совесть есть духовное свойство, присущее всем людям, оно объективно, абсолютно. Эмпирическая же совесть зависит от внешних и внутренних условий, поэтому она может и ошибаться.

Принципиально другой подход формируется в рамках русской философии конца XIX- XX в. в., снимающий противоположность материализма и идеализма в понимании мира, человека, общества, Бога. Проникнутая глубиной понимания мироздания и нравственной проблематикой, русская философская мысль создает оригинальный концепт, имеющий основания в философии, начиная с античности. Речь идет о философском реализме, который

рассматривает гармонию материального и духовного, присущего как миру в целом, так и человеку. Другими словами, реалистическая философия ориентирована на преодоление бинарных оппозиций, на разрушение жесткого противостояния природы и духа, материального и идеального. Поэтому и природа духовных явлений рассматривается в данном мировоззренческом ключе¹⁹, в том числе и такой сложный духовный феномен как «совесть», связанная и взаимодействующая как с Духом, так и с материальными условиями жизни человека, с миром природы.

Достаточно пристальное внимание уделяли этому понятию славянофилы. Так, одной из центральных идей славянофилов, в частности, Хомякова А.С. и Киреевского И.В. была идея «сердечной цельности», связности. Речь идет о том, что человек, исходя из разорванности, раздвоенности бытия, должен собрать все части души в одну силу, отыскать то внутреннее средоточие бытия, где разум и воля, и чувство, и совесть сливаются в одно живое единство²⁰. При этом, Киреевский уточнял, что «ложность разума и растленность совести происходит от личной испорченности человека.²¹ По природе же они – богосозданные, однако искажаются волевым усилием личности. Другими словами, Киреевский И.В. полагал, что «нет такой совести, которая бы не чувствовала невидимого существования высшего нравственного порядка»²². С другой стороны, человек сам может успокоить совесть. Совестьливым человеком, по мнению философа, можно назвать только такого, который мотивирует свои поступки «божественными причинами». Совесть тесно связана с верой, однако они не всегда совпадают. В человеке присутствует совесть как сила души, вместе с тем, человек научился искажать свидетельство собственной совести, что, в конечном счете, его может привести к заблуждению. Таким образом, Киреевский полагал, что совесть, ее природа носит духовно-материальный характер.

¹⁹ См.: Обухов В.Л. *Философский реализм. Санкт-Петербург. 2008. – 224 с.*; Алябьева С.В. *Жизнеучение Л.Н.Толстого в контексте современной философской антропологии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук СПб. 2006. 206 с.*; Ягубова С.Я. *Учение С.Л. Франка в контексте современной философской антропологии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. СПб. 2011. – 178 с.*

²⁰ См.: Киреевский И.В. *Отрывки. ПСС.Т.1.М., 1911. – С. 275.*

²¹ Киреевский И.В. *Обозрение современного состояния литературы. ПСС.Т.1.М., 1911. – С. 147*

²² Киреевский И.В. *Отрывки. – С. 277.*

Другой подход, хотя и в русле христианства, характерен для А.С. Хомякова. Для него совесть предстает как коллективное начало (соборность), имеющее одну веру, которая и дает им саму возможность такого объединения. При этом замечает мыслитель, совесть должна быть чуткой: законы внешние (государственные) она должна «провоцировать на их совершенствование». Можно сказать, что совесть у А.С. Хомякова предстает как глубинное сердечное явление человеческого духа, не подвластное никаким авторитетам.

Ю. Ф. Самарин, как представитель славянофильства, по своему решает проблему совести. Рассматривая соотношение веры и совести, их глубокую взаимосвязь, он утверждает, что вера влияет на человека через его личную совесть, просветляя ее и укрепляя в ней свободные побуждения. Но что поразительно, так это то, что Самарин рассуждает об относительности и двойственности совести, что соответствует современному философскому реализму. С одной стороны Бог «дает о себе знать в произвольных движениях совести, с другой – каждый человек должен сам, в глубине своей совести решить... есть ли «бытие Божие» действительность, истина, или призрак и ложь»²³. Далее философ уточняет, что совесть может заблуждаться, убеждения изменяются и требуют осторожного обращения²⁴.

С позиции философского всеединства исследуют проблему совести В.С. Соловьев и Е.Н. Трубецкой. Для В. Соловьева, чтобы достичь богоуподобления, есть лишь один путь: путь стыда и совести. Существование стыда философ объясняет несовершенством совести, т.е. греховностью. «Я стыжусь, следовательно, существую, не физически только существую, но и нравственно, – я стыжусь своей животности, следовательно, я еще существую как человек»²⁵. Е.Н. Трубецкой предлагает другой подход – отождествление понятия «сознание», «совесть» и «замысел». Он полагал, что индивидуальная совесть может быть достигнута лишь в сверхиндивиде – в Богочеловеке. Принципиально по своему решает проблему совести Л.Н. Толстой. С присущей ему основательностью и обстоятельностью мыслитель анализирует внутренний духовный мир человека, обращая внимание на то, что кроме сознания и разума этические деяния людей определяют воля, вера, совесть. Их содержательная характеристика связана с существованием нравственного закона жизни, который обуславливает личные деяния в жизни каждого человека и

²³ Самарин Ю.Ф. *Православие и народность. М., 2008. – С. 89-90.*

²⁴ Там же. – С. 54.

²⁵ Соловьев В.С. *Оправдание добра. Соч. в 2 т. М., 1990.Т.1. – С. 277.*

утверждает добро, благо, бесконечность и бессмертие живой жизни против всего, что несет зло, нищету, страдание, смерть и небытие. Такая вера, по справедливому замечанию Н. В. Панченко, была у самого Толстого, который утверждал ее и свой смысл жизни и словом, и делом на протяжении всей жизни²⁶. Вера, почерпнутая у русского народа, построенная на любви, мире и согласии. Но сама по себе вера, считает Толстой, не может устанавливать нравственное бытие в обществе, его формирует человек своими нравственными поступками. Толстой считал, что мысль и воля должны руководить нравственными поступками человека. Более того, он настаивает также на перемене логики «от чувства к поступку» в логику «от поступка к чувству».

Будучи глубоким психологом, Л. Н. Толстой понял, что поступки определяются не только внешними обстоятельствами, но и внутренним состоянием: чувствами, желаниями человека, которые могут стать привычными. Своим выводом философ отвергает в корне идею первородной греховности человека или его природного животного эгоизма. И в эгоистичном человеке благодаря альтруистическому чувству могут проснуться чувства, которые станут мотивом новых добрых дел.

Не меньшую значимость в совершении поступка имеет воля, называемая в русском языке силой духа. Для Толстого воля выступает как определяющая сила во всей динамике душевной и духовной жизни. Но воля не иррациональна, как у А. Шопенгауэра и Ф. Ницше. Она сообщает мысли разумный смысл, правила мысли. Разумная воля, по убеждению Толстого, выступает как поступок. Бессилие воли есть проступок, усилие воли – поступок. А поступок всегда во власти самого человека, определяемого его духовным голосом или совестью, которая объединяет людей.

Что касается непосредственно совести, то великий гуманист в «Круге чтения» со всей определенностью утверждает: совесть – это точка разборки и сборки души, а также фокус сосредоточения духа личности.

«Совесть есть сознание своего духовного начала. И только тогда, когда она есть такое сознание. Она – верный руководитель жизни людей». «Берегись всего того, что не одобряется твоей совестью». «Указания совести безошибочны, когда они требуют от нас не утверждения своей животной власти, а жертвы ею». «Голос совести всегда можно отличить от всех других душевных побуждений тем, что он требует всегда чего-то бесполезного, неосязаемого, но прекрасного и достижимого одним нашим усилием. Этим отличается голос совести от голоса славлюбия, который часто смешивается с

ним». «Совесть есть сознание божественного начала, живущего в нас». «Нельзя бороться с требованиями совести – это требования Бога, и потому лучше сразу покориться им».

В толковании Толстого совесть есть, прежде всего, способность человека к противостоянию и преодолению самого себя и, даже к отречению от того в себе, что препятствует собственной или божественной доброй воле. Совесть – это также нравственное усилие человека в отношении самого себя, некий внутренний поступок, когда человек жертвует низшей, склонной к эгоизму, частью себя (телом и телесным удовольствиями) во имя сохранения и развития высшей, склонной к альтруизму части (души и духа). Совесть – это телесное самоотречение во имя возвеличивания своей души и непрерывного роста своего духа.

В свойственном Л. Н. Толстому понимании совести важна не свобода. Совесть не может быть свободной от совершенных человеком поступков и проступков, а также от влияния божественной воли. Для него в высшей степени важна работа совести по освобождению (отращению) от зла и побуждению (обращению) к добру. В этом смысл и суть действительно свободной совести, потому, что голос свободы – голос разума, а не тела и не чувства. Совесть освобождает и отклоняет мысль от телесного и склоняет, направляет к душевному и духовному. И чем больше человек живет по совести, тем больше он живет истинно свободной душевной и духовной жизнью. Великий гуманист был уверен в том, что сделанное на совесть и по совести человеку всегда доставляет радость.

Таким образом, работа совести оказывается данной чувству и в своих истоках (стыд или внутренний голос) и в результатах (радость). Всякий чуткий к самому себе и другим человек не может не иметь голос совести, особенно в отношении своих действий: «как будто в глубине души голос говорит, что это нехорошо». По мысли Толстого, совесть – это – «...голос того единого духовного существа, которое живет во всех²⁷ и которое не разъединяет, а объединяет людей в их духовной связи».

Как и во всем целостном понимании души и духа личности, Толстой открывает в совести такие аспекты, которые отсутствуют в научных трактовках этого сложнейшего феномена личной жизни человека. Совесть проявляет себя в плохом душевном самочувствии личности после каждого совершенного проступка. Но не только действие, поступок определяет природу совести. Всякое намерение, имеющее дурные следствия, пробуждают совесть. Даже развлечение, удовольствие, не приносящие пользы другим, становится основанием возникновения чувства совести. Для Толстого совесть

24. Панченко Н.В. Л.Н. Толстой: человек, поступок, личность. Пермь, 2000. – С. 29.

27 Толстой Л.Н. Путь жизни. М., 1993. – С. 25.

по своей природе многогранна. Определяющим же является выбор, обуславливающий тот или иной поступок. Суть совести это и есть непосредственный выбор доброго или злого поступка, полезного или вредного. Но доброго не столько для себя, сколько для ближнего, ибо добро тогда добро, когда оно - добро, прежде всего для другого. Различение чувства, желания, намерения, стремления рождает монолог голоса совести и поступка этого голоса – благо ближнего.

Таким образом, совесть по Толстому «есть лучший и вернейший наш путеводитель», освещенный разумным сознанием, сознанием жизни, соединенным с волей и характером человека. Созданное величайшим мыслителем жизнеучение, раскрывает духовный мир человека, его структуру в ключе философского реализма, что и делает его концепт и современным, и оригинальным.

Продолжая анализ проблемы совести в отечественной философии, уместно остановиться на учении о совести в работах И. А. Ильина. В своей работе «Аксиомы религиозного опыта» философ создает свою гипотезу о совести в контексте конечных целей бытия. Исследуя взаимосвязь греха, вины, совести и бытия, он определяет совесть как «целостное пребывание человека в луче Божьем». Но чтобы обрести совесть, необходим духовный труд и скорбь, ощущение и созерцание своего греха и греха вообще как свою вину. В этой связи Ильин проводит интересную классификацию неправильных поступков. Он выделяет «грех наследственный», «грех естественный», «грех беспомощности и неумения», «грех неосторожности, забвения и лени», «грех душевной затяженности извне», «грех безвольного подчинения», «грех от страха» и пр. Примечательно, что грех индивидуален в своем отрицательном бытии и многообразен: его нельзя онтологически преодолеть с помощью материальных пожертвований в пользу церкви. Для Ильина «духовный рост человека требует не самооправдания, а самобичевания». Для этого существуют два правила: узнавать свою вину в каждом отдельном поступке и не «гасить» чувство вины даже в том случае, если грех оплакан и «смыт покаянием».

Каждый человек, полагает Ильин, соучаствует в «вине всего мира», а потому, каждый злой умысел реально меняет бытие мира, и, наоборот, каждая благая мысль и действие влияют на установление мировой гармонии. Примером этого являются, по мнению Ильина, преподобные Сарафим Саровский и Симеон Столпник.

Через переживания своей вины человек очищается и становится проводником «волн добра». Если же иные оправдываются и мучаются «укорами совести», стремясь найти недостатки в других, они лишают свою совесть возможности творчески

преображать бытие. В результате – посылают лишь отрицательные «волны» в «мировой эфир». По нашему мнению, философ справедливо утверждает воздействие мысли и действия на окружающий мир, на природу, общество. Какие же пути, основные вехи предлагает великий философ для духовного развития личности, ее духовного обновления? Это прежде всего, вера. Надо научиться верить вопреки разуму от страха и растерянности, а веровать в силу очевидности, на основе личного опыта. Необходимо также научиться свободе. Свобода – это бремя, а не удобство жизни, или приятность. И надо научиться его нести, чтобы не потерять и пасть самому. Без нее нет настоящей веры и любви. Человеку нужно научиться и совестному акту. Совесть научит нас строить здоровую духовную семью. Она откроет нам искусство любить родину и служить ей. Кроме того, необходимо научиться чтить и строить наш семейный очаг. Это первое, естественное гнездо любви, веры, свободы и совести. Немаловажное значение придавал И. А. Ильин необходимости научиться духовному патриотизму. «Мы должны понимать, что люди связываются в единую родину силою веры, любви, внутренней свободы, совести и семейного духа, силою духовного творчества». Не мог обойти вниманием философ и национализм. Истинный национализм есть завершительная ступень в духовном восхождении личности. В нем, как в фокусе, собираются все духовные лучи. Они создают единую духовную атмосферу, единый путь, который необходимо прочувствовать и усвоить. Насколько актуальны предлагаемые И. А. Ильиным пути духовного совершенствования общества и личности в условиях глобального кризиса, понятно всем. Да вот только власть по-прежнему далека от народа, интересы которого и выражают мыслители.

Подводя краткие итоги развития понятия «совесть» в учениях русских философов, следует еще раз подчеркнуть то особенное, что отличает русскую философскую мысль от западной в плане мировоззренческой ориентации. Развивая учение о Природе, Духе, Абсолюте в рамках концепции Всеединства, философы органично выстраивают свои концепты в духе философского реализма, утверждая и логически обосновывая единство Природы и Духа, материального и идеального, которые и выступают двумя началами мира, тем самым продолжая традиции, идущие от древнегреческой философии. Бесспорно, что на основе философии реализма мыслители, анализируя понятие «совести», смогли наиболее полно показать противоположности эмоционального и рационального, долга и желания, блага и нравственных обязанностей, добра и зла, свободы и необходимости.

Самое общее замечание, касающееся понятия «совесть». С нашей точки зрения – это особая

интуитивно духовная способность человека исходить в своей деятельности и поведении из высоких нравственных принципов. Природа совести является имманентной всеобщности духа: единство всего со всем. Гармония души и тела выражается не только в чувстве любви, но и в чувстве совестливости. В этой связи необходимо признать ее амбивалентный характер. Двойственность человека, существующий выбор в мотивации обусловлены как высшими нравственными качествами, стержнем которых и

является совесть, так и безнравственными, к которым относят зло, ложь, предательство, насилие. Это – антиподы совести. Каждый человек знаком со своим внутренним голосом, который его направляет, регулирует, контролирует. Это эмоционально-рациональное нравственное чувство и есть совесть. Совесть — это своего рода духовный эмоционально-рациональный инстинкт, который более четко различает добро и зло. Кто следует голосу совести, тот не будет сожалеть о своих поступках.

И.В. КУТЫКОВА, к.ф.н., доцент СПбГТИ (ТУ)

Социокультурный феномен русского мира. Историческое сознание молодежи постсоветской истории и философско-историческое наследие отечественных мыслителей рубежа XIX-XX веков

«Картина» отечественной истории XX века, представляющая собой объект пристального внимания мыслителей XXI века, заключена в «раму» постимперской и постсоветской истории России. Для философского осмысления социально-философских, культурно-исторических феноменов данное время бесценно вследствие своего ярко выраженного пост-исторического характера. Под «пост-историческим» следует понимать отнюдь не завершение истории, иначе говоря, исчерпанность человеческой жизни многочисленных поколений, исход борьбы добра и зла, глобальное распространение либеральных ценностей. Пост-историческое движение человеческой жизни, с точки зрения философско-исторического осмысления человеческого бытия, главным образом, предполагает выявление «устойчивого» и «изменчивого», «наследуемого» и «приобретаемого» содержащегося в историческом сознании человека и общества, в том числе принадлежащих русскому миру. Кто они – обитатели русского мира и носители его наследия? Каковы их идеи, духовные потребности, сомнения, ожидания, воспоминания в порубежное время? Что известно им о своей современности?

Характеристика порубежного времени объемлет понятия «переходность», «исход», и «переломность», «этап», «период», «эпоха». На протяжении периода 80-х годов XX – первого десятилетия XXI вв. исследователи чаще всего избирают понятие «переходная эпоха» (одновременно используются понятия «этап», «период»), которое отражает исторический процесс рубежа XX-XXI вв., главным образом, в его глобальном масштабе, в связи с чем, справедливо говорить о современной эпохе как об очередной порубежной и переходной. Однако

рефлексия локально-исторического опыта в указанное время заостряет внимание на исторических событиях последнего десятилетия прошлого века, их отражении в сознании постсоветского человека. Глубина социальных, особенно, духовных, мировоззренческих изменений и проблем, охвативших русское (российское↔советское↔российское, постсоветское) бытие, скорее указывает на то, что рубеж XX-XXI вв. отечественной истории имеет характер именно переломной эпохи. Эпохальным событием в ней явилось крушение СССР, расколовшее отечественную историю на «советскую» и «постсоветскую». В качестве определяющей черты данной эпохи предстает переломное, или поворотное состояние и функционирование национального сознания, отечественного исторического сознания, культурной и культурно-исторической идентичности. В отечественной истории XX век на рубежах с XIX и XXI столетиями дважды явил переломную эпоху. Эти эпохи, имея ряд схожих черт, показывают, что их принципиальную особенность составляет тотальное сокрушение исторических оснований отечественного бытия, исторический нигилизм, редуцирующий многообразие исторического опыта и претендующий на утверждение метафизических оснований. История же во всех ее значениях предусматривает диалектическое единство изменчивости и устойчивости, инноваций и традиций, заимствования и самобытности. Сравнение двух последних рубежей веков в отечественной истории склоняет к признанию уникальности современной эпохи перелома истории. Она состоит в повторении ошибок и нежелании учиться у истории, что выражается в явлениях и проблеме исторического нигилизма, в сокрушении предшествующих основ отечественного исторического бытия, в крайностях, в утрате целостности отечественной истории, в проблеме преемственности. Переломная эпоха содержит в себе переходные периоды. Собственно, реформационные процессы указывают на переходные периоды, краткосрочные или долгосрочные по своему характеру.

«Переходность», «переломность» есть не только явление человеческого, общественного, исторического бытия и характеристика мира личностных и социальных переживаний, но и философская проблема. Эпоха рубежа веков на локально-историческом, российском, уровне заслуживает характеристики переломной эпохи, главным образом, в соответствии с процессами фундаментальной трансформации индивидуального и коллективного духовного бытия в контексте социально-исторических процессов и событий. Существует не только теоретическое, но и историческое основание для использования понятия «переломной эпохи» как адекватно отражающего сущность порубежной современности. В отечественной истории следует выделить эпохи трех переломных рубежей: XVII-XVIII вв. - эпоха петровских преобразований на основании иностранного заимствования, повлекшая вековые дискуссии «западников» и «славянофилов», «почвенников», «евразийцев» о путях развития России. XIX-XX вв. – эпоха кризиса самодержавия и распада Российской империи на двуликую Россию – Страну Советов, или СССР и Россию за рубежом, «русскую Европу, Азию, Америку»; эпоха духовного перелома, «серебряного века» русской культуры, сопряженная с интенсивным и надрывным поиском духовных оснований общества рубежа веков, нового религиозного сознания, с идеей возврата традиций Руси, воплотившейся в художественном творчестве, художественных стилях и объединениях. XX-XXI вв. – эпоха крушения СССР, глобализации и модернизации новой России; постмодернистской культуры, мультикультурализма, неподлинного бытия; эпоха подражания и заимствования, неведения России. Суть современной эпохи рубежа XX-XXI вв. в истории России заключается в том, что произошел беспрецедентный в своем роде перелом русского (российского, советского) мира. Он выразился не только в прерывности идеи и практики мессианской имперскости, как и на рубеже XIX-XX вв., но в территориальной, экзистенциальной, духовной рассеянности и растерянности, в связи с которыми главными мировоззренческими вопросами данной эпохи в российской истории являются вопросы: кто мы? Что есть Россия, в том числе в контексте глобализационных процессов? Каковы пути преодоления духовно-нравственного кризиса, проблемы преемственности и целостности в истории? Что такое русский мир?

Русский мир образует российская (русская) история и культура, ментальность (русская душа, русский характер), повседневность; особый тип культуры и цивилизации. Обращаясь к вопросу о субъекте русского мира, следует выделять принадлежность и приобщенность человека, социального субъекта (поколения, социальной группы

и т.д.) к русскому миру. Человек и многочисленные поколения принадлежат русскому миру вследствие того, что имеют родовую и социокультурную, сознательную и коллективно-бессознательную принадлежность к русскому народу, этносам, проживающим в географических пределах России, имеют гражданство Российской Федерации, относятся к социальным общностям, объединенным общими путями исторического развития. Приобщение к русскому миру предусматривает духовное расположение человека и социальных субъектов к русской истории и культуре, русской душе. Космополит, обращенный к русскому миру, с любовью, уважением, симпатией, душевной привязанностью, также является его частью. В ряду принадлежности и приобщенности к русскому миру находятся такие явления, как «русский иностранец», «постсоветский русский». Как отражается русский мир, в частности русская история, в сознании представителей постсоветского поколения на постсоветском пространстве?

Обращаясь к теме сознания современной молодежи, исследователи с тревогой отмечают главным образом проблему изолированности ее от реальности, пребывание в искусственной, виртуальной, среде, вследствие чего непредсказуемость ее реакции на жизненные явления. Главным манипулятором сознания выступают средства массовой информации. [1, 120-121] Наряду с данной проблемой и многими другими следует отметить, что молодежь нового поколения все же доверяет в первую очередь «живому» слову, кроме того, является носителем латентных предпочтений, ожиданий положительного характера, неразрывно связанных с отечественной историей.

Для представителей нового поколения, как показывают результаты исследования автора, типичен возрастающий интерес к истории (83% – 2006 г., 91% – 2010 г., 99% – 2013 г.). В течение 2006-2013 гг. в вопросе степени необходимости знания и понимания истории современник поколения 1990-х годов перешел от сомнения к уверенной предпочтительной позиции «необходимо обязательно».

Особое значение в ряду исторических периодов и стран, вызывающих не только интерес, потребность в знании и понимании, но и необходимых молодому человеку в контексте современной действительности, приобретает отечественная история.

Пристальное внимание респондентов, рожденных в начале 1990-х, согласно результатам 2006, 2010 гг., обращено, главным образом, на историю российского государства периода московского княжества, Российской империи, конца XIX – первой половины XX веков (эпохи Петра I и дворцовых переворотов, «время Екатерины II», «начало XX века», правление Романовых, в

частности Николая II). Относительно устойчивый характер носит интерес к истории Древней Руси (принятие христианства, истоки российского государства), возрастающий характер интереса студенческой молодежи связан с историей СССР (военная история, в частности Великая Отечественная война, II мировая война; распад СССР; 70-90-е годы), а также «всех/многих» периодов, в том числе «резких изменений», новейшей историей (перестройки, петровской России, времени своего поколения, XXI в., «IX-XX вв.», «1980-2006 гг.»). К 2013 году учащаяся молодежь акцентирует внимание на истории Отечества в XX веке, главным образом, истории СССР от начала возникновения до распада, в том числе культуры и быта в СССР. Во-вторых, привлекает внимание история России в XVIII веке, в частности правление Петра I, эпоха дворцовых переворотов, правление Екатерины II, и «все/многие» периоды, например, династия Романовых, XIX век, XIX- XX вв., в том числе военная история («1918-1945»); начало XVII века («смута»), XVIII- XIX, XVIII-XX века. История Древней Руси и постсоветской России («рубеж XX-XXI вв.», «современная эпоха», «1990-е – 2003 гг.») замыкают ряд исторических периодов, интересующих новое поколение в отечественной истории.

Примечательно, что для учащейся молодежи, приобщенной к русскому миру на постсоветском пространстве, в частности Эстонии, как показывают результаты исследования в 2013 году, история России представляет большой познавательный интерес. У 69% респондентов есть наиболее привлекательные исторические периоды, эпохи, события и лица. Для 53 % респондентов Таллина существуют периоды и события в истории Эстонии, которые привлекают внимание школьников. Затруднение при ответе на данный вопрос испытали 47% старшеклассников Таллина. Школьникам Эстонии интересна: вся история России, в том числе России и Европы; Древняя Русь, начало XX века (Николай II, революция 1917 года), СССР (в т.ч. Великая Отечественная война); XIX век.

Для первого постсоветского поколения актуальна тема исторического героя. Согласно результатам исследования, у большинства респондентов существует свой герой в истории (78,6% – 2006 г.; 67,5% – 2010 г.; 56% – 2013 г.). Относительно устойчивый характер имеют предпочтения молодежи в вопросе исторических лиц. По частоте упоминаний имен исторических героев в 2006-2013 гг. лидируют отечественные исторические лица, в частности политические деятели, на втором месте оказываются полководцы, военачальники, космонавты, замыкают ряд исторических героев деятели культуры. Исторические имена отечественной истории, занимающие устойчивые позиции в историческом сознании поколения 1990-х

таковы: Петр I, Екатерина II, Николай I, Николай II, В. Ленин, И. Сталин; Г. Жуков, А. Суворов, А. Невский, М. Кутузов, А. Колчак; А. Пушкин. Примечательная особенность состоит в том, что если в 2006 году учащаяся молодежь весьма малочисленно признает героями истории народ и представителей семьи и рода, то к 2013 году народ и родственники занимают третье место в рядах героев истории.

Называя имена исторических героев, представители поколения середины и второй половины 90-х гг. прошлого века показывают своими ответами старание в следовании их примеру в своей жизни, вырабатывая подобные качества в себе, ориентируясь на их жизненные подвиги. Например, школьники Таллина (64%) и Санкт-Петербурга (36%), уверены в значении данных примеров в своей жизни. Школьники России (85 упоминаний имен) и Эстонии (43 упоминания) признают героями истории преимущественно исторических лиц российской истории, затем личностей всеобщей истории (45 и 35 упоминаний исторических имен соответственно). Различия связаны с их ранжированием. Так, если для старшеклассников Санкт-Петербурга первостепенное значение имеют политические деятели, то для школьников Таллина – народ, родственники, участвовавшие в Великой Отечественной войне, и ее герои, полководцы, военачальники, затем политические деятели. Деятели культуры, представлены в сознании школьников весьма немногочисленно.

Интерес к истории проявляют 99% школьников Санкт-Петербурга и Таллина. В вопросе о необходимости знания и понимания истории для человека школьники Санкт-Петербурга (60%) и Таллина (51%) в 2013 году выражают уверенную позицию «обязательно необходимо». Знание истории следует рассматривать в качестве фактора бережного отношения современника к «историческому». Ведь, как справедливо считают школьники, во-первых, невежество, во-вторых, отсутствие воспитания определяют негативное и разрушительное отношение к прошлому. Прошлое надо знать, ибо оно не проходит, а всегда присутствует в настоящем и освещает путь будущего (60%), не знать и не интересоваться прошлым невозможно для человека, так как это путь никуда (32%). Таково единодушное признание школьников России и Эстонии.

Что сохраняется в сознании новых поколений, относящихся к социальной общности переломной эпохи? Обратимся к философско-историческим заветам мыслителей рубежа XIX-XX вв., для того, чтобы сравнить ожидания и предпочтения молодых современников, принадлежащих первому постсоветскому поколению.

Согласно С. Л. Франку, каждое поколение, каждый человек имеет значение в историческом

процессе. Жизнь народа или человечества – ближайшее целое, с которым мы связаны и частью которого мы являемся. Поэтому «вне родины и связи с ее судьбою, – как справедливо отмечает мыслитель, – вне культурного творчества, творческого единства с прошлым человечества и его будущим, вне любви к людям и солидарного соучастия в их общей судьбе мы не можем осуществлять самих себя, обрести подлинно осмысленную жизнь». [2, 527] Единичная личная жизнь человека и общая жизнь человечества взаимосвязаны, бессмысленность одной влечет и бессмысленность другой.

История, по определению С.Л.Франка, есть процесс относительно быстрого и все ускоряющегося потока событий и изменений состава и условий человеческой жизни. В своей последней работе «Свет во тьме. Опыт христианской этики и социальной философии», вышедшей в свет в 1949 году, мыслитель утверждает, что «единственно доступное нам положительное суждение о смысле истории состоит в том, что история есть процесс воспитания человеческого рода». [2, 449] Воспитание заключается в том, что прошлое не пропадает даром, а как-то соучаствует в настоящем, используется им, то есть происходит какой-то процесс накопления, обогащения. Накопление и обогащение означает, что история человечества, как и история индивидуальной жизни, есть процесс, в котором прошлое сохраняется в настоящем, то есть все последующее связано с предыдущим, «наслаивается и опирается на него и содержит его в себе». В силу данной особенности история немислима без исторической памяти.

В художественных образах своих литературных произведений Ф. М. Достоевский заключает философско-исторические идеи, призывая быть «послушником» в миру, стяжателем и распространителем в нем Божией благодати. Ведь история – «работа спасения», ведущая к «братству людей, всепримирению народов, обновлению людей на истинных началах Христовых». Идеальное и должное, сверхприродное – образцы развития истории, являющиеся необходимым звеном в цепи, протянутой от начала мира к его финальному преобразению, этап на пути к Царствию Небесному. Задачи нравственной работы отдельной личности сочетаются с вопросом о благой, христианской направленности всей коллективной, совокупной деятельности человечества. Одна из важных задач России, как полагал Ф.М. Достоевский, состоит в утверждении принципов «христианской политики», самопожертвования, «всеслужения». Воплотить в своей исторической жизни начала соборности и распространить их на Европу, все человечество, повернуть историю на Божьи пути призван славянский мир. История творится почвенным энтузиазмом народа, и никакие официальные

доктрины не в силах противостоять этой «свободе истории».

Люди без исторической памяти, как персонажи романов Ф.М. Достоевского, Версиров, Ставрогин, Раскольников, Свидригайлов, не могут положительно вписаться в действительность. Живая, действенная память о нравственных ориентирах препятствует превращению личности в элемент стада без самостоятельной воли, духовных устремлений, идеальных целей. Историческая память, прошлое, традиция способствуют сохранению идеалов, ценностей, благодаря которым человек не утрачивает способность аксиологически относиться к действительности, подниматься к доступным высотам. Причастность к нравственной традиции составляет историческую субстанцию человеческого бытия, одухотворяет и объединяет людей [3, 179, 182-183]. В философии Н.Ф. Федорова предлагается действенное воплощение исторической памяти. Деятельность человека не только связывается с космосом, но и направляется на его активное освоение и преобразование с целью обретения нового статуса бытия – бессмертного космического. В рамках космического направления русской мысли провозглашается достижение цели силами истории, предельной, имманентной истории, иначе говоря, определена ориентация исторического творчества по достижению Царства Божьего в истории, а не по ту сторону исторического процесса, после конца истории.

История, с точки зрения В.В. Розанова, являет собой «синтез» проявлений духа и жизни. [4, 73-75] В истории есть мысль, проявляющаяся в тысячелетиях, согласующая развитие народов, не знающих взаимно о своем существовании. Мысль эта живет «в нас и нашей истории», люди с их идеями, чувствами и желаниями есть только результат действия мысли. В истории велико значение субъективного, жизни людей. Центр новой истории – личность и семья. Действительное содержание истории состоит в ее мозаичности и эклектизме. Русская история проникнута началом мира. Народ русский проникнут началом гармонии, примирения «в незначительной мере в фактах, но гораздо более в стремлении, в заветных своих чаяниях, в том, что полагается окончательным» [5, 73-75]. Бытовые формы его, учреждения, церковь, образ правления – все должно быть обращено своим вниманием к центру, к его смыслу. Только тогда он будет «целое», а не набор непрочно соединенных частей.

Историю, как объективацию духа и момент внутренней судьбы духа, рассматривает Н.А. Бердяев. В понимании истории философом уделяется большое значение роли человека в истории, каждого поколения, исторической памяти. Нельзя историю рассматривать вне человека. Человек призван реализовать себя в истории, жить и

творить в ней, история – путь и судьба человека, отказываться от которой он не может.

Величайшая метафизическая тайна – память в человеке. Преображающая память о прошлом. Восстановление единства исторического процесса возможно в исторической памяти. Красота прошлого есть красота настоящего, преображенного прошлого, вошедшего в настоящее. Н.А. Бердяев отмечает значение победы памяти, как «энергии, исходящей из вечности во время», над падшим временем; исторического, перенесенного в глубины судьбы человека, что обостряет творчество человека и усиливает его стремление к осуществлению, торжеству добра в истории; прорыва личности к добру в истории, к завершению истории, как истории зла, в которой царят ненависть, жестокость, корысть, через моральные акты любви, милосердия, жертвы. Духовными силами истории predeterminedена справедливость мировых задач России.

Особенностью русской души, отмечаемой русскими философами, является также то, что «русские почти стыдятся того, что они русские; им чужда национальная гордость и часто даже – увь! – чуждо национальное достоинство». Н.А. Бердяев подчеркивает, что «ни один народ не доходил до такого самоотрицания, как мы русские». А истинное возрождение, по замечанию философа, заключается лишь в радикальном освобождении от всякого плена, от всякой подавленности и порабощенности внешнему, инородному и в раскрытии в себе внутренней мужественности, внутреннего света, духа царственного и творящего. Россия, являясь Востоко-Западом, призвана сыграть великую роль в приведении человечества к единству [6, 56-57]. Главными чертами истории русского духа являются идеи коммюнитарности и братства людей и народов.

Итак, обращаясь к вопросу социокультурного феномена «русский мир» в историческом сознании

нового постсоветского поколения, следует отметить, что внимание поколения 1990-х годов направлено на историю России, отечественную историю, его характер согласуется с философско-историческими заветами русских мыслителей рубежа XIX-XX столетий, «пост» - истории. Современная эпоха характеризуется кардинальными тотальными и универсальными социальными изменениями [7, 112]. Однако кроме негативных явлений и тенденций, в том числе связанных с сознанием современной молодежи, существуют положительные явления и тенденции. В их числе оказывается «русский мир», предстающий в качестве мировоззренческого ориентира новых поколений постсоветской истории.

Литература

1. Григорьев Б.В. Постсоветский человек. – СПб.: Изд. дом «Петрополис», 2010.
2. Франк С.Л. Смысл жизни // Смысл жизни. Антология. – М., 1994.
3. Тарасов Б.Н. Проблема личности и метафизика исторической памяти в мысли Достоевского // Достоевский и современность. Материалы IX международных "Старорусских чтений" 1994. – Новгород, 1995.
4. Пишун С.В. Социальная философия В.В.Розанова. – Владивосток, 1993.
5. Розанов В.В. Старое и новое // Литературные очерки. – СПб., 1902.
6. Бердяев Н.А. Азиатская и европейская душа // Судьба России. – М., 1990.
7. Бердзенишвили А.С., Горозия В.Е. Судьба человека в постсоветском социальном пространстве // Человек постсоветского пространства: сборник материалов конференции. Вып. 3 / Под ред. В.В.Парцвания. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2005. – С. 112-121.

В. Н. НОМОКОНОВ, к.т.н., Научно-методический совет по религиоведению общества «Знание», СПб, nomok@mail.ru

О некоторых духовно-нравственных аспектах русской поэзии XIX века

*«Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них».
(Лермонтов)*

Рассмотрение духовно-нравственных вопросов как части социально-философских воззрений русских писателей XIX века имеет целью проведение

характерных параллелей с современностью, извлечение соответствующих уроков, а также осуществление своего рода переключки между поэтами разных эпох. Предварительно упомянем три фактора, которые существенны в данном контексте.

Самостоятельный поиск истины. Сейчас, когда при исследовании нашего прошлого предлагается исходить из конъюнктурных установок, необходимо сосредоточить усилия на поиске объективных и глубоких ответов на актуальные вопросы, поскольку только истина имеет будущее. Подлинное свободомыслие XXI века отвергает надуманные запреты и априорные рамки, накладываемые на мысль теми, кто так или иначе заинтересован в замене истины полуправдой или прямой ложью.

Материя и дух. Мы не только живем на дне воздушного океана, но, как и все материальное, пронизаны духом, поддерживающим жизнь и несущим энергию и информацию. «Тело без духа мертво» (Иак. 2:26). Материальная и духовная реальности существуют объективно, взаимно дополняя друг друга, о чем подробно говорится в [1], так что наличие (духовно незрячих) людей, которые не замечают этого, не меняет сути дела.

Наличие серьезной опасности. В декабре 2000 года Патриарх Алексий выступил со следующим предупреждением: «Мы должны осознать, что против нашего народа ведется хорошо спланированная бескровная война, имеющая целью его уничтожить. В западных странах работает мирная индустрия растления... Мы не видим, чтобы кто-нибудь, кроме Церкви, всерьез противостоял этой смертельной угрозе». [2] За истекшие годы стало ясно, что одна РПЦ не может справиться с этим делом, хотя и предпринимает определенные меры (например, твердо выступает против легализации однополых браков, против ювенальной юстиции, против абсолютизации прав человека). Здесь необходимо положительное действие всех компонентов культуры, а также личные усилия каждого из нас.

Литература, с одной стороны, влияет на общество, внося существенный вклад в формирование мировоззрения людей, а с другой, – сама зависит от состояния общества, в лоне которого она создается.

О состоянии российского общества к началу XIX века. Общество находилось под большим влиянием идей Просвещения, Французской революции, а затем и наполеоновских войн. Распространялось вольтерьянство, которое в борьбе с ортодоксальным христианством принимало формы деизма, пантеизма и, главным образом, атеизма, а в качестве социально-политического идеала выдвигало «царство разума», подразумевавшее установление справедливого (по меркам идеологов) общественного устройства.

Однако за всем этим стояли скрытые силы тех, что к тому времени приобрели огромные богатства и, естественно, озаботились их сохранением и приумножением. Это были олигархи того времени, стремившиеся стать властителями мира и действовавшие посредством разного рода тайных обществ, а также с помощью влиятельных фигур, проводивших их политику в своих собственных интересах. Они, в частности, опасались роста народонаселения, для ограничения которого считали необходимым организацию и поддержку таких явлений, как войны, голод, эпидемии, подрыв института семьи, отказ женщин от рождения потомства, суициды, насаждение нищеты, поощрение порока и т.п. (Отметим, что английский священник и экономист Т.Мальтус опубликовал в 1798 году свою

провокационную в этом плане работу «Очерк о законе народонаселения».) Ясно, что в наше время такого рода политика продолжается, причем более изощренными способами, когда к древнему методу «разделяй и властвуй» добавляются глаголы «развращай, соблазняй, дезинформируй, оболванивай, манипулируй» и т. п. На это, в частности, и направлены всевозможные стрелялки-взрывалки-убивалки-грабилки-изнасилки в кино и на ТВ. [3]

Ясно также, что эти темные силы не способны на устойчивый заговор (поскольку их представители по своей природе склонны к взаимной вражде), но они способны на разного рода сговоры ради сохранения своих несметных неправедных богатств. Если кто-то сомневается в существовании этих сил и полагает, что разложение общества происходит «стихийно, само собой», пусть воспользуется критерием, который предложил Вольтер: «Чтобы узнать, кто властвует над вами, просто выясните, кого не позволено критиковать».

Усиленное распространение атеизма. Чтобы насаждать пороки в народных массах, нужно было подорвать в людях их внутреннюю религиозную веру. (Вспомним, например, про упомянутый Пушкиным крепкий барьер против неправды: «Богородица не велит!».) Дело облегчалось тем, что само священство того времени далеко отошло от проповедуемых ими заповедей, так что Вольтер, имея в виду католическую церковь, призывал «Раздавите гадину!». Сам же он признавал бытие Бога: «Если бы Бога не было, Его следовало бы выдумать; но Он существует! Вся природа говорит об этом». И в наши дни те же богоненавистнические (а по сути – человеконенавистнические силы) поднимают шумную волну «неоатеизма», невзирая на то, что сверхсложный геном подразумевает наличие Сверхразума, что сформулированный наукой антропный принцип указывает на действие Высшего Дизайнера, что сложность, гармония и красота природы не может быть делом случая и т.д.

Русская поэзия XIX века была подготовлена выдающимися предшественниками, значение которых признавал Пушкин – «солнце нашей поэзии»:

*«...меж тем как Дмитриев, Державин,
Ломоносов.*

*Певцы бессмертные, и честь, и слава россей,
Питают здравый ум и вместе учат нас...»
(«К другу стихотворцу»)*

В.А. Жуковский (1783-1852), друг и наставник Пушкина, первым обративший внимание на талант поэта-лицеиста и назвавший его «надеждой нашей словестности», писал, что поэзия всегда была «религии небесной сестра земная».

Г.Р. Державин (1743-1816), «благословивший» Пушкина, так определял истинное предназначение поэзии, этого «дара богов»:

*Сей дар богов лишь к чести
И к поученью их путей
Быть должен обращен, не к лести
И темной похвале людей.*

Четко миссию поэзии (беря шире, – миссию искусства) определил Пушкин в стихотворении «Я памятник воздвиг себе нерукотворный», рукопись которого была обнаружена среди бумаг поэта после его трагической гибели:

*И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу,
И милость к падшим призывал.*

На новом этапе развития российского общества этот мотив милости к униженным и оскорбленным развил и усилил Некрасов:

*...Но с детства прочного и кровного союза
Со мною разорвать не торопилась Муза:
Чрез бездны темные Насилия и Зла,
Труда и Голода она меня вела –
Почувствовать свои страданья научила
И свету возвестить о них благословила...
(«Муза»)*

«Доля народа, / Счастье его, / Свет и свобода / Прежде всего!» – эти строки из поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» отражают важные компоненты гражданственности, столь характерные для русской поэзии. В этом отношении еще Пушкин возвысил решительный голос, причем в мировом масштабе:

*Тираны мира! Трепещите!
А вы мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!
(Ода «Вольность»)*

Ему вторил Лермонтов, веривший в правоту дела дворянских революционеров, боровшихся с самодержавием:

*Сыны снегов, сыны славян,
Зачем вы мужеством упали?
Зачем? .. Погибнет ваш тиран,
Как всё тираны погибали!*

Скорбный мировой опыт (начиная с Французской революции) приводит к известному

выводу о нецелесообразности революций, поскольку «революцию готовят романтики, осуществляют фанатики, а ее плодами пользуются властолюбцы и негодяи». Как сказал Президент В.В. Путин (в январе 2008): «Лимит революций и гражданских распри Россия исчерпала еще в XX-м веке». Так что для нас более приемлем призыв Пушкина, прозвучавший в его стихотворении «К Чаадаеву»:

*Пока свободу горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!*

Эти порывы нужно каждому обратить, прежде всего, на совершенствование своей собственной души, так как в наше время требуется не очередная политическая, но именно «человеческая революция», чтобы человек по своей внутренней сути стал, наконец, соответствовать прогрессу технической цивилизации. В дальнейшем духовное развитие и образованность людей должны опережать развитие цивилизации, чтобы ее плоды шли на благо всей Планете.

Социально значимая направленность поэзии, роль поэта-гражданина и общественного деятеля утверждается в программном произведении Некрасова «Поэт и гражданин», ставшем поэтическим манифестом демократического направления в литературе:

*Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденье, за любовь.
Иди и гigni безупречно.
Умрешь недаром: дело прочно,
Когда под ним струится кровь.*

Действительно, многое достигается по духовному закону бескорыстной жертвенности, но при этом человек волен распоряжаться своей жизнью, а не жизнью других людей по своему произволу.

«Веленью Божию, о муза, будь послушна» - это означает, что поэт должен сочетать свою волю с «веленьем Божиим», (которое является всеблагим и непогрешимым) и тем обретать подлинную свободу творчества и достигать доступные ему вершины. В общем случае такое сочетание благотворно для каждого человека, стремящегося к высокой цели:

*Скоро сам узнаешь в школе,
Как архангельский мужик
По своей и Божьей воле
Стал разумен и велик.
(Некрасов, «Школьник»)*

Следуя веленью Божию как высшему для себя закону, поэт не станет конъюнктурно «прогибаться»

перед властями и пренебрегать духовными ценностями в погоне за материальными. Если же в поэте возобладает корысть, то от него отнимется творческий дар, и он превратится в ремесленника и потеряет свое счастье:

*Под игом лет душа прогнулась,
Остыла ко всему она,
И Муза вовсе отвернулась,
Презренья горького полна.
(«Поэт и гражданин»)*

Вспомним, как подобное явление (не объяснимое с чисто материальных позиций) описал и глубоко исследовал Гоголь в повести «Портрет».

В последнее время много говорится о целесообразности синергии, т.е. взаимодействия двух или более факторов, при котором итоговый эффект существенно превосходит простую сумму эффектов каждого отдельного компонента. Однако из Писаний и многих литературных произведений давно было известно, что наибольший эффект может дать добровольное и активное сотрудничество человека с Богом, который Всемогущ и Всеведущ. Описанный благородный образ музы дополняют черты «музы мести и печали» Некрасова – «Печальной спутницы печальных бедняков, / Рожденных для труда, страданья и оков».

*Стихи не пишутся – случаются,
как чувства или же закаты.
Душа – слепая соучастница.
Не написал – случилось так.
(А.Вознесенский)*

Поэзия – это сложный и высокий вид искусства, служение которому «не терпит суеты»:

*Не тот поэт, кто рифмы плесть умеет
И, перьями скрывя, бумаги не жалеет. (Пушкин)*

Пушкин не раз описывал сокровенный процесс создания стихов, начиная со времени его учебы в Царском селе:

*В те дни в таинственных долинах,
Весной, при кликах лебединых,
Близ вод, сиявших в тишине,
Являться муза стала мне.*

Муза – это поэтическое олицетворение его творческого дара – слетала к нему, как некая чудесная гостья, "оживляя" его свирель "божественным дыханием и сердце исполняя святым очарованием". Эпитеты "божественный и святой", которыми так часто пользуется Пушкин в применении к своему поэтическому вдохновению, не были только

красивой метафорой: в них скрывается глубокий сакральный смысл, подлинное ощущение духовной связи поэта с иным миром.

Вот как об этом писал поэт, находясь в родовом имении Болдино:

*И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просят к перу, перо к бумаге.
Минута – и стихи свободно потекут.*

Другими словами, истинный поэт является посредником между двумя реальностями, представляет собой как бы канал, по которому свыше устремляется дух, несущий людям истину, добро и красоту. Недаром Есенин прямо называл себя «Божьей дудкой».

Есть и альтернативное мнение, высказанное Маяковским, в статье «Как делать стихи?»: «Поэзия — производство. Труднейшее, сложнейшее, но производство». «Лучший, талантливейший поэт советской эпохи» насмехается над теми, для кого основным процессом якобы «является вдохновенное задиранье головы, в ожидании, пока небесная поэзия-дух сойдет на лысину в виде голубя, павлина или страуса. Разоблачить этих господ нетрудно. Достаточно сравнить татьянинскую любовь и «науку, которую воспел Назон», с проектом закона о браке...». Такой вот примитивный, утилитарный взгляд на тонкое явление и столь ограниченная чувствительность в области духа. Конечно, при выполнении «социального заказа», идущего вразрез с духовными установками, трудно ожидать помощи свыше, однако во многих его стихах вдохновение проявилась явным образом.

Еще раз обратимся к Некрасову: «Литература не должна наклоняться в уровень с обществом в его темных или сомнительных явлениях. Во что бы то ни стало, при каких бы обстоятельствах ни было, она не должна ни на шаг отступать от своей цели – возвысить общество до своего идеала – идеала добра, света и истины». Однако далеко не все следуют этому принципу:

*Где вы – певцы любви, свободы, мира
И доблести?.. Век «крови и меча»!
На трон земли ты посадил банкира,
Провозгласил героем палача...*

С предельной выразительностью сказал Лермонтов:
*Чего б то ни было земного
Я не соделаюсь рабом.
(«Я не унижусь пред тобою»)*

И вот сейчас, когда мы научились преодолевать естественное притяжение Земли, необходимо научиться преодолевать излишнее притяжение

земного, поскольку иначе погрязнем в пучине потребительства и прочих пороков.

Литература не должна быть простым зеркалом существующего порядка вещей, не должна скатываться к натурализму под предлогом «показа правды жизни». Сейчас, например, подняли голос апологеты использования ненормативной лексики в художественных произведениях (по сути – для дурной популярности и повышения рейтинга).

Возьмем для примера поэму Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»: многие ее герои, наверняка, использовали матерщину, но выиграла ли бы поэма, если бы автор прибегал к матерным выражениям? Нет, наоборот. Подлинный поэт, создающий достойные произведения, не нуждается в «усилителях безвкусицы». А пример пьесы «На дне» или поэмы «Василий Теркин»?

Высокую планку чистой и разумной любви к Родине задал выдающийся мыслитель и добрый друг Пушкина П.Я.Чаадаев (1794-1856): «Слава Богу, я всегда любил свое отечество в его интересах, а не в своих собственных... Я предпочитаю бичевать свою родину, предпочитаю огорчать ее, предпочитаю унижать ее, только бы ее не обманывать... Я люблю мое Отечество, как Петр Великий научил меня любить его. Мне чужд, признаюсь, этот блаженный патриотизм, этот патриотизм лени, который умудряется все видеть в розовом свете и носится со своими иллюзиями».

По-своему выразился Пушкин: «Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног – но мне досадно, если иностранец разделяет со мной это чувство.» Лермонтов, уезжая в ссылку на Кавказ, с горечью пишет:

*Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.*

Вспомним, что Тургенев не мог «не власть в отчаяние при виде всего, что совершается дома», но находил опору в нашем могучем языке: «нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»

Но не только язык или воинская слава, или прежние достижения являются главной опорой для нашей любви к Родине, а, прежде всего, «умный, бодрый наш народ» (Грибоедов, «Горе от ума»), «В рабстве спасенное / Сердце свободное – / Золото, золото / Сердце народное!» (Некрасов), а также вера в глубинную силу, открытость и чистоту народной души.

Еще раз прочтем у Лермонтова:

*Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.*

*Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья...*

Некрасов любит страну за широкие возможности для созидания: «Там уж поприще широко: / Знай работай да не трусь... / Вот за что тебя глубоко / Я люблю, родная Русь!», а также за то, что она «выводит из народа» «Столько добрых, благородных, Сильных любящей душой». Действительно, во всех испытаниях в России оказывалась достаточная (а не просто критическая) масса подвижников, что и обеспечивало успех её дела.

Общеизвестно сбывшееся пророчество, сделанное Лермонтовым еще в 1830 (разве это не свидетельствует о действии духа?):

*Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь...
(«Предсказание»)*

Однако поэзия провозглашает исторический оптимизм. Так, Пушкин, ощущая духовный сон современного ему общества, заверяет:

*Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,...*

Теперь нам не так важно, чьи имена будут написаны «на обломках самовластья»: «Сочтемся славою, ведь мы свои же люди» – восклицал поэт в XX веке: Важно, чтобы Россия поднималась не как угроза другим народам, а как притягательный пример организации достойной жизни для всех.

Некрасов сознавал, что «полнота времен», необходимая для действий, еще не настала, и думал о будущем:

*В минуты унынья, о родина-мать!
Я мыслью вперед улетаю.
Еще суждено тебе много страдать,
Но ты не погибнешь, я знаю.
Был гуще невежества мрак над тобой...*

Этому уверенно вторит бард нашего времени: «Из худших выбирались передряг...».

Вот в чем Некрасов видел залог грядущего возрождения России:

*Не верь, чтоб вовсе пали люди;
Не умер Бог в душе людей,*

*И вопль из верующей груди
Всегда доступен будет ей!
(«Поэт и гражданин»)*

Однако погрузившиеся в трясину порока люди не могут сами собой освободиться от нее, а увязают еще глубже. Приходило осознание того, что нужен Божий Посланник, Пророк, который принес бы новое Слово и открыл новую Эру в истории человечества – желанную эру справедливости, мира, благополучия и братства. Об этом, в частности, взывал А.Н. Плещеев (как участник кружка Петрашевского он был арестован и сослан почти на десять лет):

*Где Он? Нас к бездне привела
Стезя безверья и порока!
Раbam позорной лжи и зла
Пошли, пошли, Господь, Пророка,
Чтоб речь его нам сердце жгла
И содрогнулись мы глубоко! (1858)*

Долгожданная эра не может наступить без активнейшего участия людей, и поэтому вопрос «Что делать?» встал перед всеми мыслящими людьми. Вот как ответил на него А.К.Толстой в стихотворении «Против течения», которое звучит очень современно:

*Други, вы слышите ль крик оглушительный:
«Сдайтесь, певцы и художники! Кстати ли
Вымыслы ваши в наш век положительный?
Много ли вас остается, мечтатели?
Сдайтесь натиску нового времени!
Мир отрезвился, прошли увлечения –
Где ж устоять вам, отжившему племени,
Против течения?»*

*...Други, гребите! Напрасно хулители
Мнят оскорбить нас своею гордынею –
На берег вскоре мы, волн победители,
Выйдем торжественно с нашей святынею!
Верх над конечным возьмет бесконечное,
Верю в наше святое значение
Мы же возбудим течение встречное
Против течения! (1867)*

А.Ф. ОРОПАЙ, доцент СПбГАУ.

Топика культуры и пространство войны в «войне и мире» Л.Н. Толстого

Под *топикой культуры* понимают некоторую совокупность «общих мест» духовной жизни культуры, актуализация которых конечно же небезразлична к конкретным «топосам» (по греч. – место), где осуществляется культурная жизнь. Театр военных действий можно отнести к числу такого рода

Это добрый пример противостояния дурным течениям нашего века (включая злоупотребления свободой, толерантностью, правами человека в ущерб обязанностям и т. п.), которые пока что набирают силу, но впоследствии обнаружат свою пагубность и будут отброшены.

Подведем итог словами Некрасова: «Нет науки для науки, нет искусства для искусства, – все они существуют для общества, для облагораживания, для возвышения человека, для его обогащения знанием и материальными удобствами жизни». Если искусство пробуждает не «чувства добрые», а низменные инстинкты, то получаем анти-искусство и столь злокачественные стихи, что лучше бы их не было. Вместо античеловечного лозунга «Разделяй и властвуй!» утвердится плодотворный лозунг «Объединяй людей и служи им». Чтобы это стало реальностью, нужно многое сделать совместно, в единстве, для чего необходимо осознать, что все мы – дети одного Небесного Отца и что религии ниспосылаются из одного духовного Источника, как это, например, показано в [4]. Если же человек отрекается от образа Божия, то он обращается к «образу животного».

Литература

1. Обухов В. Л., Сальников В. П., Алябьева З. С. Реалистическая философия. Учебник для Вузов. – СПб: Химиздат, 2009.
2. Слѣзин В. Б. Геноцид белой расы. Кто виноват? В чем причины? – СПб.: 2007. – 144 с.
3. М. Мусин. Изобретательными англосаксами запущен механизм самоликвидации России. Ресурс <http://www.russiapost.su/archives/18067>; 17 февраля 2014 г.
4. Безант А. Братство религий. – М.: Амрита-Русь, 2008. – 176 с.

критических мест. Великий русский писатель-реалист Л. Н. Толстой, имевший обширный опыт боевого офицера, может быть, как никто другой, заострил вопрос о связи культурной топики и военной топологии. Среди его произведений особое место принадлежит роману-эпопее «Война и мир». В самом его названии подразумевается, что пространство и время *войны* радикально отличны от таковых *мира* (*мир*, по В. Далю, это «вещество в пространстве и сила во времени»). В этом названии конкретное (война) и отвлеченное (мир как *мир*) парадоксальным

образом соединяются. *Война* противна *миру*, но она дает шанс людям через неисчислимые бедствия постичь истинный мир Божий.

Рассмотрение истоков и отзвуков толстовских идей относительно пространства войны представляется актуальным. Компаративный подход для такого рассмотрения в методологическом отношении наиболее перспективен.

Известный отечественный культуролог и литературовед А. М. Панченко рассматривал проблематику топики культуры в аспекте темы войны в русской литературе, выделяя «общие места» в литературно-баталистической традиции. Панченко, ссылаясь на Д.С. Лихачева, отмечал родство русской воинской повести XIII–XVII вв. и толстовской эпопеи в том, что в них «сходно, с помощью одинаковых литературных средств воплощается народный нравственный кодекс: «Все значительнейшие воинские повести посвящены оборонительным сражениям в пределах Русской земли. <...> Историческая сторона романа в ее нравственно-победной части вся оканчивается в России, и ни одно событие в конце романа не переходит за пределы Русской земли» [4, с. 261].

Л.Н.Толстой в своем произведении стремился показать не только военно-политические, военно-бытовые и психологические реалии кампании 1812 г., но и ее *метафизику*. Что касается последней, то он не первооткрыватель. Так, русский философ и писатель Д.С. Мережковский в своей книге о Наполеоне отмечал, что французский император в русском походе столкнулся с препятствием «невещественным, неосязаемым – с Пространством» [2, с. 124]. Важно в данном случае, что о том же *еще до начала войны* 1812 г. предупреждал Наполеона император Александр I через французского посла в Петербурге А. Коленкура. Такие «невещественные, неосязаемые» факторы кампании в России связаны с историческими особенностями русской культуры.

Всякая культура не только развертывается во времени, но и локализуется в пространстве. Образовавшаяся в IX в. Киевская Русь географически располагалась в бассейнах крупных водных артерий (Нева, Волхов, Днепр и др.), входивших в магистральный водный *путь из Варяг в Греки*. И *варяжский*, и *греческий* элементы издавна присутствовали в ее культуре; первый – в военно-политической сфере, второй – в сфере духовно-религиозной. Принятие Русью в 988 г. христианства по греческому обряду способствовало обогащению русской культуры достижениями византийской и античной философской мысли. Вместе с тем основные канонические и богослужебные тексты были переведены на старославянский язык, что с самого начала «отдалило» русскую религиозность от ее духовной «прародины». Константинополь не стал для Руси тем, чем был Рим для средневековой

Западной Европы – средоточием духовной власти, городом, куда «ведут все дороги». Он остался далеким заморским былинным Царьградом, в значительной степени отделенным от русских культурных реалий.

Естественно, с самого начала встал вопрос о формах продуктивного соединения двух указанных культурных компонент, выражающих соответственно воинственную мужественность и религиозное служение. Справедливо считается, что великий князь киевский *Владимир Мономах* (1053–1125) в своем знаменитом «Поучении» стремился связать воедино религиозно-нравственные и военно-политические вопросы. «Епископы, попы и игумены..., – говорится в «Поучении», – с любовью принимайте от них благословение и не сторонитесь их... Более всего гордости не имейте в сердце и в уме, но скажем: смертны мы, сегодня живы, а завтра в гробу; это все, что ты нам дал, не наше, но Твое, поручил это на малое время. <...> На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод, ни питью, ни еде не потворствуйте, ни сну, сторожевую охрану сами наряжайте, и ночью, расставив воинов со всех сторон, ложитесь, а рано вставайте, а оружия снимать с себя не торопитесь...<...> А вот вам и конец всему: страх Божий имейте превыше всего» [1].

Однако княжеская «гордость в сердце», как показала история, совсем не была преодолена религиозно-нравственной проповедью, из каких бы кругов – светских или церковных – та ни исходила. *Горизонтальные* препирательства между князьями превалировали над *вертикалью* – как властной, так и направленной к небесам. Трагическая история похода 1185 г. на половцев, поэтически изображенная *неизвестным автором «Слова о полку Игореве»*, пророчески предупреждала о неизбывных опасностях, грозящих Руси со стороны южных открытых степных пространств – при отсутствии внутреннего единения во властной элите. Покуда воинственные князья с их дружинами озабочены, по преимуществу, завоеванием и дележом славы и трофеев, неизбежна ситуация, когда «погании съ всех странъ приходяду съ победами на землю Рускую». Воспевание в «Слове» княжеских подвигов в битве, в которой «летять стрелы каленя, гримлють сабли о шелома, трещать копия харалужныя», понимать ли это в пафосном или ироническом ключе, сродни воинственной поэтике североевропейских скальдов. Князь Владимир Святославич (*Святой* по христианской вере *греческого* обряда) своим политическим и духовным авторитетом лишь временно приглушил этот *варяжский* элемент.

Рефреном звучащая фраза из «Слова» «О Русская земля! Уже за шеломянем еси!» вряд ли может считаться неким маркером, разделяющим справедливость и несправедливость в описываемых военных действиях. В этих словах читается не

этическое *осуждение*, но мистическое *предупреждение* об утрате чудодейственной силы, истекающей от родной земли. Воины Игоря, которые «полегоша за землю Русскую», вели оборонительные сражения, хотя и не в пределах Русской земли.

Чрезмерно героизировать Игоря не следует, также как и разоблачать его как зловерного организатора «сепаратной» провальной военной экспедиции. Герой он или антигерой – этот вопрос представляется праздным. Напрашивается аналогия: тот неведомый франкский воин, который, повинувшись традиции германской *военной демократии*, разрубил боевой секирой знаменитую «суассонскую чашу», разрушив таким образом религиозно-политические планы «первого короля-христианина» Хлодвига – кто он? Закосневший варвар-ретроград или борец с новоявленной тиранией? Ответ зависит от идеологической позиции отвечающего. Одно неоспоримо: в реальной культурной жизни находится место и рационально принятому *самоограничению*, и иррациональному *самоволию*. В случае с князем Игорем очевидно превалирует второе. Его гордое хотение «копие приломити конец поля Половецкаго» выглядит пугающим для русского культурного целого: где он, этот «конец»? Это опасение в конкретной военно-политической ситуации было оправданным: поход 1185 г. имел пагубные последствия, однако в принципе *двухмерное земное* основание иерархической пирамиды Русского мира (в котором властная и небесная вертикали *в идеале* должны образовывать *симфонию*) вовсе не обязательно статично и демаркировано. Истекло должное время и, выражаясь пушкинскими словами, «друг степей» так или иначе интегрировался в общероссийское культурное пространство.

В русской литературе отмеченные выше противоположные культурные черты получили должное отражение. Так, в историческом романе А.С. Пушкина «Капитанская дочка» самоограничение и самоволие показаны в их противоречивом единстве. Два протагониста – Петр Гринев и Емельян Пугачев (которому по официальной версии, казалось бы, заготовлена роль *антагониста*) демонстрируют такое единство. Для Гринева мир иерархичен. Он обязан присягать Государю, тот – помазанник Божий, и ему, офицеру, выпадать из этой обращенной к небесам вертикали, «жить убийством и разбоем значит... клевать мертвечину». Иное дело Пугачев; здесь символом может послужить не иерархический *крест*, связывающий воедино горний и дольний миры, а языческое *колесо* фортуны, которое неизвестно как может повернуться: «А разве нет удачи удалому? Разве в старину Гришка Отрепьев не царствовал?». Действительно, чем предводитель казацко-мужицко-инородческого войска хуже, например, главаря варяжской дружины, ставшего в IX

в. основателем правящей на Руси династии Рюриковичей?

В самом диалоге (открытом или немом), который у Пушкина ведут Гринев с Пугачевым, содержится надежда на возможность гармонии земного и небесного. Пугачевские смелость, удасть, предприимчивость, готовность к риску суть черты характера столь же необходимые в деле освоения бескрайних российских просторов, как и идеализм Гринева. В другом произведении и в применении к иным историческим обстоятельствам (отечественная война 1812 г., столь интересная Толстому для художественного осмысления) Пугачев аттестуется Пушкиным возможным «урядником лихим» в «передовом отряде» партизана Дениса Давыдова. У Пушкина в романе отсутствует официальное обличение Пугачева как метафизического «злодея». И это не случайно. В русской культуре как образ присутствовал «воитель смелый, мечом раздвинувший пределы богатых киевских полей»; в противном случае, Русь так бы и осталась *Киевской*. И нет гарантии, что такой воитель, подобно пушкинскому Рогдаю, не поднимет вследствие каких-то причин меч на своих. Термин «военная оппозиция», возникший в период Гражданской войны, допустимо применять и расширительно. Тому немало примеров – от былинного бунта Ильи Муромца против киевского князя Владимира до недавнего «потешного» судебного преследования штатского экс-министра обороны Сердюкова, одна из причин которого может быть выражена измененной ленинской фразой: «Не надо *раздражать* человека с ружьем».

Историко-политический финал «Войны и мира» в чем-то противоположен, а чем-то – сходен с таковым «Слова о полку Игореве» (речь идет именно о художественном произведении, а не о жизнеописании исторического князя Игоря Святославича). Князь потерпел поражение, и, бежав из плена, первым делом пришел в киевский храм «святей богородицы Пирогощей». Царь, напротив, добился невиданного триумфа, разбив во главе коалиции наполеоновскую империю. Однако, обретя мировую славу и общеевропейское влияние (и наскучив ими) примирился с Божьим миром, самоустранившись от политических, военных и династических дел. Оба владетеля потерпели поражения – один военное, другой нравственное, оба обратились к Богу, но с противоположными последствиями. В первом случае обращение к Богу – залог грядущих побед и благоденствия: «Страны ради, гради весели». Во втором случае, «страны и грады» вынуждены обращать взоры на других политических деятелей, в большей степени укорененных в земных пространствах. Самоустранение царя от земных дел способствовало появлению слухов о том, что тот не умер в 1825 г., а,

приняв имя Федора Кузьмича, стал святым старцем. Этот сюжет живо интересовал Толстого, фигура царя-старца ему явно импонировала (известно, что сам для себя он замышлял подобный уход). Сюжет раскрывается в незаконченной повести «Посмертные записки старца Федора Кузьмича» (1905), которую можно считать развитием некоторых идей «Войны и мира». В «Записках» говорится: «Я делал и разделявал конституции в Европе, и что и кому от этого стало лучше? И главное, кто я, чтобы делать это? Главное было то, что вся внешняя жизнь, всякое устройство внешних дел, всякое участие в них – а уж я ли не участвовал в них и не перестраивал жизнь Европы – было не важно, не нужно и не касалось меня. Я вдруг понял, что все это не мое дело. Что мое дело – я, моя душа» [6, т.12, с. 135]. Слова эти записаны как бы в заочной полемике с «заговорщиками» (декабристами). Последних можно отнести к упомянутым выше *новым* политическим деятелям. В конце статьи мы еще вернемся к декабристскому мотиву финала толстовской эпопеи.

Неприятие «внешней жизни» показано Толстым и на военно-историческом материале. Так же бессмысленно давать штабные распоряжения и составлять диспозиции, как и сочинять конституции. Эту мысль отстаивал Андрей Болконский при последней встрече с Пьером Безуховым перед Бородинским сражением: «Успех никогда не зависел и не будет зависеть ни от позиции, ни от вооружения, ни даже от числа; а уж меньше всего от позиции» [6, т. 5, с. 183]. Особое негодование князя Андрея вызвала случайно услышанная фраза немецкого военного теоретика о том, что «война должна быть перенесена в пространство». Очевидно, имеется в виду бездушное математическое пространство в духе Ньютона, вместившее всего, что подчиняется схематике и формализации. Для князя Андрея и его сослуживцев предстоящее сражение должно было явиться *духовным подвигом*. Однако известно, что в Бородинской битве русские войска понесли потери, статистически не оправданные для обороняющихся. Причем основной урон был нанесен артиллерийским огнем противника. Это нашло отражение и в толстовском романе: полк князя Андрея, не вступив в бой, более чем на треть был выкошен «усиленно-сосредоточенным огнем из нескольких сот неприятельских орудий». Поневоле это подводит к мысли о вовсе не ничтожном значении на войне пространственного расположения войск, организации управления и качества вооружения и выучки.

По мнению Андрея Болконского, понимание всеми войны в ее ужасной сущности, вне «цивилизованных» и рационализированных форм, привело бы к тому, что «все эти вестфальцы и гессенцы, которых ведет Наполеон, не пошли бы за ним в Россию, и мы бы не ходили драться в Австрию и Пруссию, сами не зная зачем» [6, т. 5, с. 186]. В этих

словах звучит мотив *народной войны*, имеющий непосредственное отношение к теме топики культуры в трактовке А.М. Панченко. Народная война не является «продолжением политики», вопреки утверждению столь нелюбимого Болконским немецкого теоретика. Вождем такой войны в романе выступает М.И. Кутузов; политические цели войны, по версии Толстого, ему были чужды: «Кутузов не понимал того, что значило Европа, равновесие, Наполеон.<...> Представителю русского народа, после того как враг был уничтожен, Россия освобождена и поставлена в высшую степень своей славы, русскому человеку... делать больше было нечего. Представителю народной войны ничего не оставалось кроме смерти. И он умер» [6, т.6, с.180]. В народном сознании трехлетняя по сути война с Наполеоном (с учетом кампании 1815 г.) ограничена одним «блаженной памяти» 1812-м годом.

У Толстого в том разговоре перед сражением князь Андрей – человек войны, разочаровавшийся в политике – возможно, не вполне искренне, сожалел, «что стал понимать слишком много». Такой мотив явного или скрытого конфликта *людей войны и людей политики* присутствует и в советской фронтовой прозе. Подробно этот вопрос разбирается в другой нашей работе[3].

В этом аспекте представляет особый интерес творчество К.М. Симонова – русского писателя и советского офицера–участника войны. Непосредственный эмоциональный опыт постижения войны стал базой для позднейших историко-прозаических произведений Симонова о войне, среди которых особо выделяется роман «Живые и мертвые».

Большой роман-трилогия о войне не завершается ее концом, а как бы прерывается случайной гибелью главного героя, генерала Серпилина. И это отчасти напоминает заключительную часть толстовской эпопеи. Действие третьей книги романа заканчивается в то же время года и в тех же краях, где начинается первая, на территории Белоруссии [5]. С помощью этого художественного приема утверждается право людей войны иметь *свои* особые пространственные и временные пристрастия. В этом смысле, гибель Серпилина – событие сродни символической смерти Кутузова в «Войне и мире» – в канун *заграничного* похода. В свою очередь, смерть Кутузова в толстовском произведении показана в ветхозаветной тональности – как смерть пророка Моисея *на границе* обетованной земли. Человек символически остается в том пространстве и том времени, где имела место пиковая точка его личностной самореализации. В такой самореализации присутствует не только *решимость умереть*, но и овладение *наукой побеждать*.

Чем дальше фронт удаляется от центра, тем ближе его (фронта) *временной* финал, а следовательно, и возобновление во времени *пространственного* всевластия политического центра. Граница, отдаляясь от центра, как бы по законам обратной перспективы, «приближается» к нему.

Выше, когда шла речь о «Слове о полку Игореве», упоминалось о своеобразной культурной *агорафобии* – боязни открытого пространства. Анализ романа Симонова показывает иную «фобию» – перед потенциальной закрытостью пространства (уже не физического, а социального).

А.М. Панченко одним из «общих мест» русской культуры считал положительную нравственную оценку войны только в *границах* Русской земли. Как было показано выше, это не совсем так. Впрочем, у Панченко задаются временные рамки такой моральной практики. Если иметь в виду *пространство* Европейской России, то XIII–XVII вв. – в целом *время* утраты, а затем возвращения территорий после монгольского нашествия. Поэтому «границы Русской земли» – понятие растяжимое. Однако такое *временное* ограничение не вполне согласуется с понятием топики культуры.

В любом случае, *мировой* масштаб войны, описанной в прозе Симонова, неизбежно вносит свои коррективы. Происходит смещение ценностей – из общественной сферы в личностную. Пересечение границы своей земли более не выглядит нарушением нравственной границы. Люди войны бывают озабочены другим – возможным нарушением границы сферы собственной личностной самореализации. Такое смещение в свою очередь актуализирует вопрос о временной динамике самой топики культуры.

Велик соблазн в трактовке культурной топики делать смещение в сторону *должного* в ущерб *сущему*. Например, для памятника богатырю Илье в городе Муроме (1998) скульптор В. Клыков изваял идеальный образ воина-монаха, без всякого намека на его потенциальную «бунташность». При этом постамент памятника автор украсил фигурами грифонов – геральдических животных дома Романовых (видимо, анахронически намекая на безраздельную преданность Муромца правящей династии).

Видимо, этого соблазна не избежал и *религиозный мыслитель* Л.Н. Толстой. Однако как

художник-реалист он не мог не показать и иную сторону топики русской культуры. В Эпilogue толстовской эпопеи показано, как Пьер Безухов, прошедший ужасы сражения, оккупации и плена, несмотря на то, что он проникся *народным* («каратаевским») *миропониманием*, примкнул-таки к тогдашней «военной оппозиции» – движению декабристов. История этого радикального движения, которое, как известно, «разбудило» новые общественные силы, включает в себя пересечение множества границ – географических (в период кампаний 1813–15 гг.), сословных, психологических и субординационных. Пространство войны парадоксальным образом оборачивается *пространством* свободы. Пересечение *пространственных* границ в конечном итоге выводит культуру на новые *временные* границы.

У Толстого-мыслителя, для которого война – «противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие», пространство этой войны не должно выходить за пределы ареала обитания автохтонного населения. Только в этом случае ущерб вселенскому *миру* может быть приемлемым. Здесь явно делается акцент на внеисторической *статике* в ущерб временной *динамике* культуры.

Литература

1. Владимир Мономах. Поучение Владимира Мономаха // read24.ru/vladimir-monomah-pouchenie-vladimira-monomaha/1.html.
2. Мережковский Д.С. Наполеон. – Нальчик: Логос, 1992.
3. Оропай А.Ф. Советская фронтовая проза и проблема границы в российской культуре (на основе произведений К. Симонова и В. Богомолова) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Научный журнал. – 2010. – № 2. – Т 2. – С. 232–239.
4. Панченко А.М. О русской истории и культуре. – СПб.: Азбука, 2000.
5. Симонов К.М. Живые и мертвые. – М.: Сов. писатель, 1977. – Кн. 3.
6. Толстой Л.Н. Собрание художественных произведений. – М.: Правда, 1948.

В творческом наследии выдающегося русского писателя М. Е. Салтыкова-Щедрина сравнительно небольшой по объему роман «История одного города» всегда привлекал пристальное внимание литературоведов и историков. Его по праву оценивали как одно из самых значительных социально-сатирических произведений великой русской литературы. В дореволюционные и советские времена исследователи рассматривали роман почти исключительно в русле острой критики исторического опыта системы самодержавия и современной писателю социальной и политической реальности. Для творческого метода Салтыкова-Щедрина использовались определения «сатирическая фантастика» (Б.М. Эйхенбаум), «реалистическая фантастика» (А.С. Бушмин)¹. В настоящее время намечилось расширительное, не ограничивающееся русской историей и действительностью толкование смысла произведения. Так, некоторые критики придают произведению новаторское значение. По их мнению, описание правления Угрюма-Бурчеева является фантазмагоричной кульминацией «Истории одного города» и, благодаря гротескным приемам, описывающим попытки казарменного, доктринерского переустройства в сюжете, роман может считаться одним из первых опытов антиутопии в русской литературе². Более того, вполне определенно писатель сравнивает этого градоначальника с социалистами и коммунистами, относя его к «числу самых фантастических нивелляторов этой школы».

Все это вполне справедливо. Произведение Салтыкова-Щедрина настолько многомерно, имеет такую массу подтекстов, в нем используется столь широкий круг литературных приемов, что это позволяет видеть в нем самые разные жанры и смыслы. Между тем, мало кто обращал внимание на глубинную, философско-культурологическую сущность романа. В литературе, например, часто приводят восторженный отзыв И.С. Тургенева, где он говорит об «Истории одного города» как о «сатирической истории русского общества во второй половине прошлого и в начале нынешнего столетия, изложенной в форме комического описания». Но мало кто цитирует продолжение, где уже говорится о «странной и поразительной книге, представляющей в аллегорической по необходимости форме слишком верную, увы! картину русской истории»³. Думается, что здесь речь идет о **всей истории**, обо **всем историческом пути** России. Сам Щедрин был против ограничительной трактовки своего сочинения конкретно-историческими рамками. Полемицируя с критиками, обвинявшими его в отдельных исторических неточностях, он писал: «Взгляд ... на мое сочинение, как на опыт исторической сатиры, совершенно неверен. Мне нет никакого дела до истории, и я имею в виду лишь настоящее. Историческая форма рассказа была для меня удобна

потому, что позволяла мне свободнее обращаться к известным явлениям жизни. Может быть, я и ошибаюсь, но (...) те же самые основы жизни, которые существовали в XVIII в., существуют и теперь»⁴.

В этом смысле можно говорить о неразрывной связи прошлого и настоящего в «Истории одного города», об обусловленности настоящего прошлым, о целой историософской концепции бытия России. В небольшом содержательном объеме, в гротескно-пародийной форме писатель сумел выразить всю суть, отразить модель исторического развития России. Неслучайно писатель и литературный критик Д. Быков парадоксальным образом видит внутреннее сходство произведения Щедрина, с казалось бы, таким далеким от литературных образцов XIX в. романом Габриэля Гарсия Маркеса «Сто лет одиночества». По его мнению, их роднит эпичность материала, внутренняя структура, пессимистический финал. Подобно маркесовскому шедевру роман Салтыкова-Щедрина — это тоже масштабная летопись национальной жизни, только выполненная в другой форме и другими средствами. «Получилась грандиозная эпопея русской жизни, куда плотно утрамбованы все национальные архетипы — призвание варягов, бунт, голод, пожар, реформы, реакция. <...> «История одного города» — произведение не только и не столько сатирическое. Это гомеровская по замаху фантазия на темы всей русской истории и национальной мифологии, и смешного тут мало»⁵, — именно так оценивает Быков рассматриваемое произведение.

Критик использует культурологическое определение «архетип», но к роману в широком понимании применим и социологический термин «матрица». В строго научном смысле «институциональная матрица» — это устойчивая, исторически сложившаяся система базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер — экономической, политической и идеологической⁶. Применительно к исторической эволюции общества матрица в социальных науках это некий культурно-исторический генотип, код общественного развития. Первичная матрица до определенной степени программирует дальнейшую последовательность событий, путь, по которому идет общество. Перечитывая «Историю одного города» не можешь отвлечься от мысли, что все многочисленные бедствия глуповцев — запрограммированы, связаны с прошлым. Более того, несмотря на калейдоскоп событий, в сущности мало что происходит — движение осуществляется по замкнутому кругу. Финальная фраза произведения «история прекратила течение свое» относится не только к вероятной гибели города, но и ко всему бытию его жителей. Нет нужды повторять, что Глупов выражает собой всю

современную писателю Россию, тот авторитарный тип власти и государства, который воплощало самодержавие. В романе Щедрин пророчит ему довольно скорый конец — некая независимая от людей сила, inferнальное «оно», воплощающее фатум, злой рок, сметает все на своем пути, забирая в небытие и воплощающего власть Угрюм-Бурчеева, и сам город. Можно отметить, что Салтыков-Щедрин оказался неплохим прогнозистом, хотя вряд ли ставил перед собой эту цель — «оно», как известно, в истории авторитарной российской власти пришло дважды — в 1917 и 1991 гг.

Трудно определить какой-либо один конкретный источник мрачного исторического пессимизма Щедрина. Скорее всего, имел место ряд факторов — особенности характера личности, служебный опыт крупного чиновника, обостренная реакция на несправедливость всего строя русской жизни. Однако нельзя не заметить концептуального сходства между пессимистической оценкой хода глуповской истории писателем и взглядами на роль и место России в мире, выраженными тридцатью с небольшим годами ранее П. Я. Чаадаевым в его знаменитых «Философических письмах». Хотя историки литературы и не выявили следов непосредственного влияния, Салтыков-Щедрин, будучи образованным человеком, без сомнения был знаком с образом мыслей «басманного философа». Как известно, последний характеризовал исторический путь России как «...тусклое и мрачное существование, лишенное силы и энергии, которое ничто не оживляло, кроме злодеяний, ничто не смягчало, кроме рабства». «Мы живем одним настоящим, в самых тесных его пределах, без прошедшего и будущего, среди мертвого застоя»⁷, — констатировал он. Причины этого Чаадаев видел в изначальной замкнутости России, в отсутствии самой идеи развития, якобы присущей ее народному духу. Подобно чаадаевской России Глупов также совершенно обособлен, его жители не только не знают, что происходит за его пределами, но и даже не интересуются этим. Весь смысл своего существования они видят в удовлетворении элементарных материально-бытовых потребностей и необходимости выполнения приказов начальства.

Социологи выделяют два типа институциональных матриц — редиистрибутивную (перераспределительную) и рыночную. С. Г. Кирдина предложила для них использовать символы X и Y, соответственно. Для X-матрицы, в рамках которой существуют все традиционные, авторитарные политические режимы, базовыми ценностями являются государство и стабильность, для Y-матрицы (либеральные и демократические режимы) — личность и развитие. Разумеется, М. Е. Салтыков-Щедрин ничего не знал об этой научной теории, возникшей через столетие после его смерти, но в

своем романе он художественными средствами весьма точно выразил эту антитезу. Город Глупов (самодержавная Россия) — это, прежде всего, власть (градоначальники) и порядок (стабильность), который в виде распоряжений они навязывают горожанам. Народ (глуповцы) полностью растворен в этой власти, он представляет собой толпу, почти лишенную индивидуальных черт. Неслучайно в романе упоминается буквально 3-4 второстепенных персонажа, представляющих глуповское общество, основными же героями являются градоначальники и глуповцы в целом, народ вообще. Такой порядок полностью противоречит самой идее развития, ибо власть совершенно оторвана от народа, а, следовательно, от действительности. Отсюда логично вытекает исторический пессимизм Салтыкова-Щедрина. Все, что происходило и происходит в Глупове, не заслуживает называться историей, так как за все время не было ни настоящего движения вперед, ни подлинной, свободной деятельности людей. Все что там происходит — это бег по замкнутому кругу. Все события — это череда безобразий, бессмысленных злодеяний и глупостей. Настоящая история — в будущем. Подлинная история начнется только тогда, когда народ превратится в коллектив личностей, осознавших свои интересы и воплощающих их в жизнь. Для этого необходимо выйти за пределы традиционалистской матрицы, разорвать порочный круг беспросветного глуповского существования.

Сущностная, кардинальная проблема книги — взаимоотношения власти и народа в России. Собственно, сквозь призму их взаимосвязи и описывается исторический опыт отдельно взятого города. Сам Глупов, и само имя глуповцев появились только тогда, когда представители племени головотяпов, погрязши во внутренних раздорах, стали разыскивать себе князя. В начале романа писатель сатирически обыгрывает известную летописную легенду о призвании князей, с той лишь разницей, что исторические славяне призвали трех братьев, а головотяпы обращались к трем разным князьям, прося их «прийти и володеть ними». Причем двое первых, поразившись чудовищной глупостью такого приглашения (сами себе на плечи взваливают ярмо), и окрестив ходоков глуповцами, отказались, и лишь третий согласился, заставив головотяпов заложить город и обложив их данью. Появление этого князя в Глупове с возгласом «Запорю!» и открыло «исторические времена». Это призвание и было, по мнению писателя, той самой фатальной ошибкой, отправной точкой всех злоключений и бед глуповцев. Отказавшись от права самим решать свою судьбу, от ответственности за свои поступки и решения, народ полностью предоставил себя власти административной воли, какой бы злонамеренной и самодурной она не была.

Глуповцы в романе являются пассивной, костной массой, материалом для начальственных экспериментов. На примере жителей города Салтыков рисует гражданскую неразвитость, темноту русского народа, его отрешенность от собственных интересов, способность лишь к стихийным вспышкам, бунтам. Постоянное давление власти, навязывание чужих решений почти лишает глуповцев надежд на изменение их участи. Более того, когда власть ослабляется, глуповцы ничего не могут совершить сами, кроме как удовлетворять самые простейшие бытовые и низменные потребности. Образно говоря, они «сосут лапу и покрываются шерстью». Круг замыкается: при власти плохо, без власти нельзя. Даже в период волнений глуповцы не могут предложить никакой альтернативы, их слепой насильственный протест автор называет «шараханьем»: «Опять шарахнулись глуповцы к колокольне, сбросили с раската Тимошку да третьего Ивашку, потом пошли к Трубочистихе и дотла разорили ее заведение, потом шарахнулись к реке и там утопили Прошку да четвертого Ивашку»⁸. В реальной российской истории прообразами таких «шараханий» выступали многочисленные народные бунты и восстания, сопровождавшиеся кровавыми насилиями, но воспроизводившие существующую систему в виде лозунгов поддержки «истинного», «народного царя». А иначе и быть не могло, ведь в любом традиционном обществе живы архаические представления о власти, наделяющие последнюю сакральностью, приписывающие властителем сверхъестественные свойства. В различных местах щедринского произведения тут и там мы находим упоминания о чудесных способностях градоначальников в представлении глуповцев. Так, сам глуповский летописец в доказательство приводит легенду о том, что один начальник плюнул в лицо подчиненному и тот прозрел. Василиск Бородавкин спит одним оком, в то время как другое неустанно зрит (есть у нас и сейчас такой речевой оборот – «всевидящее око власти»). Вскрывая подобные народные представления писателю удается «обнаружить мифологический характер традиционного властного дискурса и реконструировать мифологию русской власти»⁹. Нет ничего удивительного, что глуповцы только и делают, что трепещут, испытывают страх. Упомянутый Бородавкин «столько вмещал в себя крику (...), что от оного многие глуповцы и за себя, и за детей навсегда испугались», так что впоследствии начальство «вынуждено было дать глуповцам разные льготы “испуга их ради”»¹⁰. «Священный трепет» перед властью является неотъемлемой частью поведения многих русских даже сейчас.

Итак, народ забит, темен, невежествен, костен. Но означает ли это, что Салтыков-Щедрин вообще не видит никаких его светлых черт, не

испытывает никакого сочувствия к соотечественникам? Отнюдь нет. Обвинения в нелюбви к народу, в презрении к России писателю стали предъявлять сразу после публикации романа в «Отечественных записках». В своем ответе одному из таких критиков, А. С. Суворину, Салтыков призвал различать «народ исторический», реальный и народ как воплощение идеи демократизма, т.е. народ в его лучших проявлениях. Он констатировал, что его сатира обращена к первому, касается тех его негативных черт, которые сделали возможными «глуповщину» русской жизни: «Если он (народ – А.К.) производит Бородавковых и Угрюм-Бурчеевых, то о сочувствии не может быть речи; если он выказывает стремление выйти из состояния бессознательности, тогда сочувствие к нему является вполне законным...». Вторая, демократическая составляющая народа, которая тоже существует, но подавлена и дремлет, не только не может не вызывать сочувствия, но и являет собой «начало и конец всякой индивидуальной деятельности»¹¹. А именно в этом Салтыков видит источник развития, средство переустройства всей российской действительности.

Если глуповцы в массе своей лишены индивидуальных черт, то градоначальники составляют целую галерею различных персонажей, каждый из которых имеет некую личностную особенность. Однако эта индивидуальность кажущаяся, ведь одного от другого отличает только одно-единственное гипертрофированно развитое свойство характера или некое физиологическое отклонение организма, влияющие на их градоначальнические пристрастия и планы. Так, Микеладзе столь женолюбив, что умирает от истощения сил, вдвое увеличив население города; Иванов так мал ростом и обладает таким объемом мозга, что это приводит также к преждевременной смерти, только от тщетной попытки постичь сенатский указ; темперамент и реформаторский зуд предопределяют «просветительскую» деятельность Бородавкина и Двоекурова. Маркиз де Санлот настолько легкомыслен и ветрен, что это обуславливает его способность летать по воздуху. Эти полеты заканчиваются его отставкой, ведь градоначальникам летать не положено. Чувствительность и меланхолия отличает Грустилова, страсть к сочинению законов – Беневоленского, обжорство – Фердыщенко. Доходит до фантосмагии – шестнадцатый по счету градоначальник, Иван Пантелеймонович Прыщ, оказывается с фаршированной головой. Характерно, что все перечисленные индивидуальные черты приводят к смерти администраторов, ведь власть не терпит индивидуальности, она безличностна. Концентрированным выражением этой безличности, стандартизированной

государственного управления выступает Брудастый-Органчик. Он оказывается даже не человеком, а механизмом, что до времени не мешает ему отлично справляться со своими обязанностями. В его голову вмонтировано устройство, воспроизводящее только два слова, но эти слова, по мысли писателя, выражают саму природу авторитарной власти: «Разорю! Не потерплю!». Следует отметить, что многие из персонажей имеют вполне реальных прототипов. Сатирический талант Салтыкова-Щедрина, его писательская и историческая убедительность делают их вполне узнаваемыми: прототипом Беневоленского выступает М.М. Сперанский, Грустилова – Александр I, Угрюм-Бурчеева – А.А. Аракчеев. Но это не главное. Узнаваемость отдельных образов градоначальников в романе только подчеркивает связь художественного вымысла и реальности, убеждают читателей в подлинности, истинности происходящего, какие бы фантастические формы оно не приобрело.

При всех различиях градоначальники схожи, они воплощают и реализуют саму идею власти. Власть замкнутой, независимой от воли людей и даже от здравого смысла. Писатель весьма четко и реалистично изображает те средства, с помощью которых реализуется административная воля. Они всецело принадлежат российской действительности. Это многочисленные кампании, большие и малые, по прихоти градоначальников парализующие нормальную жизнь в городе. Это «войны за просвещение», сменяющиеся «войнами против просвещения»; это отдельные нововведения, вроде употребления в пищу горчицы и лаврового листа. Наконец, коренные глобальные «реформы», воплощенные в самоубийственной попытке Угрюм-Бурчеева воплотить в жизнь идеи «регулярного», казарменного государства. Историческая правдивость романа, его способность предвосхитить время подтверждаются всем последующим опытом. Что, как не эту разновидность административных кампаний представляли собой коллективизация, индустриализация, стоившие миллионов жизней?! В более мягких формах они ведутся и сейчас: нынешние «всероссийские градоначальники» то переводят стрелки часов, то возвращают их назад; то начинают проведение «национальных проектов», то через несколько лет забывают об их существовании. Салтыкову-Щедрину приписывают афоризм: «Российская власть должна держать свой народ в состоянии постоянного изумления». На свой манер «изумляет» глуповцев каждый новый градоначальник. Смысл изумления – не оставить народу времени для обдумывания своих действительных нужд, ошеломить быстротой преобразований, создать иллюзию поступательного развития.

Как и в любом авторитарном, мобилизационном типе общества жизнь и собственность глуповцев не застрахована законами, они всецело зависят от воли властьпредержащих. Градоначальники разоряют мелких предпринимателей, вводят новые налоги, даже вторгаются в семейную жизнь, превращая чужих жен в своих фавориток.

Начальственные персонажи «Истории одного города» в своем административном рвении настолько увлекаются, что вообще полностью сходят с почвы реальности. Им кажется, что само их появление заставит преобразиться окружающий мир. Так, Фердыщенко умирает, отправившись путешествовать на городской выгон: «Он вообразил себе, что травы сделаются зеленее и цветы расцветут ярче, как только он выедет на выгон. «Утучнятся поля, прольются многоводные реки, поплывут суда, процветет скотоводство, объявятся пути сообщения», — бормотал он про себя и лелеял свой план пуще зеницы ока»¹².

Многие современные историки описывают российский исторический процесс XIX – XX вв. как противоречивое единство реформ и «контрреформ». Такую же постоянную циклическую смену администраторов — активных и пассивных, либеральных и консервативных, мы наблюдаем в романе. Даже самые просвещенные и, в общем, благожелательные градоначальники не в силах выбиться из рамок авторитарной системы правления. С неменьшим сарказмом, чем деятельность самодуров-консерваторов, Салтыков-Щедрин описывает попытки либеральных градоначальников Беневоленского, Грустилова смягчить нравы глуповцев, придать законный характер управлению. Первый, еще на семинарской скамье почувствовав страсть к сочинению законов, по прибытии в город обнаруживает, что как раз их-то издавать градоначальники права не имеют. Тогда под прикрытием темноты, как тать ночной, он начал их «публиковать» в виде листовок. Да и что это были за законы: «Всякий человек да опасно ходит; откупщик же да принесет дары», «Устав о добропорядочном пирогах печении», «Устав о свойственном градоначальнику добросердечии». Но даже эти банальные и прописные истины стоили ему начальственного места. Второй, увлекшись женским полом и мистической религиозностью, настолько запустил дела, что это кончилось внутренними раздорами и всеобщим воровством.

Несмотря на эту калейдоскопическую сменяемость градоначальников, жизнь в городе практически не меняется, ведь в их деятельности нет никакого внутреннего смысла, движения. Власть попросту воспроизводит себя в разных обликах. «Все планы градоначальников рушатся или претерпевают изменения в столкновении с жизнью. Их целеустремленность оказывается бестолковой

суетой. И глуповцы, и их градоначальники достойны друг друга. И те, и другие не способны ни на что по-настоящему полезное»¹³, — констатирует современный исследователь.

Однако между народом и властью отличия все-таки есть. Именно народ выступает в романе живой, потенциально способной к развитию силой, именно с ним связаны надежды писателя на будущее. Власть же сила чужеродная, чуждая всему живому. В фигуре последнего из описываемых градоначальников, Угрюм-Бурчеева, она достигает чудовищной, прямо-таки inferнальной концентрации. «Человек, на котором останавливался этот взор, не мог выносить его. Рождалось какое-то совсем особенное чувство, в котором первенствующее значение принадлежало не столько инстинкту личного самосохранения, сколько опасению за человеческую природу вообще», — говорится о нем в произведении. Его общественным идеалом выступает казарма, всеобщая стандартизация и армейская иерархия. «Все дома окрашены светло-серою краской <...> В каждом доме живут по двое престарелых, по двое взрослых, по двое подростков и по двое малолетков, причем лица различных полов не стыдятся друг друга. Одинаковость лет сопрягается с одинаковостью роста. (...) Дети, которые при рождении оказываются необещающими быть твердыми в бедствиях, умерщвляются; люди крайне престарелые и негодные для работ тоже могут быть умерщвляемы...»; «Ночью над Непреклонском витает дух Угрюм-Бурчеева и зорко стережет обывательский сон... Ни Бога, ни идолов — ничего...»¹⁴, — так описывает его преобразовательные планы писатель. Их осуществление, столкновение начальственной воли с самой природой и приводит к концу истории, к вероятной гибели глуповцев. По поводу неоднозначной концовки романа исследователи традиционно делятся на «оптимистов» и «пессимистов». Первые, опираясь на упоминания о чувстве стыда, испытанном глуповцами, их возмущении, видят в катастрофе, постигшей город, инсказательный намек на революцию и построение нового общества. Вторые отказывают Глупову и глуповцам в праве на дальнейшее существование и понимают последнюю фразу романа прямо.

Истина, наверное, как часто бывает, находится посередине. Писатель намеренно дает повод для многовариативности, неоднозначности трактовок. Его замысел — побудить читателя задуматься, попытаться сформулировать для себя смысл всего произведения. Конец романа — это предсказание, предупреждение о ненормальности, о противоречии самой человеческой природе той системе отношений, которая существовала, да и сейчас до некоторой

степени существует в России между властью и народом. В «Истории одного города» нашла аллегорическое, мифологическое отражение сама сущность культурно-исторического процесса в России в рамках авторитарной модели развития, которую некоторые современные социологи определяют как X-институциональную матрицу. Произведение не потеряет своей актуальности до тех пор, пока данная модель будет превалировать в общественном развитии.

Литература

1. См. Эйхенбаум М.Б. «История одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина (Комментарии) // Эйхенбаум М.Б. О прозе. — Л.: Худ. лит., 1969. — С. 455-502; Бушмин А.С. Художественный мир Салтыкова-Щедрина. — Л.: Наука, 1987. — 365 с.
2. Дядык Д.Б. Жанровые традиции М.Е. Салтыкова-Щедрина и русская проза 2000-х годов. Автореф. дисс. канд. филологич. наук. — Екатеринбург, 2011; Ахметова Г.А. Роман Е. Замятина «Мы» в контексте русской классики (М. Салтыков-Щедрин, Ф. Достоевский) // Российский гуманитарный журнал. — 2013. — Т.2. — Вып.1. — С. 57-64.
3. Тургенев И.С. История одного города. Издал М. Е. Салтыков // Тургенев И.С. Сочинения в 12 тт. — М.: Наука, 1982. — Т.10. — С. 264-265
4. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. Соч. в 20 тт. — М.: Худ. лит., 1975. — Т.18. — Кн.1. — С. 233-234.
5. Быков Д. История одного одиночества // Быков Д. Вместо жизни. — М.: Вагриус, 2006. — С. 48
6. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России // http://www.kirdina.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=248&lang=ru (Дата просмотра — 20.06.2014)
7. Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. в 2 тт. — М.: Наука, 1991. — Т.1. — С. 324-325
8. Салтыков-Щедрин М.Е. История одного города // Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. Соч. в 20 тт. — Т.8. — С. 294 (Далее — История одного города)
9. Постникова Е.Г. Мифология власти в «Истории одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. — Филологические науки. 2012. — Вып. 3. — С. 38
10. История одного города. — С. 334
11. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. Соч. в 20 тт. — Т.8. — С. 454
12. История одного города. — С. 329
13. Макеев М.С. «История одного города» (В Кн.: История русской литературы XIX века. Учеб. пособие) // http://www.a4format.ru/pdf_files_bio2/47cbf293.pdf

Р. ДИЖУР, писатель, Нью-Йорк, США

О самом очевидном законе духа, или о том, что каждый индивидуум понимает универсальное индивидуально

Отцы церкви и более поздние ревнители христианской веры говорили, что разногласия между философами свидетельствуют о ложности мировоззрений каждого из них. Расхождению во взглядах между интеллектуалами богословы раннего средневековья противопоставляли единомыслие в церкви как бесспорное с их точки зрения доказательство истинности христианских догматов.

Ход развития истории, и в частности те же факты несовпадения в миропонимании как между философами, так и между людьми, которые формально исповедуют вроде бы одну и ту же веру, свидетельствуют о том, что каждый индивидуум видит общее по-своему. Отношения к миру двух человек, включая их убеждения и веру, не могут полностью совпадать, поскольку отражают воззрения разных индивидуумов. Из всех действующих в области духа законов этот – закон субъективизации действительности – наиболее очевидный.

Единомыслие и единоверие – плоды воображения одинаково далёкие от реальности. Проповедь якобы данных самим Богом религиозных догматов и пропаганда любой философской системы как единственно верной являются невольными или сознательными попытками изменить существующие законы мира.

Совокупность представлений человечества об универсуме распадается на область научных знаний, в основании которых лежат доказуемые положения, и область субъективных суждений. С течением веков первая из них как будто теснит вторую: наука делает всё более определёнными и даже однозначными ответы на вопросы, которые прежде порождали различные гипотезы и спекуляции. Однако пределы индивидуальных восприятий мира также расширяются, охватывая новые явления жизни и вызывая новые разногласия.

Каждая из этих двух областей наработок разума – охватывающая все те знания, которые поддаются точной проверке, и другая, к которой относится всё, что имеет вероятностный характер, – существует объективно: наличие множества различающихся между собой суждений столь же достоверно, как достоверно существование доказанных и не вызывающих споры законов. Больше того, если подняться над мириадами отличающихся между собой взглядов, нельзя не увидеть, что они служат вполне определённой цели.

История человечества показывает: именно разногласия в понимании тайн мира и несовпадение собственного понимания природы вещей с мнениями большинства побуждали любознательных натур к поискам истинных причин происходящего. Сам факт такого постепенного продвижения человечества в познании законов природы, строения материи и вселенной, – от страстных споров к согласию, основанному на неопровержимых научных доказательствах, – очевиден. Значит борьба субъективных мнений, идущая от уникальности каждого носителя разума, служит для целей эволюции необходимым инструментом. Отсюда следует и то, что посягательства на свободу личных убеждений, стремления нивелировать их являются попытками изменить законы мира, а если говорить на языке церкви, представляют собой богоборчество.

То, что индивидуум понимает истину индивидуально, служит, по всей вероятности, главной движущей силой в интеллектуальном становлении разумных существ и в их осмыслении мира.

Постоянное расширение круга явлений, получающих научное объяснение, из века в век побуждает философов задуматься о том, можно ли познать мир в целом – таким, каким он есть на самом деле, или говоря языком богословов, понять замысел творения и познать Бога. И подобные попытки хорошо известны.

Чтобы познать общее, нужно по меньшей мере быть общим. Некоторым нравственным, духовно развитым натурам порой удаётся отрешиться от личных качеств и осознать себя Целым – стать им. Но даже когда такой индивидуум в моменты духовного прозрения поднимается до созерцания себя всеединым, он лишается всех присущих смертным способностей, и в частности – возможности поведать кому-либо о своём состоянии: о пережитом рассказывают лишь конечные существа. Обособившийся от рефлексии Целого – вернувшийся в мир множества – человек способен передать испытанное только через призму своего личного мировоззрения и с помощью крайне ограниченного набора условных знаков, которыми являются слова. Если он берётся за это, описание неизбежно получается индивидуализированным да ещё искажённым неадекватностью речи.

Получается, истиной, Целым, на языке религиозного искательства – Богом, можно только быть. Поэтому ответ на вопрос о познаваемости мира как целого может оказаться положительным лишь по отношению к индивидууму, – к тому, кто способен отрешиться от личного и осознать себя универсальным. Но даже если такой, граничащий со всезнанием, духовный опыт достижим, достоверно он не передаётся.

Любое философское мировоззрение – это взгляд на универсальное через призму личностного. Поэтому вывод о невозможности объективно описать картину мира во всех главных её связях, причинах и следствиях ставит под сомнение целесообразность таких попыток; ведь каждая из них представляет собой действия конечного индивидуума и значит, отражает не истинно существующее положение вещей, а индивидуальное видение человека. Однако труды философов при всей разноречивости высказанных в них суждений издревле способствовали духовному становлению пытливых натур. Считать эти труды бесполезными – значит не видеть в истории человечества достигнутые благодаря им результаты: постепенное преодоление вековых заблуждений, усвоение многими людьми нравственного образа жизни как наиболее естественного и дающего наибольшее удовлетворение, развитие наук, признание прав отдельной личности на собственные убеждения и на свободное их высказывание.

Познание мира разумными существами может быть направлено на мир как на целое или же на одну из его условно выделяемых составляющих: материальную и духовную, каждую из которых в свою очередь можно рассматривать и в целом, и в частностях.

Если оставить в стороне вопрос о погрешностях измерений, то можно считать, что обо всех свойствах неживой материи и явлениях, связанных со взаимодействиями неодушевлённых тел, объективные знания достижимы. Эти знания пополняются в результате использования сложных технических приборов, с помощью умело поставленных экспериментов или проведённых математических расчётов; авторами открытий могут быть и отдельные талантливые люди и коллективы учёных. Найденные результаты проходят проверку независимых специалистов. И то, что выявленные закономерности подтверждаются, позволяет говорить об их объективном характере.

В отличие от всего относящегося к неодушевлённой материи, особенности сферы духа познанию с помощью коллективных усилий не поддаются. А будучи в очередной раз сформулированными неким пронзительным умом, такие суждения вызывают несогласия и споры, то есть не выдерживают проверку на объективность.

Законы духа существуют. Однако представления о них разнообразны, потому что индивидуум является не только исследователем, но и прибором в эксперименте по выявлению этих законов. Точную проверку полученных кем-либо в этой области результатов провести нельзя, так как духовный опыт не воспроизводится. Вернее говоря,

проверка обнаруженных закономерностей незаинтересованными лицами возможна, но она не приведёт к тем же претендующим на универсальность результатам, поскольку каждый человек уникален.

Из того, что суждения двух или более людей о мире в целом не могут полностью совпадать, следует, что непротиворечивое представление об универсуме возможно лишь как субъективное. Шеститысячелетняя история человечества не только убеждает в том, что индивидуум понимает универсальное индивидуально, но даёт основания говорить о таком положении вещей как законе, то есть явлении, которое можно отнести к области достоверных знаний.

Подобное ограничение возможностей познания существует и относительно явлений микромира. Согласно принципу неопределённости Гейзенберга – одному из основополагающих законов квантовой механики, – любое измерение, производимое над элементарными частицами, воздействует на них и тем самым отражается на результатах исследований. В соответствии с формулой, выведенной Вернером Гейзенбергом в 1927 году, погрешность в определении местонахождения частицы, умноженная на погрешность измерения скорости этой частицы, есть постоянная величина, которая не может равняться нулю. Иными словами, даже если один из параметров исследуемого микрообъекта – его скорость или его местоположение – экспериментаторы сумеют вычислить абсолютно точно, получить обе характеристики частицы не сумеет никто. Это принципиально невозможно.

Подобно тому как в микромире использование измерительного прибора вносит в результаты экспериментов погрешность, человек, стремящийся получить представление о законах духа или о мироздании в целом, делает выводы, на которые неизбежно влияет присутствие самого познающего. Но в отличие от экспериментальных исследований, где погрешности измерений выражаются с математической точностью, суждения интеллектуалов об основополагающих законах духа и о мире в целом выливаются в палитру самых разнообразных воззрений. И насколько далеки такие суждения от объективной реальности – неизвестно.

Каждый высокоорганизованный индивидуум – это неповторимое Его мира, это сам универсум, органично, уникально обособленный в себе. Стремление такого носителя разума обрести всеобъемлющее знание о мире неизбежно сопряжено с субъективизацией действительности, поскольку, опять же, каждый индивидуум понимает универсальное индивидуально.

Ц. Ц. ЧОЙРОПОВ, профессор

Т. Ц. ЧОЙРОПОВА, доцент Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления технологий и управления

О пушкинском символическом образе «Народ безмолвствует»

Что означает художественно-исторический образ «Народ безмолвствует» – заключительная ремарка из трагедии А.С.Пушкина «Борис Годунов»? Этот мощный образ, гениально отразивший социальную трагедию русского народа в период иностранного нашествия, кризиса государства и гражданской войны в обществе начала ХУ11 века («Смута»), уж слишком легковесно употребляется в виде политизированной фразы. Специально анализировать этот образ здесь неуместно. Его глубокое и всестороннее исследование выполнено крупным ученым-филологом – академиком Михаилом Павловичем Алексеевым (1). Надо, однако, заметить (опираясь на исследования академика Алексеева М.П.), что и в прежние времена предпринимались попытки интерпретировать концовку «Бориса Годунова» принципиально иначе (нежели в оригинале), видимо, по идеологическим же мотивам.

Для иллюстрации и возможной актуализации нашей нынешней идеологической ситуации воспроизведем заключительный сюжет Пушкинской трагедии и некоторые варианты импровизации ее концовки, отражающие отношение к роли народа...

Царь Борис Годунов уже скончался. Взволнованный народ на кремлевской площади у «дома Борисова» ожидает «приведения к присяге» нового царя, родословного наследника Бориса – Федора Годунова. На крыльце царского дома появляется боярин Мосальский и обращается к народу: «Народ! Мария Годунова и сын ее Федор отравили себя ядом. Мы видели их мертвые трупы. (Народ в ужасе молчит). Что ж вы молчите? Кричите: да здравствует царь Дмитрий Иванович!» А далее – та самая пушкинская ремарка: «Народ безмолвствует». – Конец.

Стало быть, согласно замыслу Пушкина, народ своим «безмолвием» выразил отнюдь не пассивность и безразличие по отношению к происходившему. Напротив, в этом «безмолвии» – мощный и решительный протест политизированным манипуляциям придворной группировки, гневное неприятие лже-наследника, предвещание народного сопротивления иностранной интервенции...

Теперь – об отдельных интерпретациях концовки (они взяты из той же книги академика М.П. Алексеева).

После обращения Мосальского к народу – «кричите», народ не «безмолвствует», а кричит

приветствия новому царю: «Да здравствует царь Дмитрий Иванович!» (2) (Напомним, что на роль престолонаследника претендовал самозванец Лжедмитрий вместо ранее убитого царевича Дмитрия Ивановича). Как видим, по этой версии народ послушен и громогласно исполняет волю придворных сановников – приветствует предложенного им нового царя, хотя царь был самозванцем, узурпатором, причем – иноземцем... Может быть, в такой роли «народ» (не «безмолвствующий»!) покажется некоторым нашим нынешним толкователям пушкинской ремарки в «Борисе Годунове» «политически активным», т.е. – «политизированной народной массой»? Может быть, именно такой «народ» и нужен каждой из противоборствующих, стремящихся к власти группировок в нашей теперешней ситуации?!?

А вот – одна из рекомендаций для театральной постановки «Бориса Годунова»: «...изображаемая на сцене толпа вообще никогда не должна представлять собою вполне однородную массу»; постановщику целесообразно заставить «одну часть «народа» кричать немедленно и как можно громче, другую – нерешительно присоединяться к этим крикам, а третью – и вовсе молчать. Такое разделение, по-видимому, было бы согласно и с характером толпы, и с исторической правдой» (3). Может быть, такое «разделение политических ролей» угодно видеть в «народной массе» иным нашим современным политическим группировкам?! Ведь в этом «варианте» налицо и «левые», и «правые», и «нейтральные» («центристы»). Не хватает лишь «политического консенсуса». Но он вполне достижим посредством определенных политизированных процедур...

«Народ безмолвствует... В этом безмолвии народа слышен страшный, трагический голос новой Немезиды, изрекающий суд свой над новою жертвою – над тем, кто погубил род Годуновых»... Похожий вариант: «В этом «безмолвии» заключена... вся дальнейшая судьба самозванца... его, достигшего высшего могущества и власти, ждет быстрое свержение и бесславная гибель. Сегодня – народ безмолвствует, а завтра – он заговорит; и горе тому, против кого он обратит свой голос...» (4). – И в этих «вариантах» есть «уроки» для наших политических деятелей и политологов...

Наконец, еще один вариант (хотя их много): «В этом «народ безмолвствует» таится глубокая политическая и нравственная мысль: при всяком великом общественном перевороте народ служит ступенью для властолюбцев-аристократов; он сам по себе ни добр, ни зол, или, лучше сказать, он и добр и зол, смотря по тому, как заправляют им высшие... он слепо доверяется тем, которые выше его в умственном и политическом отношении: но увидевши,

что доверенность его употребляется во зло, он безмолвствует от ужаса, от сознания зла, которому прежде бессознательно содействовал; безмолвствует, потому что голос его заглушается внутренним голосом проснувшейся, громко заговорившей совести. В высшем сословии совсем другое дело: там совесть подчинена и раболепно покорствуется расчетам честолюбия или какой другой страсти...» (5). Это – информация к размышлению...

Воспроизведенные для примера некоторые толкования ситуации с «безмолвием народа» показывают следующее. Во-первых, если не все, то многое уже давно и неплохо понято и сказано по поводу такой ситуации, по меньшей мере, как в данном случае, с начала ХУІІ столетия (и интерпретаторам начала ХХІ столетия стоило бы это знать и учитывать). Во-вторых, в этой ситуации таится сложная социальная проблема, которая имеет многовариантные предпосылки, факторы, способы и результаты ее разрешения (вопреки однозначному и упрощенному толкованию нашими политиками и политологами, склонными упрекать народ в недостаточной активности). В-третьих, проблема народа в жизни общества далеко не ограничивается лишь политико-идеологическими интересами и стремлениями правителей и придворных сословий, властвующих и борющихся за власть группировок: это – по своей сути социальная (универсальная) проблема. В-четвертых, проблема «безмолвствующего народа» имеет и социально-политический аспект. Но в таком качестве она охватывает все процессы взаимодействия общества и государства (ее невозможно «загнать» в узкие пределы только государственно-административного аппарата, каким бы «демократизированным» и «плюрализированным» он ни был). В-пятых, эта проблема пронизывает также политическую власть общества во всех ее ипостасях, начиная от процесса становления и кончая процессами ее реализации в социальной действительности. Роль народа нельзя, да и невозможно свести лишь к участию в кампаниях формирования или реформирования органов власти, к праздникам коронации или драмам низложения правителей. Наконец, состояние «народ безмолвствует» таит в себе проблему более сложную, глубинную и сущностную, подлинно социально-историческую – в сравнении с ситуацией «народ кричит» (приветствует или негодует, одобряет или протестует). Хотя те, к которым направлено «безмолвие» или «громкогласие» народное, наверное, желали бы ... впрочем это вопрос их собственного выбора...

Словом, напрасно наши некоторые чрезмерно политизированные публицисты и ораторы нарекли глубоко социальному пушкинскому образу «народ безмолвствует» столь печально утилитарную судьбу, приспособив его к своим прагматическим задачам.

Это не соответствует ни замыслу самого Пушкина, ни исторической правде, ни действительным проблемам обновления нашего современного общества...

Если извлекать поучительный урок из пушкинского образа (а это делать необходимо), то вряд ли его надо искать в недостаточной «политизации» народа. Мудрые правители и их придворные советники всех времен должны видеть в народе прежде всего социальную силу (а не инструмент официальной политики). Должны слушать и слышать прежде всего «безмолвие» своего народа (а не только его периодические «возгласы»), воспринимать и решать проблемы непосредственно самого «безмолвствующего» народа (а не только и не столько из уст лукавых его «представителей»). Народа, создающего социальные ценности – источник и суть политических ценностей, т.е. народа, занятого своим делом по существу (а не на заседаниях и митингах, не на коронациях и низложениях правителей). «Глухота» же власть имущих и их служителей к народному «безмолвию» не только антинародна, но и рискованна для них самих. Ибо «безмолвие» народа – далеко не всегда молчаливое согласие и покорность по отношению к властям, но – действующее социальное состояние.

Пушкинский образ «Народ безмолвствует» исторически перекликается с образом, нарисованным Александром Николаевичем Радищевым в «Путешествии из Петербурга в Москву» (глава «Спаская полесь»), – «Нечто, сидящее во власти на Престоле». А вместе взятые, они актуализируют некоторые ситуации из нашей действительности. Воспроизведем кратко сюжет.

Путешественник во сне грезит, будто он Царь, Шах, Хан, Король ... словом – «Нечто, сидящее во власти на Престоле». Сам властелин и его «место восседания» изображены в колоритных, говоря нынешним языком, предельно политизированных красках. Тут полный набор символов самодержавной власти: и «Держава», из единого камня изсеченная; и огромной величины змея, из светлой стали искованная, – облежала вокруг седалища, и конец хвоста в зеве держаща, – изображала вечность... Но не одни только бездыханные изображения возвещали власть и величество. Тут же – с робким подобострастием, взоры властелина ловящие, стояли вокруг престола чины государственные; в некотором отдалении от престола толпилося бесчисленное множество народа, разные одежды, черты лиц и осанки коего возвещали различие племен. Трепетное их молчание уверяло в полном подвластии. Глубочайшее в собрании сем присутствовало молчание: казалось, что все были в ожидании какого-то наиважнейшего происшествия ... Наконец, властелин, «рот разинув до ушей, зевнул во всю мочь». – И у всех внезапно появилось мрачное смятение, ужас, скорбь, отчаяние... Тогда властелин,

сжалившись, совершил «кривление лица, улыбке подобное, и... чхнул весьма звонко». – И тут же мрак исчез, радость проникла в сердца всех быстротечно, и не осталось косога вида неудовольствия нигде. Все начали восклицать: да здравствует наш великий Государь, да здравствует на века... И полились восторженные восхваления властелина, доклады государственных чинов о процветающем отечестве и благоденствии народа, посыпались награды... И при всяком изречении властелина все радостно восклицали и плесканием рук сопровождали не только каждое слово его, но даже предупреждали мысль ... В этой идеологизированной вакханалии только единственная женщина была непреклонна и «являла вид презрения и негодования». То – Прямовзора (Истина). Она сказала властелину: у тебя «на обоих глазах бельма». Потом сняла с глаз его «толстую плену»... И вдруг властелину все представилось в естественном виде, т.е. – наоборот: распадение государства и разорение общества, казнокрадство чиновников, разложение армии, нищета и стенание народа...

То был сон, но в нем намек. В нем метафорически, в колоритной образной форме воспроизведена ситуация из правления Екатерины второй. Глубокий кризис российского общества императрица вознамерилась закамуфлировать идеологическими декларациями и политическими манипуляциями. В 1766 году торжественно провозгласила помпезный «Наказ», которым высочайше повелела («наказала») специальной Комиссии разработать проект «Уложения». Тем самым обещала сделать государство прочным, общество процветающим, народ благоденствующим, а себя заботливой «матерью». Эти политизированные акции сопровождались пышными официальными кампаниями идеологизированного восхваления и прославления «благоденствий» августейшей особы...

А фактически обещания остались на бумаге, разработка законопроекта (1767-1768 гг.) была прекращена...

Радищев в иносказательной форме ярко сатирически высветил фальшивость и абсурдность официозных манипуляций, направленных на идеологическое камуфлирование действительных (социальных) проблем кризисного общества. «Политизация» отношений между «молчаливо покорным» народом и чванливо самодовольным императорским двором не состоялась. Как известно, радикально-демократически настроенные писатели и государственные деятели (Козельский, Новиков, Радищев и другие) выразили оппозицию официальной власти, а спустя несколько лет разразилось грандиозное движение восставшего народа под предводительством Емельяна Пугачева (1773-1775 гг.)...

Не правда ли: пушкинский образ «Народ безмолвствует» и радищевский образ «Нечто сидящее во власти на Престоле» взаимно дополняют и акцентируют друг друга. А вместе они воплощаются в мощном совокупном образе «Противостояния» между безмолвствующим, но непокорным народом и политиканствующим аппаратом власти, чуждым социальным интересам народа...

Первоисточник этого противостояния находится, конечно, не в народе как таковом, т.е. занятом своим исконно человеческим, положительным делом. Оно (противостояние) всегда побуждается, можно сказать, провоцируется (ненароком или целенаправленно) противонародными деяниями или бездействием (что в конечном итоге – одно и то же) официального аппарата власти и (или) стремящихся к власти группировок. Словом – теми «надстроечными» силами, которые нарушают или разрушают своими узурпаторскими устремлениями имманентный способ социальной (положительной) жизни народа, навязывая ему свои – аппаратные или околоаппаратные – способы функционирования, т.е. втягивая его в деструктивный круговорот механизма «политизация-деполитизация». Вот тогда-то и возникает эффект противостояния. Народ противостоит своей социальностью, а официозные группировки (властвующие и рвущиеся к власти) – своим политиканством. И агрессивной стороной такого противостояния всегда является политиканствующая, поскольку именно она норовит преобразовать («перестроить») социальный способ жизни народа и общества в целом – на свой манер. То есть стремится превратить народ либо в покорно «безмолвствующий», либо в верноподданически «кричащий». В той и другой внешней «роли» народ должен быть лишь средством политиканов. В таких ролях – это уже не народ в его социальном качестве, а именно средство политиканства...

Как богата история (в этом же ее бедность и бедствие) такими состояниями противостояния! К тому же драматизм этого, по сути социального явления усугубляется и нагнетается едва ли ни в каждом последующем поколении, словно бы парадоксально нуждающемся в очередной раз испытать и на себе жестокость политиканства. Как бы разделить участь своих предшественников и даже завещать ее своим наследникам... Неужто на самом деле в историю человечества Дъявол вживил неискоренимую потребность людского рода в перманентной греховности, искупление которой – апокалиптическое состояние политического насилия. ..И воспроизводится оно, и изощряется, и апологизируется, и в конечном итоге искупляется насилием же...

Да, именно официозные узурпаторы всевозможных вариантов (особенно чужеродные – враждебные коренному народу) прибегают к

абстракции «безмолвствующий народ», как и «народ бунтующий» всякий раз, когда у них возникает политизированная нужда представить конкретно-реальный народ в роли «козла отпущения» для прикрытия своих антинародных деяний, исторических преступлений, своего банкротства и позора. Политиканство злоумышленных или бездарных властителей, равно как и нетерпеливых претендентов на власть, увы, всегда приходится оплачивать дорогой социальной ценой именно народам: драматический парадокс человеческой истории! Причем, оплачивать многократно и многомерно – соответственно произволу политиканов; оплачивать приходится также и свое собственное социально

неустойчивое состояние: «политизированное» и «деполитизированное», «громкоголосное» и «безмолвное», «бунтарское» и «покорное» ...состояние сверхтерпения. Вот такая планида выпала на долю наших коренных народов: она явно не по «грехам» самих народов.

Литература

1. Алексеев М.П. Пушкин. Л., 1972. С.208-239.
2. Там же. С.215.
3. Там же. С.222-223.
4. Там же. С.211-212.
5. Там же. С.210.

Л.С. ШИШКИНА-ЯРМОЛЕНКО, доцент кафедры культурной антропологии и этнической социологии СПбГУ

Социальный дизайн, по Гоголю

«Вы, белые, – странные люди; – говорил один из индейских вождей американскому антропологу где-то на грани XIX и XX века. – Вы уверены, что думаете головой». – «А вы?» – «Мы думаем сердцем». В складывающейся на Украине ситуации мы, россияне, не можем не думать сердцем. Напряжённый дискурс последних месяцев содержит разные интерпретации разворачивающейся на наших глазах трагедии. В поле зрения попадают, прежде всего, экономические и геополитические интересы игроков различного уровня и масштаба, но над всем доминирует мотив реальной угрозы нацизма в центре Европы и для всей Европы, включая, конечно, и Россию. Как подобное могло случиться в XXI веке?! Да ещё с братским народом...

Вот здесь-то и важно не просто констатировать произошедшую революцию в умах и душах, казалось, хорошо известным нам людям: знакомых, друзей, даже родственников, живущих на Украине. Важно понять, какие процессы в массовом сознании украинского народа способствовали целенаправленному культивированию нацизма в разных его формах на протяжении, как минимум, всего XX века. И так ли уж свойственен нацизм самому народу?

На наш взгляд, для ответа на эти вопросы необходимо, во-первых, научиться различать **нацизм** и **национализм** – концепты, которые слишком часто подменяются даже в политологических и социологических исследованиях, а не только в публичных дискуссиях в средствах массовой информации. Разные словообразовательные модели этих терминов, безусловно, свидетельствуют и о

различных по объёму и содержанию понятиях, или смысловых телах, формируемых на их основе.

Вот два словообразовательных ряда: **нация** → **нацизм** и **нация** → **национальный** → **национализм**. Прежде всего, отметим, что известный суффикс **-изм** внутренней своей формой задаёт качественное (не количественное только!) обобщение свойств, на которые указывает корень или основа слова. Исходя из сказанного, первая модель обеспечивает абсолютизацию смысла нации, а, значит, противопоставление данной нации всем прочим на основе иерархических отношений. Вторая модель задаёт единство характерных для той или иной нации черт, качеств образа жизни, культуры и национального характера – всего того, что осознаётся представителями данной нации как «своё, отличное от других», что определяет процессы формирования **самосознания народа**. Качество обобщения заключается здесь в переходе **от единства к единому**.

В отличие от исходной вертикальной направленности развития смыслов в первой модели, во второй предоставляется возможность горизонтального сопоставления разных типов «своего», что, конечно, может привести к констатации полной противоположности. Но только в том случае, когда в образовавшейся при этом полярной оппозиции **свои** ↔ **чужие** второй член оказывается маркированным из-за конфликта интересов, отношение может стать иерархизированным, а национализм деградирует к нацизму.

Во-вторых, для адекватного понимания конкретной ситуации необходимо не только тщательное наблюдение и описание происходящего «здесь и сейчас», не только настраивание оптики на все возможные масштабы включения актуальных событий вплоть до геополитического, но и достойное проведение внутренней реконструкции этнической истории украинского народа. Только в этом случае

можно вполне объяснить современное состояние, а, следовательно, и осуществить прогноз. И, конечно, не следует забывать, что нам, русским, выпала судьба старшего брата со всеми вытекающими из этого обязательствами.

Последнее обстоятельство требует разъяснения, особенно в связи с активно конструируемой на Украине исторической мифологией. Кстати, именно этот процесс свидетельствует сегодня о насущной необходимости для украинцев понять самих себя, выстроить свою национальную идентичность и занять подобающее место в мире.

Логика этногенеза, как считал Л.Н. Гумилёв, далеко не всегда совпадает с линейной последовательностью исторических событий. Формирование нового этноса происходит, по Гумилёву, в результате пассионарного толчка чаще всего в зоне взаимодействия нескольких этносов, и даже суперэтносов. Целостность этноса кристаллизуется на основе нового стереотипа поведения [1]. Рассматривая историю Руси – России, Л.Н. Гумилёв напоминает о перемещении политического центра из Киева на северо-восток в связи с затуханием этногенеза Киевской Руси и началом формирования русского суперэтноса в 12-м веке [2; 3]. Об участии киевских земель, ставших периферией, достаточно подробно писал ещё В.О. Ключевский [4]. Для нас важно отметить, что становление украинского этноса происходило, начиная с XV века, при вторичном заселении среднего Приднепровья уже как польских земель в процессе взаимодействия русских, поляков и остатков кочевников (торков).

Драматическая история украинского народа во многом обусловлена тем, что молодой этнос развивался уже в пределах христианской цивилизации, в области пересечения интересов соседних этносов, прошедших более длинный исторический путь и находящихся, по Гумилёву, в акматической фазе. При этом акматическая фаза украинского этноса, скорее, всего началась в XVII - XVIII веках и длится вплоть до нашего времени. Коренной особенностью данной фазы развития украинского этноса является отсутствие полной самостоятельной государственности, за исключением последних десятилетий, а, следовательно, привычный патернализм, с одной стороны (российские и советские власти только и делали, что присоединяли к Украине всё новые и новые земли), а с другой – накопление пассионарной энергии, требующей соответствующего выхода.

Отдельные моменты общей истории, позволяющие проявить этот запас энергии, не могли полностью удовлетворить украинцев. Но и дарованная (а не завоёванная!) государственная самостоятельность не пошла впрок не только ввиду

сложностей международной ситуации, но и из-за отсутствия опыта государственного строительства. В ситуации бесконечного передела собственности дорвавшейся до власти элиты с неоднозначной этничностью накапливающееся недовольство народа, имеющего значительный пассионарный потенциал, стало той основой массового сознания, которая легко подвергалась программированию на идее врага. Уровень программирования сознания значительной части населения Украины настолько высок, что даже знаменитый слоган «Кто не прыгает, тот москаль» не вызывает неприятия. А ведь если все украинцы прыгают, значит, кто-то умело дёргает за верёвочки, а для «москалей» в их среде это, безусловно, комплимент.

Ещё один важный показатель – применение в практиках воздействия на сознание самой простой, и даже примитивной, техники по типу «Ты сам рыжий!». Логика перевёртышей, выворачивания наизнанку, свойственная детскому возрасту и состоянию старческого маразма, свидетельствует о таком типе рассуждения, когда постоянно происходит лишь маркирование второго члена полярной оппозиции путём приписывания оппоненту собственных негативных качеств, в наличии которых человек не желает себе признаваться. Или не должен. Знаковой фигурой в этом процессе, конечно, является небезызвестная Дженнифер Псаки (не будем останавливаться на семиотике имени!). Но ведь она лишь иконический знак, идеальный образ того дискурса, который поддерживается и на Западе, и на Украине.

Означает ли это, что политика западных стран, и, прежде всего, – США, настолько деградировала, что жизненно важные для всего человечества коллизии, развивающиеся в многомерном пространстве интересов *между* полюсами, уже не могут быть ими восприняты в реальной логике? Или видят, но не хотят? Или не имеют сил?

Анализ ориентированного на запад дискурса с учётом объёма, неоспоримой целостности жизненного мира человечества рождает странный, на первый взгляд, образ: образ океана жизни. Множественные явления на поверхности океана чаще всего являются результатами взаимодействия двух стихий: водной и воздушной. Но степень и глубина вовлечения той или иной стихии всякий раз различны.

Сегодня видится, что глубинная, архетипическая, логика жизни океана выплёскивается на поверхность, определяет её динамическую конфигурацию, которую уже невозможно скрыть никакими ухищрениями. Потому-то и используются примитивные трюки с зеркалами. Ситуация редкая и обяывающая тех, кто видит и понимает, сдерживаться. Лучше не совершить, чем ошибиться и помешать тому, чему должно быть.

Предварительный анализ ситуации на Украине и состояния массового сознания украинского этноса не только требует углубления намеченного подхода, но и обнажает предельно актуальную проблему: как избежать воздействия на сознание людей различных техник программирования, ставших сегодня, по-видимому, самым грозным оружием в мировой политике?

Первый ответ давно известен. Ещё в 1964-м году Герберт Маркузе доказал необходимость **катастрофы освобождения** для каждого человека, не желающего деградировать до одномерности, диктуемой социумом в определённые периоды его развития [5]. Ещё раньше, в начале XX века, тончайший русский философ и поэт Андрей Белый писал, что после Ницше мыслящему человеку не избежать своей Голгофы: только с её вершины открывается будущее [6].

Эту-то длящуюся катастрофу освобождения мы и видим сегодня на юго-востоке Украины. Каждый переживает её самостоятельно, начиная понимать, что лишь совместное сопротивление злу – путь к достойной человека жизни. Выстраивая планы захвата Украины, американские политики явно не учли возможности восстания русских на юго-востоке. Да и могли ли учесть – большой вопрос! Русские (даже не будучи россиянами в последние десятилетия) – другие люди.

За века своей истории русский суперэтнос вынес столько физических и духовных испытаний и так укрепился внутренне, что сегодня его представители вряд ли могут поддаться программированию. Именно эту внутреннюю самостоятельность и стойкость каждого человека проявили сегодня трагические события на Украине. Защита своей земли и своего места в этой жизни, возможная лишь соборно, – характерная черта представителей русского суперэтноса. Фактически, поднявшийся юго-восток уже стал центром формирования самосознания всего населения Украины. Этот нелёгкий и небыстрый для украинцев процесс будет волнами расходиться и уже расходится от Донбасса, как от крепко закрученного исходно тела.

И здесь чрезвычайно важно предоставить украинцам возможность оглянуться на собственную свою историю, не выдуманную кем-то для обоснования личных или клановых интересов, а реальную. А ведь каждая история достойна своего народа и наоборот. Надо увидеть себя и стать самими собой. Вот это направление внутренней работы человека, сообщества, нации по осознанию насущной необходимости взаимодействия в процессе строительства жизни и можно назвать **социальным дизайном, по Гоголю**.

Социальный дизайн сегодня – юное направление работы в России. Здесь не место и не

время говорить о тонкостях его развития как научно-практической области деятельности. Стоит упомянуть лишь патриарха социального дизайна, недавно ушедшего от нас, Вячеслава Леонидовича Глазычева. Но среди гениальных предшественников Николай Васильевич Гоголь – фигура, более чем не случайная. Речь пойдёт о знаменитой его книге «Выбранные места из переписки с друзьями» [7], изданной, правда, с серьёзными купюрами, ещё в декабре 1846-го года.

Почему купюры? Что содержали письма, запрещённые цензурой к публикации в тот период? Оказывается, именно в этих письмах Гоголь советовал, как сорвать пелену с глаз, как увидеть реальную Россию в каждом городе, в каждом человеке и как эту сегодняшнюю Россию обустроить вместе с увиденными и узанными людьми. Советы, которые даёт Гоголь в своих письмах по организации этого умного социального деланья, совершенно конкретны и предельно актуальны. О них разговор ещё предстоит. Но главное – то, что вся предполагаемая им работа имеет глубоко нравственную, духовную основу.

Мы позволим себе далее лишь несколько цитат без комментариев, поскольку в этой маленькой статье задача наша – обратить внимание на программу, выстраданную более полутора веков назад русским украинцем, или украинским русским, признанным гением нашей общей культуры, программу обустройства страны, словно специально созданную для сегодняшнего времени.

«Всякому теперь кажется, что он мог бы наделать много добра на месте и в должности другого, и только не может сделать его в своей должности. Это причина всех зол. Нужно подумать теперь о том всем нам, как на своём собственном месте сделать добро. Поверьте, что Бог недаром повелел каждому быть на том месте, на котором он теперь стоит. Нужно только хорошо осмотреться вокруг себя»; «А если для этого нужно быть только тем, чем вы уже есть? А если у вас уже есть именно такие орудия, которые теперь нужны?» [7; с. 40, 41].

«Страданиями и горем определено нам добывать крупницы мудрости, не приобретаемой в книгах. Но кто уже приобрёл одну из этих крупниц, тот уже не имеет права скрывать её от других. Она не твоё, но Божье достояние. Бог её выработал в себе; все же дары Божьи даются нам затем, чтобы мы служили ими братьям нашим» [7; с. 106].

«Один Христос принёс и возвестил нам тайну, что в любви к братьям получаем любовь к Богу. Стоит только полюбить их так, как приказал Христос, и сама собой выйдет в итоге любовь к Богу Самому. Идите же в мир и приобретите прежде любовь к братьям. Но как полюбить братьев, как полюбить людей? Душа хочет любить одно прекрасное, а бедные люди так

несовершенны и так в них мало прекрасного! Как же сделать это?

Поблагодарите Бога прежде всего за то, что вы – русский. Для русского теперь открывается этот путь, и этот путь есть сама Россия. Если только возлюбит русский Россию, возлюбит и всё, что ни есть в России. К этой любви нас ведёт теперь сам Бог. Без болезней и страданий, которые в таком множестве накопились внутри её и которых виною мы сами, не почувствовал бы никто из нас к ней сострадания. А сострадание есть уже начало любви. Уже крики на бесчинства, неправды и взятки – не просто негодование благородных на бесчестных, но вопль всей земли... уже и бесчувственные подвигаются. Но прямой любви ещё не слышно ни в ком, – её нет также и у вас.

Вы ещё не любите Россию: вы умеете только печалиться да раздражаться слухами обо всём дурном, что в ней ни делается, в вас всё это производит только одну чёрствую досаду да уныние. Нет, если вы действительно полюбите Россию, у вас пропадёт тогда сама собой та близорукая мысль, которая зародилась теперь у многих честных и даже весьма умных людей, то есть будто в теперешнее время они уже ничего не могут сделать для России и будто ей уже не нужны совсем; напротив, только тогда во всей силе вы почувствуете, что любовь всемогуща и что с ней, возможно, всё сделать. Нет, если вы действительно полюбите Россию, вы будете рваться служить ей,... последнее место, какое ни отыщется в ней, возьмёте, предпочитая одну крупницу деятельности на нём всей вашей нынешней, бездейственной и праздной жизни.

Нет, вы ещё не любите Россию. А не полюбивши России, не полюбите вы своих братьев, а не полюбивши своих братьев, не возгореться вам любовью к Богу, а не возгоревшись любовью к Богу, не спастись вам» [7; с. 128-130].

«Чтобы узнать, что такое Россия нынешняя, нужно непременно проездиться по ней самому. Слухам не верьте никаким. ... Сделайте ваше путешествие вот каким образом: прежде всего выбросьте из вашей головы все до одного ваши мнения о России, какие у вас ни есть, откажитесь от собственных своих выводов, какие уже успели сделать, представьте себя ровно не знающим ничего и поезжайте как в новую, дотеле вам не известную землю. ... таким же точно образом (как русский путешественник в Европе – Л.Ш.), и ещё с большим любопытством, приехавши в первый уездный или губернский город, старайтесь узнать его достопримечательности. Они не в архитектурных строениях и древностях, но в людях. Клянусь, человек стоит того, чтоб его рассматривать с большим любопытством, нежели фабрику и развалину. Попробуйте только на него взглянуть,

вооружаясь одной каплей истинно братской любви к нему, и вы от него уже не оторвётесь – так он станет для вас занимателен» [7; с. 132-133].

«Грешит нынешний человек, точно, несравненно больше, нежели когда-либо прежде, но грешит не от призабиялы своего собственного разврата, не от бесчувственности и не от того, чтобы хотел грешить, но от того, что не видит грехов своих. Ещё не ясно и не совсем открылась страшная истина нынешнего века, что теперь все грешат до единого, но грешат не прямо, а косвенно. Этого не услышал ещё хорошо и сам проповедник; оттого и проповедь его роняется на воздух, и люди глухи к словам его» [7; с. 136].

«Жизнь нужно показать человеку, – жизнь, взятую под углом её нынешних запутанностей, а не прежних, – жизнь, оглянутую не поверхностным взглядом светского человека, но взвешенную и оцененную таким оценщиком, который взглянул на неё высшим взглядом христианина. Велико незнание России посреди России. Всё живёт в иностранных журналах и газетах, а не в земле своей. Город не знает города, человек – человека; люди, живущие за одной стеной, кажется, как бы живут за морями. Вы можете познакомить их между собой и произвести взаимный благодетельный обмен сведений, ... всех обогатить и в то же время разбогатеть самому больше всех.

Подвиг на подвиге предстоит вам на всяком шагу, и вы этого не видите! Очнитесь! Куриная слепота на глазах ваших! Не залучить вам любви к себе в душу. Не полюбите вы людей, пока не послужите им. ... Потому и любимы так сильно дитя матерью, что она долго носила его в себе, всё употребила на него и вся из-за него выстрадалась. Очнитесь! Монастырь ваш – Россия!» [7; с. 138-139].

Литература

1. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера земли. - Л.: Гидрометеиздат, 1990.
2. Гумилёв Л.Н. От Руси до России. - СПб.: ЮНА, 1992
3. Гумилёв Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. - М.: Мысль, 1989.
4. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трёх книгах. Кн. 1. - М.: Мысль, 1993. С. 251 – 253.
5. Маркузе Г. Одномерный человек. - М.: Realbook, 1994.
6. Белый А. Фридрих Ницше. // Белый А. Символизм как миропонимание.- М.: Республика, 1994.
7. Гоголь, Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями / Составление, вступительная статья и комментарии В.А. Воропаева. - М.: Советская Россия, 1990.

А. Е. ШАБАЛИНА, к. ф. н., доцент кафедры философии и культурологии СПбГАУ

Природа социально-нравственных конфликтов в творчестве Ф. М. Достоевского

Теории французских просветителей и сами события Великой французской революции трудно переоценить по силе воздействия на творчество не только западноевропейских деятелей, а также российских мыслителей и писателей XIX века. Провозглашенные общечеловеческие высшие идеалы свободы и братства на поверку оказались иллюзией, после эйфории пришло разочарование. И после западноевропейских событий 1948-1949 годов стало самоочевидным, что построение буржуазного общества не привело к всеобщему равенству и гармоничному общественному устройству. Это и отразилось в произведениях русских писателей, таких как В.Г. Белинский, Н.А. Некрасов, Ф.М. Достоевский, И.С. Тургенев, М.Е. Салтыков-Щедрин и др. Каждый из них по-своему ощутил и выразил ту социальную несправедливость, царящую в российском общественном укладе.

Назревшая необходимость крестьянской реформы, острые социально-политические противоречия в обществе считаются причиной расцвета литературы, театра, музыки и изобразительного искусства второй половины XIX века. Надо заметить, что это процесс взаимодействия общественного сознания и творчество выдающихся личностей обоюдострый. Так творчество Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, Салтыкова-Щедрина выражали революционные взгляды. В своем романе «Что делать?» Чернышевский проводит прямую зависимость от материального обустройства быта к гармоничным отношениям в обществе, выстраивает логику «разумного эгоизма», чем очаровал многих современников.

В отличие от радикальных настроений были сторонники преобразования общества мирным путем И.С. Тургенев, И.А. Гончаров и др. Ф.М. Достоевский сначала примкнувший к кружку Петрашевцев, пересматривает свое отношение к столь радикальным мерам, что отражается в его произведении «Бесы».

В романе «Преступление и наказание» ярко выразились «почвеннические» взгляды Достоевского. Не поддавшись радикальным идеям своего окружения, он предостерегает от воплощения призыва Чернышевского: Русь «к топору», Достоевский со всей последовательностью художественной реалистичностью, показывает судьбу такой идеи, доведенной до логического конца. Воплощение социальной справедливости не в силу

рационального обоснования, как например, настаивал Чернышевский, что если человека поместить в благоприятные социальные условия, то человек вскоре изменится к лучшему. Достоевский считал не верным объяснение поведения людей посредством условий их существования и показывал, что люди по своей натуре эгоистичны и капризны. Писатель раскрывает сложность природы преступления, мы знакомимся с рассуждениями Раскольникова о месте и значении человека [4, 252-257], наблюдаем за его метаниями между личными эгоистичными намерениями и тщетными попытками рассудочно оправдать свое преступление ради большего блага. «Сто, тысячу добрых дел и начинаний, которые можно устроить и поправить на старухины деньги, обреченные в монастырь! Сотни, тысячи, может быть, существований, направленных на дорогу; десятки семейств, спасенных от нищеты, от разложения, от гибели, от разврата, от венерических больниц, — и все это на ее деньги. Убей ее и возьми ее деньги, с тем чтобы с их помощью посвятить потом себя на служение всему человечеству и общему делу... За одну жизнь — тысячи жизней, спасенных от гниения и разложения. Одна смерть и сто жизней взамен — да ведь тут арифметика!» [4, 65] эти размышления Достоевский вкладывает в слова случайного студента, чтобы показать рождение этой мысли Родиона из общих умонастроений, такие взгляды были не редки в среде разночинной молодежи. После свершения злодеяния он терпит нравственное поражение, и никакая логика рассуждений не может оправдать право на пролитие крови других людей, и тем ярче писатель показывает антитезу рассудочности западничества, через теорию Раскольникова, и религиозно-нравственные идеалы славянофилов, выражая их в душевных порывах Сони Мармеладовой, именно она служит аллегорией всему русскому народу. Так в своей критической статье к роману «Преступление и наказание» Добролюбов подмечает, что «в забитом, потерянном, обезличенном человеке он (Достоевский — Ш.А.) отыскивает и показывает нам живые, никогда не заглушимые стремления и потребности человеческой природы, вынимает запряженный в самой глубине души протест личности против внешнего, насильственного давления [1, 477]. Д.И. Писарев же в своём отзыве на роман отмечает, что именно социальная неблагоустроенность и бедность привели Раскольникова к преступлению, благородные поступки тоже имеют внешний мотив, «но как только его перестают развлекать сильные посторонние впечатления, как только он остается наедине с своими сбивчивыми мыслями о недавнем прошедшем и о ближайшем будущем, так тотчас же в его душе начинается какая-то вьюга быстро возникающих, быстро исчезающих, беспорядочно

сталкивающихся и переплетающихся ощущений; ум его гаснет; воля изнемогает; он ни о чем не думает, ничего не желает и ни на что не может решиться» [5]. В творчестве Ф. М. Достоевского социально-политические проблемы не отделены от философско-психологических и писатель видит сущностное обоснование именно в самой природе человеческого.

Вопрос единства народа Достоевский видит в идеи братства, но не того братства, которое было провозглашено во времена буржуазной революции и вылилось в индивидуализм, «западный человек толкует о братстве как о великой движущей силе человечества и не догадывается, что негде взять братства, коли его нет в действительности» [3, 410] Достоевский считал, что состояние братства для русского народа его естественное состояние души, и подлинное братство возможно только при наличии этой антропологической характеристики, в отличии от западной рассудочности. Рациональным путем состояние братства не создать, только из глубокого чувства любви может возникнуть настоящее братство, а оно в свою очередь является основой равенства и настоящей свободы. «Все основано на чувстве, на натуре, а не на разуме» [3, 412], как бы подытоживает Достоевский.

Поражают сегодня своей актуальностью те же проблемы, которые писатель подчеркивает после своего пребывания во Франции и Англии, отраженных в «Зимних заметках о летних впечатлениях», где он пишет о подмене идеалов французской революции. «Одинаковая свобода всем делать все что угодно в пределах закона» [3, 410]. Иллюзии свободы указывает, что в мире правят деньги, корысть, эгоизм, и тем самым экономическая составляющая признается мыслителем, как существенная часть социальной жизни буржуазного западноевропейского общества. Свободой обладают лишь те, у кого есть деньги, но они не делают человека счастливым, в творчестве Достоевского мы видим таких прожигателей жизни: барин Свидригайлов, князь Валковский. Достоевский этими персонажами подчеркивает контраст между бедными униженными и людьми богатыми унижающими. Неслучайно писатель намекает на преступление, совершенное помещиком Свидригайловым, этим показывая нечто общее с Раскольниковым, и тот и другой совершили преступление, но между ними огромная пропасть. Свидригайлов изображен не способным на муки совести, пресыщенный богатством и наслаждениями, его мучает только скука, которая оказывается не выносимой. Раскольников нам изображается в тяжелых нравственных переживаниях, которые и могут его привести к нравственному возрождению.

Глубину нравственного разложения Достоевский видел не в социально-экономических причинах, и поэтому возлагал огромные надежды на победу

добра над злом в духовной жизни людей. Он видел преобразование полицейского государства, только через преодоление нравственной низости в душе каждого отдельного человека и уже как следствие улучшение жизни людей и всего общества, что отразилось в дальнейшем его творчестве. Этими взглядами он созвучен убеждениям Л.Н.Толстого в необходимости исключительно личного морального совершенствования, что каждый человек должен являться источником добра, любви, тогда и наступит гармоничное общество. Так Толстой в своей статье «Об общественном движении в России» он пишет, что «истинное социальное улучшение достигается только религиозно-нравственным совершенствованием отдельных личностей» и что «социальное улучшение при помощи внешних форм» является лишь «губительной иллюзией», останавливающей «истинный прогресс».

Идея выхода из кризиса предложенная Достоевским в романе «Идиот», где князь Мышкин чистотой сердца и помыслами должен был повлиять на взгляды высшего общества, которое уже оторвалось от «почвы», по мысли писателя они уже ближе к западноевропейскому индивидуализму. Увы, каким бы утопистом не был Достоевский, реализм берет верх и он заканчивает роман логично. Такой персонаж есть и в романе «Братья Карамазовы» Алеша Карамазов, в его словах обращенных к мальчишкам сквозит напутствие самого Достоевского, его надежда на этих мальчишек: «Ах, деточки, ах, милые друзья, не бойтесь жизни! Как хороша жизнь, когда что-нибудь сделаешь хорошее и правдивое!» [2, 661].

В сегодняшней жизни мы видим все те же признаки социальных конфликтов, противопоставление социальных законов и внутренней духовной силы человека. В современном мире наблюдается перекося в сторону объяснения социальных явлений через объективные причины, в силу ореола рационального объяснения делается ставка на технологии в т.ч. революций, но хочется подчеркнуть, что не напрасно многие великие русские писатели уповали именно на духовную составляющую русского народа.

Литература

1. Добролюбов Н. А. Забытые люди //Собрание сочинений. В 3-х томах. – Т 3. – М., 1952.
2. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы: [Роман]. Картя Молдовенякэ. – Кишинев., 1986.
3. Достоевский Ф. М. Дядюшкин сон; Село Степанчиково и его обитатели; Скверный анекдот; Зимние заметки о летних впечатлениях. – Л.: Лениздат, 1982.
4. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. – Л.: Лениздат, 1970.

5. Писарев Д.И. Борьба за жизнь ("Преступление и наказание" Ф. М. Достоевского. Две части, 1867 г.) //

www.litra.ru/critique/get/crid/00651061208338988645.
20.06.2014.

М. В. МИГУЛЕВА, специалист по работе с иностранными студентами СПбГАУ

О понимании свободы совести

Давно в мире идут войны: горячие и холодные. Совершенствуются инструменты ведения сражений, видов физического уничтожения человека нынче не счесть. Однако, основная битва идет за умы. Информационное оружие поражает в мозг и старика, и молодого, неопытного. Создание новых культов, унификация культур через подрыв традиций, создание массового потребителя – каждый сегодня участник творимого. СМИ в данном случае – инструмент, который может быть использован как для становления разумного мира, так и для разжигания безумной войны. Идет противостояние тех, кто за однополярный мир, за гегемонию и тех, кто принципиально за развитие в многообразии и равноправии.

Технология подмены понятий, расшатывание нравственных ориентиров широко используется через формирование образов, которые фиксируются в фильмах, печатных изданиях, в интернете. Этические категории справедливость, свобода, красота, добро, зло в их многогранном значении остаются в книгах, теряются в общем информационном потоке.

Обернёмся к понятию «совесть». Во все времена люди размышляли над ним. В античности Сократ постановил, что источник нравственных суждений человека есть его самопознание. (др.-греч. συνείδησις, как и лат. conscientia, означает и совесть, и осознание). Он выступил за освобождение индивида от безусловной власти над ним общественных и родовых традиций. В 19 веке Г. Гегель несколько иначе подходил к этому понятию и указал, что свою действительность совесть приобретает лишь во «всеобщем самосознании», благодаря "всеобщей среде" (обществу), в которой находится человек [1]. Таким образом, чтобы совесть как «прирожденная правда в различной степени развития» [2] раскрылась в человеке нужно создавать благоприятные условия в социуме, в том числе и через насыщение информационного пространства созидательными образами.

Писатели реалисты XIX века были лекарями своей эпохи, в своих произведениях они четко описывали болезни общества. Им приходилось прибегать к иносказанию, чтобы избежать политической ссылки. Не всегда социальным технологам прошлого удавалось находить рецепты

для общественного оздоровления. Салтыков Щедрин, будучи чиновником, изнутри познал все прелести государственной кухни. Ошибочно, а скорее намеренно его называют сатириком, однако, он был политологом, инженером человеческих душ. Его произведения запрещали, слишком явно он описывал пороки общественного устройства. Писал он и о совести, которая пропала. Не нашла она приюта ни у бедняка, ни у воришки, ни у богатого еврея. Писатель подарил её младенцу с надеждой, что в новом поколении взрастет совесть. Основными функциями совести является самооценка и самоконтроль. Она напоминает человеку об ответственности, которую он несет перед собой и перед обществом. Описав опасное социальное явление – отказ от совести, автор указал, что надо работать с молодежью, чтобы воспитать у нее иммунитет к социальным заболеваниям.

В негласную полемику с писателями – реалистами вступили идеологи с иными убеждениями. Как утверждал Й. Геббельс: ложь, сказанная сто раз, становится правдой. Что успешно использовали и используют социологи – иллюзионисты, те, кому выгодно воспитывать послушное стадо баранов – непомнящих. (как в сказке Салтыкова) Так Ф. Ницше писал "Испытывал ли я когда-нибудь угрыzenie совести? Память моя хранит на этот счет молчание" [3]. Или: "Угрыzenie совести — такая же глупость, как попытка собаки разгрызть камень [4]. Философия «сверхчеловека», теперешнего «супергероя» породила тиранов, которые заставили содрогнуться всё человечество. Гитлер, вдохновленный Ницше, вместо свободы совести, провозгласил свободу от совести, обращаясь к солдатам: "Я освобождаю вас от химеры, именуемой совестью". Только бессовестные люди, которым внушили такие идеи, были способны на те зверства, которые чинились во время второй мировой.

Сегодня в конституции почти каждого государства есть статья, которая гарантирует, что каждый человек имеет право на свободу совести, есть она и во всеобщей декларации прав человека генеральной Ассамблеи ООН и в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. К сожалению, многие сужают свободу совести до свободы вероисповедания. Юридический словарь определяет свободу совести как свободу морально-этических воззрений человека (т.е. что считать добром и злом, добродетелью или подлостью, хорошим или плохим поступком, честным или

бесчестным поведением и т.д.). В Википедии (ресурс, которым сейчас пользуются многие) свобода совести – это естественное право человека иметь любые убеждения. Однако в таком неполном определении кроется опасность, предположим, что человек, либо группа людей считает, что фашизм – это хорошо. Так западное сообщество, а точнее те, кто им управляет, активно внедряет идею «супергероя» в массовое сознание, является носителем алгоритма жёсткого индивидуализма, империализма, который воплощается в агрессивной политике США. Разжигание гражданских войн на Украине, в Ираке, в африканских государствах (Ливия, Египет и т.д.) возможно благодаря тому, что в этих странах подготовлено поколение людей, алгоритмика поведения которых позволяет им быть бессовестными, они готовы продаться, и при молчании сомневающихся, свободны активно навязывать «свои» демократические убеждения каждому. Это ли свобода совести? Французские революционеры в 1789 году в декларации прав человека и гражданина указали, что «никто не может быть преследуем за свои убеждения, даже религиозные, при условии, что их обнародование не угрожает общественному порядку». Из формулировок сегодняшнего законодательства последнее уточнение убрано, что позволяет легализацию общественно опасных воззрений.

Совесьть – это чувство нравственной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми, обществом [5]. При высшем состоянии совестность означает исчезновение долга, как некоего груза, в проявлении свободной доброй воли. Считаю, что свобода совести достигается через механизм «каждый имеет право на ошибку в ходе познания окружающего мира», при этом совесьть – как

алгоритмическая составляющая психики, внутренний регулятор может помочь человеку эту ошибку осознать и исправить. Важно, чтобы окружающее общество не обвиняло того, кто ошибается, а способствовало запуску внутреннего регулятора – совести, которая не только грызет человека, но и освобождает. Тот, кто оступился и сумел исправиться, может лучше помочь другому.

Совесьть воспитывается смолоду. Сегодня не достаточно просто писать книги. Задача тех, кто формирует инфо поле, ведет просветительскую деятельность разъяснять, что такое хорошо, что такое плохо, называть вещи своими действительными именами в СМИ, в аналитических статьях, заметках, творить привлекательные реалистичные образы добросовестного человека, жизнеутверждающие ценности в короткометражных сюжетах, мультфильмах, компьютерных играх и т.д. Включать в работу, значимую для общества, молодежь, выстраивать диалог поколений. Молодое поколение и не только сейчас большую часть времени проводит в интернете, соответственно негласная битва алгоритмов разрушения и созидания продолжается в мире виртуальном. Каким быть миру завтра, решать и нам тоже.

Литература

1. Ф. Ницше "Странник и его тень". – С. 817
2. Ф. Ницше Сочинения, т. 4, М., 1959. – С. 339–52.
3. Совесьть. Толковый словарь Даля <http://slovar-dalja.ru/slovar-dalya/sovest/38293/>
4. Ф. Ницше "Злая мудрость" Т. 1. – С. 722.
5. Совесьть. Толковый словарь Ожегова <http://enc-dic.com/ozhegov/Sovest-33039.html>

В. М. РЕЗЛЕР, к.ф.н., доцент кафедры философии и культурологии СПбГАУ

Социально-философские воззрения анархизма в русской культуре XIX века

В современных условиях социально-экономической, политико-правовой, межнациональной, нравственной ситуации в стране обращение к теоретическому наследию культуры и философии, в частности, к истокам становления и развития народничества не только как общественно-политического, но и как социокультурного явления XIX века, вызывает определенный интерес, т.к. в кризисных ситуациях мир всегда обращается к социокультурной динамике. И как отмечает современный исследователь: «...изучение истории

философии народничества не только является одним из способов пополнения знаний об интеллектуальной отечественной истории, но дает дополнительные возможности ориентации в сложной палитре идейных течений современной России» [1:260]. А это дает дополнительные возможности ориентации выбора стратегии социокультурного развития страны.

Философия русского народничества как направления в отечественной философской мысли XIX века прошла в своей эволюции несколько этапов и одно из них – народничество анархистского толка — особое явление отечественной культуры и философии, у истоков которого стоял М.А. Бакунин.

Философия народничества соединяла в себе ценности русского социализма, разрабатываемые в творческой мысли А.И. Герцена, Н.П. Огарева, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, Д.И. Писарева, а

также ценности философии славянофилов. Последние считали, что в силу соборного характера русского народа, наличия начал общинной и артельной жизни политическая и социальная эволюция России не пойдет по следам Западной Европы и минует развитие капиталистического строя. Философия народников испытала на себе осязаемое влияние философии Л. Фейербаха и Н.Г. Чернышевского. Чернышевский указывал, что следует соединить промышленные и технические достижения западной цивилизации с социалистическими чертами быта и культуры русского народа.

Анархизм же, как общественно-политическое и социально-экономическое учение, окончательно сложившееся в 40-70-х годах XIX века в Западной Европе, пропагандировал идеи всеобщего равенства людей, альтруизма, неограниченной человеческой свободы (М. Штирнер и др.). Идеологи анархизма предполагали уничтожение всякой государственной власти и связанных с ней общественных институтов и образование свободных федераций мелких независимых ассоциаций производителей.

Русский анархизм основывался не только на западных воззрениях, но и имел глубокие этнокультурные корни. Он стал неотъемлемой частью отечественной общественно-философской мысли. Сама русская философия на всех этапах развития в своей системе социокультурных ценностей в целом сохраняла нравственно-этический и гуманистический характер. И философия русского народничества XIX века, а анархизм был близок ему по идейным основаниям, представляла собой закономерный этап в развитии отечественной философской мысли.

М.А. Бакунин одним из первых наметил подход к анализу социокультурных начал индивидуального через общечеловеческое. Коллективистская этика – сфера творческих замыслов Бакунина как основоположника русского анархизма. Бакунин был глубоко общественной личностью. Мировоззрение и духовное состояние русского анархиста-аристократа претерпевали сложнейшую внутреннюю эволюцию и в итоге Бакунин приходит к пониманию консолидирующего значения этики.

Коллективистская этика русского анархизма получила наибольшее развитие и своеобразное завершение до целостного учения в работах именно Кропоткина. Анархизм, по Кропоткину, это качественно иной взгляд на общество и на человека, отличающийся от других социокультурных воззрений. П.А. Кропоткин утверждал, что анархизм есть нечто большее, чем простой способ действия или же идеал свободного общества. Анархизм, кроме того, представляет собой «философию как природы так и общества». Как и Бакунин, Кропоткин резко выступил против государства и «государственного социализма», считал, что трудящиеся сами в

состоянии «выработать строй, основанный на их личной и коллективной свободе». Он считал возможным установление «безгосударственного коммунизма» на основе «союза сельскохозяйственных общин, производственных артелей и ассоциации людей по артелям» [2].

Для Кропоткина справедливость выступает важнейшим общечеловеческим началом. Вместе с тем она является той целью, к которой стремится историческое развитие социума. В это плане уместно провести аналогию между суждениями Кропоткина о справедливости и идеями о нравственно-экономической стороне русской общинной жизни, тоже базирующейся на справедливости, что развивал выдающийся культуролог и социолог Н.Я. Данилевский [3].

В этом плане справедливость представляется как свобода, равенство и взаимная солидарность. Кропоткин пишет в работе «Нравственные начала анархизма», что «равенство во взаимных отношениях и вытекающая из него солидарность — вот самое могучее оружие животного мира в борьбе за существование. Равенство — это справедливость. Объявляя себя анархистами, мы заранее тем самым заявляем, что мы отказываемся обращаться с другими так, как не хотели бы, чтобы другие обращались с нами; что мы не желаем больше терпеть неравенства, которое позволило бы некоторым из нас пользоваться своей силой, своей хитростью или смелостью в ущерб нам. Равенство во всем — синоним справедливости. Это и есть Анархия» [4:301].

На идее общественной солидарности и концепции взаимной помощи, основывается теория Кропоткина о взаимопомощи и взаимной поддержке. Взаимная помощь в человеческом обществе, по Кропоткину, есть результат эволюционного развития общественных и культурных форм жизни. Этим взаимопомощь в социуме отличается от альтруизма в природе. Отношения взаимной помощи, солидарности и сотрудничества выступают как общесоциологическая закономерность. Сама взаимопомощь при этом берет начало в животном мире, закрепляется на уровне врожденных инстинктов.

По Кропоткину, закон общительности регулирует как развитие тех или иных форм общественной жизни, так и способствует формированию нравственных начал в человеческой жизни, достраивая их до создания развитых этических систем. Людская взаимная помощь и солидарность, таким образом, становятся основаниями социокультурной концепции не только самого Кропоткина, но и всей социальной философии народничества. Кропоткин писал: «Мы легко различаем три основных элемента, три составные части нравственности; сперва — инстинкт

общительности, из которого развиваются дальнейшие привычки и нравы; затем понятие о справедливости; и на почве этих двух развивается третий элемент нравственного — чувство, которое мы называем не совсем правильно самоотвержением или же самопожертвованием, альтруизмом, великодушием, чувство, подтверждаемое разумом, которое составляет, в сущности, именно то, что следовало бы назвать нравственным чувством. Из этих трех элементов, совершенно естественно развивающихся во всяком человеческом обществе, слагается нравственность» [5:270-271].

Требование справедливости — требование одновременно и экономическое, и социальное, и нравственно-этическое. При этом справедливость еще не дает всей нравственности. Не менее важным условием светской нравственности выступает готовность к самопожертвованию. Альтруизм человека ради счастья и развития других людей Кропоткин считал нравственностью в собственном смысле слова. Отдача себя людям без мотивов корыстных — в этом русский философ-гуманист видел основу нравственного фундамента будущего общества. Поступок определялся им как критерий нравственного поведения человека. Поэтому целью этики провозглашался идеал, который вел бы людей инстинктивно к действию в должном направлении. Подобно тому, как цель воспитания ума состоит в том, чтобы человек привык делать верные умозаключения почти бессознательно, так и цель этики, по словам Кропоткина, — создать в обществе такую духовную атмосферу, чтобы большинство вполне импульсивно, без колебаний совершало бы именно те поступки, которые вели бы к благосостоянию всех.

Истинная нравственность, говорит Кропоткин, начинается тогда, когда человек, чувствуя в себе избыток ума и воли, совершает поступки во благо всех. Философия нравственности становится состоятельной тогда, когда она опирается на практику взаимопомощи, на стремление к справедливости и способность человека к самопожертвованию. Этика — это форма консолидации общества, позволяющая индивиду максимально реализовать свой творческий потенциал, гармонизировать отношения личности и общества.

Формулируя свою концепцию, Кропоткин исходил из изучения природы человека и эволюции его социокультурных форм. По Кропоткину, основой человеческого общежития должен быть союз людей по интересам, связанных между собой хозяйственными, торговыми и культурными отношениями. И такой союз с неизбежностью должен быть связан с другими, тем самым объединяя все человечество. Основой каждого такого союза служит механизм справедливого, эквивалентного обмена продуктами труда и деятельности (включая услуги,

научную и художественную деятельность и т.д.). Политической формой такого союза должно выступать самоуправление как прямое и исключительное народоправство. Самоуправление как коренной принцип философии Кропоткина опиралось не только на опыт вечевого (общинного) управления на Руси, но и на теорию взаимопомощи. Самоуправление — это не только социальный аспект человеческой деятельности, но, считал Кропоткин, это ценность культурантропологическая, поскольку она затрагивает морально-этические нормы жизни человека. Этика в этом аспекте слагается из трех основных составляющих: инстинкта общительности — взаимопомощи; понятия справедливости — равноправия, сострадания, самоорганизации, самоуправления; нравственного чувства, условно обозначаемого как самоотверженность — великодушие, альтруизм, самопожертвование.

С народнических времен и до конца жизни Кропоткин занимался исследованием форм народного жизнеустройства, самоорганизации: община, артель, кооперативное движение и т.д. Для него любая форма собственности, кроме общинно-артельной, — это социальное зло, средство ограничения свободы и прав личности, свободы духа. Лишь коммунальная собственность способна покончить с отчуждением работника от средств производства и превратить его в подлинного хозяина материальных и духовных ценностей. Коммунальная собственность, по Кропоткину, противостоит как частной форме собственности с ее идеей исключительности эгоцентризма личности собственника, так и государственной собственности, которая порождает бюрократа как тип личности [6:50-56].

Следует отметить, что Кропоткинская социокультурная концепция давала его философии ряд важных преимуществ по сравнению с другими учениями того времени. И именно такие социокультурные ценности как община, личность, справедливость, самоорганизация, самоуправление, взаимопомощь, которые легли в основу теории русского анархизма, могут быть востребованы для переосмысления современных социокультурных процессов нашего общества.

Литература

1. Пустарнаков В.Ф. Философия народничества // История русской философии. — М., 2001. — С. 260.
2. См.: Кропоткин П.А. Анархия, ее философия, ее идеал: Сочинения. — М.: Изд-во Эксмо, 2004.
3. См.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. — СПб., СПбГУ, 1995.

4. Кропоткин П.А. Нравственные начала анархизма // Этика: Избранные труды. — М.: Политиздат, 1991. — С. 301.

5. Кропоткин П.А. Справедливость и нравственность // Этика: Избранные труды. — М.: Политиздат, 1991. — С. 270-271.

6. См.: Арефьев М.А., Давыденкова А.Г. Анархо-коммунистическая концепция князя П.А. Кропоткина (к 150-летию русского революционера) // Обществ. — полит. институты и движения: Проблемы теории и истории. Сборник научных трудов. — Л.: ЛФЭИ, 1991. — С. 50-66.

Секция № 3. «Значение продовольственной безопасности России»

Руководитель секции – д.э.н., профессор П.В. Смекалов

П. В. СМЕКАЛОВ, д.э.н., профессор
О. В. КУЗЬМИНА, аспирант

Формы и виды государственной поддержки предприятий АПК в условиях ВТО

В условиях рыночной экономики эффективность сельскохозяйственной отрасли является неперенным условием ее развития на основе действия устойчивых организационно-экономических, правовых, социальных и экологических связей и отношений. Повышение эффективности работы сельского хозяйства представляет собой сложный многоплановый процесс, затрагивающий различные стороны его деятельности и направленный на максимальное удовлетворение потребности населения в качественной продукции и достижение уровня доходов, обеспечивающих отрасли эффективное развитие.

На эффективность хозяйствования влияют технологические, экономические, социальные, экологические и организационные факторы, которые являются важнейшими направлениями для проведения анализа, раскрывающего не использованные резервы повышения эффективности в каждом конкретном сельскохозяйственном предприятии. При осуществлении данного анализа необходимо использовать комплексный подход, основанный на современных математических методах, так как он направлен на более полный и точный учет использования всех факторов эффективности производства. В условиях рыночной экономики такая методологическая ориентация служит залогом объективного научного анализа и решения данной проблемы.

В условиях членства России в ВТО одной из основных форм конкурентной борьбы сельскохозяйственных организаций должна стать неценовая конкуренция, базирующаяся на высоком

качестве продукции и более эффективных методах ее сбыта. С этой целью необходимо создание системы обеспечения качества и конкурентоспособности продукции, охватывающей все этапы ее производства и реализации. Ее основой должна стать служба контроля и менеджмента качества на различных иерархических уровнях. Осуществление этого невозможно без соответствующей федеральной и региональной аграрной политики, направленной на стимулирование повышения качества и конкурентоспособности продукции отраслей сельского хозяйства.

Основным содержанием организационно-экономического механизма в производстве и реализации сельскохозяйственной продукции является государственная поддержка ее производителей. Предотвратить перерастание разрушительных в отечественном сельскохозяйственном производстве в хронические и необратимые процессы без финансовой поддержки государства и защиты экономических интересов отечественных производителей невозможно.

В условиях либерализации отечественного рынка, совершенствования механизмов хозяйствования и управления, инструменты прямого финансирования должны постепенно отходить на второй план, при условии экономического оздоровления отрасли, после этого можно актуализировать рыночные механизмы и инструменты поддержания конкурентоспособности производителей сельскохозяйственной продукции.

При этом необходимо создание национальной системы маркетинговой информации и мониторинга об общей потребности и ее удовлетворении в продукции, а так же оперативного реагирования по установленному алгоритму на конкретные ситуации, возникающие на продуктовом рынке и отрасли в целом и требующие оперативного вмешательства. Элементом такой системы могут стать информационно-консультационные службы, вырабатывающие на основе собранной информации и специальных экономико-

математических методов, оптимальные стратегии развития как для конкретных секторов рынка, так и АПК в целом.

Совершенствование форм и видов государственной поддержки сельхозтоваропроизводителям должно осуществляться в направлении:

- увеличения финансовой поддержки на технологические инновации, как одного из основных факторов развития АПК;

- стимулирования инвестиций в отрасль преимущественно на инновационные средства в аграрный сектор, так как АПК должен стремиться к переходу на инновационное развитие сельского хозяйства;

- налаживания механизма компенсации товаропроизводителем части затрачиваемых средств на реальную модернизацию, в том числе на обновление технического потенциала на уровне не менее 25%;

- изменения порядка субсидирования единицы произведенной продукции, а так же совершенствование форм и видов государственной поддержки сельскохозяйственного производства, учитывающих инновационно-ориентированную направленность;

- при отборе инвестиционных проектов и в целях оптимизации бюджетных расходов в качестве

критерия использовать показатели капиталоемкости единицы продукции или капитальные вложения на 1 ското-место в животноводстве;

- оказывать государственную поддержку не только крупным и средним сельскохозяйственным организациям, но и крестьянским (фермерским) хозяйствам, хозяйствам населения в соответствующих пропорциях.

Указанные меры позволят реализовать программные задачи Правительства России в развитии АПК.

Литература

1. Костусенко И. И., Смекалов П. В. Региональное распределение продовольственных ресурсов: вопросы дифференциации и пути сглаживания неравномерности – Монография. – М.: Издательский дом «Научная библиотека», 2013.
2. Смекалов П.В., Бадмаева Д.Г., Смолянинов С.В. Анализ финансовой отчетности предприятия – Учебное пособие. – СПб.: «Проспект науки», 2009.
3. Смекалов П.В., Смолянинов С.В., Косякова Л.Н. Экономический анализ в АПК – СПб.: «Проспект науки», 2011.
4. Трафимов А. Г. Формирование многоукладной экономики сельского хозяйства в условиях национального проекта АПК. – СПб.: Триэс, 2008.

П. В. СМЕКАЛОВ, д. э. н, профессор
Л. Н. КОСЯКОВА, докторант СПбГАУ

Организационно-экономический механизм регулирования интеграционных процессов в АПК

Оценка современного состояния интеграционных процессов в отечественном агропромышленном комплексе позволяет утверждать, что самым существенным упущением в интегрированных агропромышленных формированиях является организация их без достаточного учета объективных условий, низкий уровень кадрового потенциала.

Усиление взаимодействия технологически взаимосвязанных предприятий и мобилизация производственных и финансовых ресурсов на наиболее выгодных направлениях, позволит повысить устойчивость функционирования предприятий в рыночных условиях, улучшить финансово-экономические показатели каждого из них и холдинговой компании в целом.

Основным предназначением холдинговых компаний в АПК является наращивание объемов производства продукции и обеспечение пропорционального развития связанных между собой предприятий (производство, переработка, торговля). Холдинговые компании в АПК должны способствовать расширению масштабов производства и ускорению освоения новых технологий на основе развития связей между отраслями АПК и зарубежными партнерами.

В ходе реформирования аграрной сферы получили развитие новые предпринимательские структуры в экономике АПК, которые являются важным фактором формирования рыночных отношений и условием дальнейшего развития сельскохозяйственного производства в целом.

Наиболее распространенным современным подходом при объяснении мотивов интеграции, является подход к неоинституциональной экономике и, в частности, с позиций «транзакционных издержек», то есть издержек на заключение и выполнение контрактов. Важным мотивом интеграции является то, что вертикальная интеграция ведет к повышению надежности снабжения сырьем, и в то же время, на снижение себестоимости собственного

сырья по сравнению с рыночной. Горизонтальная интеграция дает эффект диверсификации, снижения финансовых рисков за счет объединения разнородных производств и экономии на масштабе.

На основе проведенного анализа агропромышленной интеграции за рубежом и в России можно выделить следующие модели (формы):

- контрактная система взаимоотношений сельхозпроизводителей с перерабатывающими, бытовыми и другими организациями АПК;

- объединения, созданные без образования юридического лица, возглавляемые фирмой-интегратором, осуществляющей связи с другими участниками объединения на контрактной основе, либо путем участия в формировании их собственности, где ведущей стороной и инвестором выступает несельскохозяйственное предприятие;

- агропромышленные формирования, созданные путем объединения капиталов и труда юридических и физических лиц (корпорации, кооперативы и др.);

- комбинаты – единые крупные предприятия, в которых представлен весь технологический цикл от производства сельскохозяйственной продукции до ее переработки и реализации конечному потребителю;

- холдинги – агропромышленные формирования, состоящие из нескольких юридических лиц, одно из которых является собственником всего или части уставного капитала других и управляет деятельностью всех других юридических лиц формирования;

- финансово-промышленные группы, представляющие собой интеграцию производства, начиная от сырья, сбыта, с финансовым капиталом.

Для повышения эффективности производственно-бытовой деятельности предприятий агропромышленного комплекса, целесообразно совершенствовать организационную структуру, расширять сферы деятельности, выходить на новые рынки. Важным направлением решения этих задач является создание в АПК холдинговых компаний.

Холдинговые компании способствуют лучшему использованию сельскохозяйственной продукции, трудовых ресурсов, сокращению транспортных издержек; полнее и равномернее используют средства производства, перераспределяют финансовые ресурсы реконструкции, строительства и технического перевооружения.

Существуют в основном два типа холдинговых структур: финансово-управляющие холдинги, в которых головной компанией является организация, специально созданная для управления холдингом, но сама не выполняющая производственных функций; смешанный холдинг, в котором основная компания, выполняя функции корпоративного управления по отношению к участникам, непосредственно

занимается также производственной или торговой деятельностью. В агропромышленном комплексе в настоящее время преобладают смешанные холдинги.

Перспективны как многопрофильные, так и специализированные агрохолдинги. Диверсификация (многопрофильная специализация) позволяет уменьшить риски, связанные с нестабильностью отечественных продуктовых рынков и слабым государственным регулированием. Специализированные холдинги эффективны на стабильных рынках.

В целом позитивные характеристики интеграционных процессов можно сгруппировать по следующим направлениям:

- экономия на затратах за счет объединения усилий сельскохозяйственных, перерабатывающих и агросервисных предприятий;

- снижение рисков и получение соответствующей дополнительной экономии за счет расширения сферы предсказуемых цен, объемов производства и поставок для всех участников интеграции;

- достижение дополнительного эффекта, недоступного для каждого из предприятий в отдельности, за счет концентрации капиталовложений;

- усиление финансовой устойчивости предприятий и тем самым увеличение доверия покупателей, поставщиков, потенциальных кредиторов и инвесторов к сельхозпредприятиям за счет использования системы взаимных расчетов;

- обеспечение резкого повышения качества продукции, расширение ассортимента и снижение себестоимости за счет ускоренного внедрения в сельскохозяйственное производство современных специализированных технологий.

Увеличению стабильности и снижению уровня риска в действиях объектов АПК способствует построение комбинированной системы интеграции, то есть, системы многопрофильной, сочетающей вертикальный и горизонтальный уровни.

Анализ и оценка результативности деятельности по формированию холдингов как одной из возможных организационно-экономических структур в системе АПК, показали крайнюю неэффективность использования механизма их создания на базе предприятий, не связанных с производством, переработкой и сбытом сельскохозяйственной продукции. При разработке организационной структуры холдинговой компаний в АПК, были использованы принципы построения холдинга.

Регулирование интеграционных процессов при формировании агрохолдингов должно учитывать исходный уровень экономического и социального развития хозяйствующих субъектов, которое во многом зависит от их производственно-бытовой

деятельности, сложившейся в период реформирования:

- создание структур, способствующих быстрому адаптивному и повышению эффективности производства и сбыта;

- развитие и или создание функциональных служб и подразделений (маркетинговых, информационных, предпринимательских), позволяющих эффективно строить свои отношения с другими субъектами рынка;

- использование механизмов государственного и регионального управления в сфере ценообразования, товародвижения, защиты интересов сельскохозяйственных товаропроизводителей.

Использование различных форм и методов участия сельскохозяйственных товаропроизводителей в деятельности агрохолдингов и других интеграционных структур, на взаимовыгодной для них основе, позволит обеспечить устойчивое

функционирование продовольственных рынков в регионах Российской Федерации.

Литература

1. Костусенко И.И., Смекалов П.В. Региональное распределение продовольственных ресурсов: вопросы дифференциации и пути сглаживания неравномерности – Монография. – М.: Издательский дом «Научная библиотека», 2013.

2. Смекалов П.В., Бадмаева Д.Г., Смолянинов С.В. Анализ финансовой отчетности предприятия – Учебное пособие. – СПб.: «Перспектива науки», 2009.

3. Смекалов П.В., Смолянинов С.В., Косякова Л.Н. Экономический анализ в АПК – СПб.: «Перспектива науки», 2011.

4. Трафимов А.Г. Формирование многоукладной экономики сельского хозяйства в условиях национального проекта АПК. – СПб.: Триэс, 2008.

А. Д. ЯРМОЛЕНКО, архитектор

Проблема европейского транзита: КВЖД – БАМ

Идея осуществления самого грандиозного проекта железнодорожного строительства, которое называлось первоначально Великий Сибирский путь, а впоследствии Китайской Восточной железной дорогой – КВЖД обрела реальность в сознании России более половины века. После высказанного в ответ на вопрос императора, куда следовало бы провести очередную железную дорогу, вице-адмирал И.В. Копытов, ответил: «из Москвы одну в Китай, другую в Индию». На что император на балу у графа Канкрин, сказал хозяину: «Отправь его в сумасшедший дом».

Прошло более чем 50 лет. В 1887 году вице-адмирал И.В. Копытов на заседании Императорского русского технического общества доложил «О наивыгоднейшем направлении железной дороги через всю Сибирь и при возможном использовании части этой дороги по китайской территории».

К этому моменту в России уже существовала разветвлённая сеть ж/д, что можно было заметить, например, в столице – Санкт-Петербурге по присутствию в плане следующих вокзалов: Витебского, Московского, Варшавского и Балтийского. Открытие постоянного движения на Царскосельской дороге было осуществлено весной 1838 года, а открытие Николаевской дороги между Петербургом и Москвой в 1851 году. А в 1891 году было начато строительство Южно-Уссурийской ж/д,

и постепенно начали разворачиваться промежуточные пункты Великого Сибирского пути: Челябинск-река Обь, (Западно-Сибирская ж/д), река Обь-Иркутск (Средне-Сибирская ж/д), Иркутск-Сретенск (Забайкальская ж/д).²⁸

Министр финансов С.Ю. Витте поддержал этот проект в связи с идеей соединения Забайкальска с Владивостоком через Манчжурию, предположив что Китай может выступить в качестве союзника в этом предприятии. И в том же 1891 году императором Александром III был подписан указ «О строительстве сплошной через всю Сибирь железной дороги», и в закладке во Владивостоке Сибирского пути принял участие наследник престола. А на коронации императора Николая II были проведены переговоры Министра иностранных дел князя А.Б. Лобанова-Ростовского с представителем китайской делегации Ли Хун-Чжаном относительно взаимного оборонительного договора, который был подписан 22 мая 1896 года.

Для обеспечения доступа русских сухопутных войск на территорию Китая китайское правительство согласилось на сооружение ж/д линий через китайские провинции Хейлуцзэн (Амурскую) и Гириинскую в направлении на Владивосток. В 1896 году был подписан договор об экономическом сотрудничестве между странами через Русско-Китайский банк и Акционерное общество, которое подчинялось С.Ю. Витте, а возглавил общество китайский чиновник Суй-

²⁸ Трунова И.И. *Китайско-Восточная железная дорога/Страницы истории жд транспорта России.* – СПб. ЦМЖТ МПС России, 2004, с. 85.

Цзинь-Чен. Основная техническая часть разработок принадлежала России, и возглавил её инженер С.И. Кербедз. Он разработал проект самого протяжённого Хинганского тоннеля, заложил основные параметры для прохождения тяжёлых составов, которые перемещались не только тянущими составами, но и подталкивающими на трудных участках пути и проекты больших мостов через реку Сунгари и Нонни. Кроме Кербедза мосты на КВЖД строили знаменитый инженер В.Г. Шухов и действительный член Академии наук СССР Г.П. Передерий, который работал в Петербурге и после защиты диссертации возглавил кафедру мостов, а в 20-е годы был назначен ректором Ленинградского института гражданских инженеров²⁹.

Главный инженер путей сообщения А.И. Шидловский заключил договор от управления дороги о приобретения земельного участка под городское строительство центрального пункта КВЖД, расположенного на реке Сунгари (на месте расположения бывшего Ханьшинского завода по производству китайской водки). Одновременно с этим 23 апреля 1898 года был дан приказ о начале работ на всех строительных участках. Таким образом, эта дата стала отправной точкой для основания города Харбина. Этот район впоследствии стал называться «Старым Харбином».

При этом значительная роль в защите зданий и сооружений, превратившихся в своеобразные крепости, в обустройстве русских специалистов, обслуживающих КВЖД и в переговорах с представителями Антанты на Дальнем Востоке, принадлежала генералу Д.Л. Хорвату.

Правление акционерного общества располагалось в Санкт-Петербурге на Преображенской улице, дом 28, а на связи общества с КВЖД был назначен директор-распорядитель, инженер путей сообщения – чиновник особых поручений при министерстве финансов А.Н. Вентцель.

Министр финансов С.Ю. Витте 21 октября 1901 года доложил императору Николаю II об окончании укладки пути на главном участке Китайско-Восточной железной дороги. И в ответ император поздравил строителей телеграммой: «Искренне благодарю Вас за радостное сообщение, поздравляю Вас с окончанием одного из крупнейших железнодорожных предприятий в мире за столь короткий срок и среди неимоверных трудностей».

В связи с этим необходимо отметить, что это поздравление было несколько преждевременным. Участок от станции Карымская Забайкальская ж/д – станция Маньчжурская был открыт 10 февраля

1901 года; а участок станции Никольск — Уссурийский Уссурийской ж/д — станция Пограничная Китайско-Восточной ж/д был открыт 1 января 1900 года. Это позволило организовать прямое железнодорожное сообщение от Москвы до Владивостока (с ж/д паромной переправой на озере Байкал).

Однако строительство Южной ветки КВЖД на Порт-Артур и порт Дальний ещё продолжалось, и ж/д была сдана в постоянную эксплуатацию только 30 июня 1903 года. В этот день была принята телеграмма главного инженера КВЖД А.И. Юговича: «Сего 30 июня 1903 года дорога передана для правильной эксплуатации на всём протяжении свыше 2400 вёрст... с первого июля сего года, является начало правильного движения на Китайской Восточной железной дороге». В «Отчёте по постройке Китайско-Восточной железной дороги 1897-1903 гг.» изданном в 1905 году общая протяжённость дороги составляет 3112,5 км, из них главных путей – 2532,3 км, станционных путей – 485,6 км.

С началом эксплуатации дороги многие строители перешли другую работу. Первым управляющим Китайско-Восточной дороги назначили генерал-лейтенанта Д.Л. Хорвата, начальником – генерала А.К. Гинце, первым заместителем Хорвата и начальником службы инженера путей сообщения князя С.Н. Хилкова, который оставался в должности до 1915 года.

Далее после начала Октябрьской революции в особенности у тех, кто оказался на территории Манчжурии началась уже другая жизнь в связи с драматическими испытаниями связанными и с китайской администрацией, затем в связи с захватом этих территорий японцами. В результате русское население оказалось в тисках не только от оккупационных войск, но и со стороны соотечественников Красной армии. Финал в этой эпопее наступил в 1945-1946 годах, когда после победы над фашистской Германией на территорию Китая вступили советские войска. Правда ещё до того, ещё в 30-е годы советское руководство решило возродить идею строительства вместо той части КВЖД, которая находилась на китайской территории. Она стала называться Байкало-Амурской магистралью - БАМом. Однако и сложный ландшафт, и технические проблемы, и текучесть рабочей силы, и финансовые проблемы оказались такими, что в 1932 году было принято решение передать «объект» из ведения Наркомата путей сообщения в ОГПУ. Таким образом до 1937 года велась подготовительная работа силами заключённых. Так осуществлялся переход от Транссиба к БАМу — железной дороги до Тынды. А с 1938 года началось до Отечественной войны

²⁹ Косова Н.Е. Там же. С. 120

строительство собственно БАМа — от Тайшета, огибая Байкал, к Советской гавани.³⁰

Вместе с тем, необходимо отметить, что например Харбин ещё долго после Октябрьской революции оставался своеобразным фрагментом дореволюционной России, европейским городом, планировка которого имела немало аналогий с Петербургом. Там значительную часть населения составляли технически грамотные русские организовавшие не только школы и, например гимназия имени Генриха Сенкевича, Коммерческие училища, Пастырско-богословские курсы, но и высшие учебные заведения: институт Св. князя Владимира, куда впоследствии факультетом вошли богословские курсы, Ориентальный и Финансовый институты, Духовная семинария и т.п.

В Харбине были построены: Спасо-Преображенская церковь, Свято-Николаевский собор и собор Святой Софии, по настоянию архиепископа Харбинского Мефодия, архимандрит Ювеналий построил мужской монастырь на Крестовом острове Харбина. И хотя знание китайского языка было редкостью у харбинцев, но в городе были: польское население, татарская, армянская, грузинская и даже эстонская и еврейские колонии, но среди тех, кто изучал китайские обычаи, в основном известны русские имена и фамилии. Отметим среди них поэта Валерия Перелешина, П.В. Шкуркина читавшего курс по истории Китая в провинции Гири, поэтессы Н.И. Ильиной, поэтессы Н.С. Резниковой - автора поэтического сборника «Песни Земли», писателя Н.А. Байкова – автора этнографической прозы, А.П. Хионина опубликовавшего «Русско-китайский словарь юридических,экономических и политических терминов» и наконец талантливого поэта Арсения Несмелова, настоящее имя которого (Арсений Иванович Метропольский).³¹

В этот период в Сибири разворачивались революционные события, о которых мы не будем рассказывать, но упомянем об участии в них армии генерала В.О. Каппеля, адмирала А.В. Колчака, отрядов атамана Г.М. Семёнова и В.К. Блюхера, других соединений.

К сожалению, финал, связанный с историей и судьбой участников эксплуатации КВЖД, был предreshён после вступления Японии во II Мировую войну. Японское руководство использовало раскол, связанный с надеждами правых эмигрантов,

которые стали сотрудничать с японцами, будучи враждебно настроены против СССР.

Наиболее активные стали руководителями созданных японцами организаций наподобие БРЭМа и его филиалов, а начиная с 1942, года молодые жители Харбина подлежали мобилизации. Первый отряд, созданный из русских, был сформирован ещё в 1937 году неподалёку от Харбина. Его возглавил японский полковник Асано. Второй отряд, который был сформирован в 1939-1940 годах, возглавил Иван Александрович Пешков, в основном состоял из казаков (и даже был вооружён самурайскими мечами) и вошёл в состав Квантунской армии. Но в 1945 году, после привала и приказа сложить оружие в пирамиды, более сотни безоружных казаков ожидала неожиданная расправа, они были расстреляны из пулемётов, а оставшихся японцы добились штыками (в том числе И. Пешкова и его помощника Б. Зимина).

Сходные ситуации ожидали эмигрантов из России и в других городах, например в Мукдене, Синьцзине, Чаньчуане, Дальнем, Шанхае и Тяньцзине. В заключение приведём воспоминания Протоиерея о. Михаила Ардова о событиях начала 1946 года. «Родина встретила русских эмигрантов жёстко. По прибытии пассажирского поезда на пограничную станцию они увидели плотное оцепление советских солдат. Сначала офицеры МГБ попросили приготовить для проверки книги, которые собрали в мешки солдаты, вошедшие вслед за ними.

Тут эмигранты испытали первый шок, когда увидели, что солдаты вытряхнули книги в ров неподалёку от их вагонов, облили керосином и подожгли. Эмигранты не догадывались, что это только первый акт их испытаний на родине. Затем после короткой переклички их пересадили в теплушки и отправили в фильтрационные пункты, затем они оказались в разветвлённой сети советских концентрационных лагерей».³²

Однако об освоении Сибири не забывали. В связи с этим приведём выдержку из речи Председателя Совета народных комиссаров СССР В.М.Молотова в 1934 году на XVII съезде ВКП(б), – «Из всех новых ж/д строек выделяется грандиозностью сооружение Байкало-Амурской магистрали протяжённостью 1400 км. Она соединит Забайкалье с низовьями Амура и будет способствовать вовлечению в хозяйственную жизнь громадной территории, бывшей до сих пор в значительной части недоступной для человека».

В действительности значительным событием для СССР стало объявление на XVII съезде ВЛКСМ БАМа Всесоюзной ударной комсомольской стройкой

³⁰ Лагерн. «Строитель БАМа» 8 июня 1934 г/ Буклет выставки «БАМ: по рельсам времени». – СПб, ГМПР, 22 с.

³¹ Гончаренко О.Г. Русский Харбин. – М.: Вече, 2009. – 256 с.

³² Харбинцы русские и советские/Гончаренко О.Г. Русский Харбин – М.: Вече, 2009. – 197 с.

в апреле 1974 года. А 8 июля того же года было разработано постановление Совета Министров о возобновлении строительства. В результате за годы строительства БАМа на стройку в «ГлавБАМстрой» было направлено около 45 тысяч человек. А 1978 году рабочих стройки посетил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев и по поручению его визиты на стройку совершили и другие высшие представители партийно-государственного аппарата страны.

Возобновление строительства БАМа было обусловлено не только обустройством Сибири и освоением её богатств: пушнины и леса, от редких и ценных для промышленности металлов до золота и алмазов, но и угрозами вооружённого конфликта с Китаем. Для ускорения проектирование трассы БАМа было разбито на несколько участков. Их Генподрядчиками стали: Ленгипротранс, Сибгипротранс, Дальгипротранс, Мосгипротранс и Томгипротранс.

Ленгипротрансу было поручено спроектировать участок Чара-Тында протяжённостью 631 км, с использованием предварительных изысканий начатых ещё в 30-е годы. При невероятных трудностях этого строительства его атмосфера была проникнута романтикой Сибири и энтузиазмом молодёжи. Приведём высказывание Председателя Совета ленинградских ветеранов А.Д. Кошкина, - «Для нас БАМ — это целая жизнь. Каждый боец ленинградского отряда приобрёл закалку и укрепил характер. У нас появилось много настоящих друзей, рождались семьи и дети. У нас по-разному сложились судьбы, но всех нас объединяет эта магистраль». В первом сводном отряде из Ленинграда было 210 человек. Отряд во главе с командиром В.П. Зинкевичем и комиссаром А.Д. Кошкиным приступил к работе в посёлках Уоян и Северобайкальск.

Специалисты Ленметрогипротранса и его филиала на БАМе под руководством А.И. Салана проектировали крупнейшие в Азии 7-километровый Байкальский и 15-километровый Северомуйский тоннели. Их строил их отряд управления «БАМтоннельстрой». На своём пути трасса БАМа длиной 4265 км прошла через 7 горных хребтов и

пересекла 11 крупных рек, и на ней было устроено более 200 станций. Отметим, что на трассе не было отрезка сложнее, чем Бурятский участок БАМа, и этот участок заслуженно называли ленинградским. По проектам ленинградских архитекторов треста Ленинградского «БАМстрой» возводился город Северобайкальск. А московский отряд внёс значительный вклад в строительство столицы БАМа Тынды.

Кроме отрядов из «комсомольцев-добровольцев» в прокладке трассы и строительстве принимали участие военные строители. На протяжённости БАМа от Тынды и до Комсомольска-на-Амуре — 1470 км строили военные железнодорожники и строители Вооружённых сил страны.

В результате 29 сентября 1984 года, наконец, сомкнулись восточное и западное направление БАМа, а 1 октября на станции Куанда состоялся торжественный митинг, во время которого было уложено «золотое звено», и таким образом было открыто рабочее движение поездов на всём протяжении магистрали.

Однако в период кризиса и распада СССР магистраль стала объектом критики, и журналисты изощрались в изобретении наименований БАМу: «дорога в никуда», «чёрная дыра» или «символ эпохи застоя». Однако постепенно страна стала выходить из кризиса и обретать здравый смысл «сшив стальными стержнями необъятное пространство России».

В декабре 2003 года после осуществления тоннеля под Северо-Муйским хребтом уже можно сказать об окончании эпопеи строительства БАМа. Сегодня уже отечественные и зарубежные эксперты обратили внимание на огромный ресурсный потенциал Сибири, где сосредоточено около 80 % природных богатств Российской Федерации. Эта грандиозная эпопея протяжённостью более ста лет, и ставшая жертвой для многих наших соотечественников не должна быть забыта потомками. Не менее важным является и масштаб этого осуществлённого в натуре грандиозного евразийского ж/д проекта — транзита протяжённостью во всю Россию с запада на восток.

Ю. Л. ГЕРАСКИН, Санкт-Петербург

Вечное лето и работы вечерней зари

Информационная революция, связанная с широким использованием мониторов (компьютер, телевизор и т. д.), принесла кибернетические миражи.

Эти духовные наркотики развивают у подростков увлечение виртуальными играми, а у взрослых — появляется страстная привязанность к просмотрам нескончаемых сериалов и клонов стирок. Когда нейроны мозга задействованы лишь на треть. А визуальные ряды порождают монстров.

С чего начался закат западной цивилизации и вырождение русского этноса? Возможно, с семейного образа жизни в виде простого замещения, если в семье – только два ребенка, в других же расах две трети семей имеют трех и более детей. Или манипуляций с часовыми стрелками в начале прошлого века – «Опережая пространство и время».

В зрелом возрасте человек привыкает к ежегодному чередованию времен года и потому трудно переносит мнимое и назначенное (в 2011 г.), призрачное и ложное лето в любой другой сезон. Это у ребенка пластичная нервная система.

В сельском хозяйстве России – проблемы в животноводстве и в последний год снизились удои молока у коров.

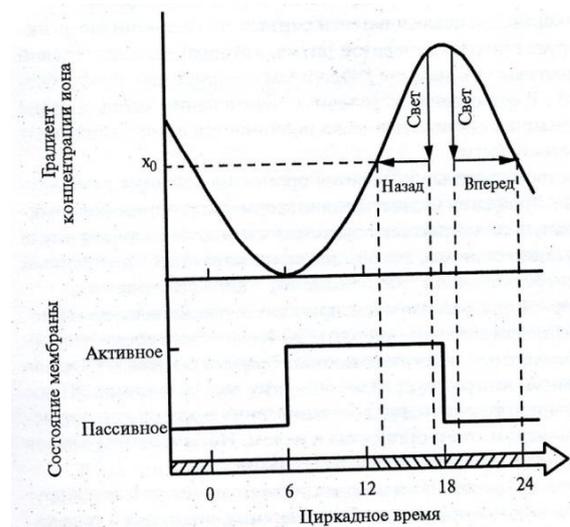
Как зимой, когда много покоя и должно быть много воды, соблюсти особенности летнего сезона. А это высокое потребление кислорода воздуха, тепло солнечных лучей и ярко выраженный фотосинтез дыхательного пигмента человека, длинный день и короткая ночь.

Мягкое воздействие видимого света при сдвиге времени назад смотрите ниже. Однако зачем белые люди целый век манипулируют часами, передвигая время вперед, а это уже против часовой стрелки труднее переносится организмом. «Ничто не властно над временем».

Гипотеза биологических ритмов связана с состоянием клеточных мембран. Что это – причуда Природы или явление, обусловленное химическими процессами? Э. Маршелл объяснял существование биоритмов с помощью повторяемости изменений состояний, возникающих при прохождении белковых мембран катионами калия или натрия. Цикличность процессов организма регулируется состоянием липидно-белковых мембран и их проницаемостью для ионов одновалентного калия.

На рисунке световой импульс в вечерние сумерки, наложенный сразу после 18 ч, сдвигает «часы» организма вперед. Жидкостно-мозаичная мембрана может обеспечить колебания трансмембранного градиента, служащего основой циркадианных ритмов, – при действии света дорога потоку ионов положительного калия открыта. Вот где определяется влияние света на фазовые состояния перевода «часов» в реальных системах.

Большинство исследователей считает, что у человека функционирует генератор ритма. Он навязывает свой ритм другим системам организма, не способным генерировать собственный. В естественных условиях чередования света и тьмы подобная околосуточная система человека подчиняется принудительному 24-часовому ритму, запаздывая по часовой стрелке на 50 минут. Что безболезненно для организма, так как скрадывается за три недели.

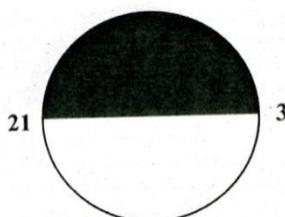

Кроме того, в северной стране давно наблюдается опасная тенденция внедрения вахтовых работ. Как и перемещения развлечений от шоу-бизнеса на ночное время с 21 до 3 часов, если полночь в 24 ч. Все это отрицательно сказывается на отдыхе россиян в угоду бодрствования. Ведь сон не вовремя и без физиологической подготовки к нему не может в полной мере восстановить психофизический потенциал часто не высыпающих граждан. А главное, россияне не соблюдают правильный образ жизни, заданный природными ритмами и совпадающий с ними. Ничто не властно над временем!

Неестественный график дневных с 9 ч. и вечерних с 15 ч. смен работы горожан на предприятиях и в учреждениях, как и такая жизнь **против** часовой стрелки свидетельствуют, что каждый *четвертый* не может адаптироваться к постоянно меняющемуся регламенту деятельности. Отсюда явное несоответствие и беспорядок во времени и с трудом, и с отдыхом. К нездоровым признакам урбанизма добавляется противоестественная фаза активности сутки напролет, как ночная смена распорядок жизни. Утренний сон от 3 до 9 ч может ухудшить процесс биосинтеза клеток организма и сократить продолжительность жизни горожан. Потому что биологические ритмы организма захватываются близкими по частоте внешними периодическими колебаниями, навязанными социумом.

Издавна ночные дежурства применялись охранниками и медиками. За сто пятьдесят лет круглосуточная цивилизация, как «культура жизни», расширилась: в мире до 20 процентов, а в США – уже четверть населения не соблюдает природный режим земной жизни, однако исключительно по производственной необходимости или по произволу некоторых категорий населения богемно-будуарного образа жизни в зависимости от начала представлений, хотя чаще с 19 ч.

Отдельно отметим буколический или пастушеский, сельский образ жизни с 4:30 до 21 ч, длящийся от полугодия до 9-10 месяцев. А зимой покой и сон – время насыщения клеток водой. Гигиеническая потребность в естественном утреннем бодрствовании до 9 ч и дневном видимом белом свете не только до 15 ч прирастает эффективностью труда.

На рисунке черная полусфера обозначает незаменимый **отрезок** отдыха, но в темноте для достижения реституции человека

А как далеки россияне от Природы!? – Три четверти наших граждан живет в городах, где воздух на два порядка хуже, чем в деревнях!? Питаются они без соответствия сезону года и мало двигаются. Нет ни режима дня, ни жизненного уклада на необъятном пространстве почти неосвоенных земель РФ.

В новом веке происходит тотальная потеря здоровья горожанами, не обращающих внимания на гигиену психической жизни. Придерживаясь простых правил, известных с детства, любой улучшит свое здоровье и продлит срок активной жизни.

Электромагнитные колебания организма человека резонируют. В институте информатики В.Н. Трифанов определял функциональную гармонию как соразмерность этапов в едином цикле деятельности системы. Где обозначен не затратный естественный принцип резонансной *синхронизации* этапов его единства. Автор считал резонансный принцип функциональной гармонии основой нормы здоровья нормы и здорового образа жизни (ЗОЖ). В абсолютных значениях активная работа составляет 9 часов и активный отдых тоже 9 часов – два резонатора. Плюс 9 часов ночного сна для восстановления нормальной жизнедеятельности мозга и всего организма в целом. Правда, за вычетом 3 часов мезопериода совместного труда и отдохновения. В суточном хронологическом цикле периоды относятся друг к другу в золотой пропорции 2:1.

Отдых и работа находятся именно в таких соотношениях. Так, продолжительность отдыха человека всегда должна быть вдвое больше длительности труда вместе с обеденным перерывом. Первое правило землян – совпадение жизненного цикла их организма с природным ритмом. *Синхронизация* – чудо Природы (С.М. Иванов)!

Биохимия фотосинтеза растений и животных имеет много общего по особенностям потребления

энергии, за исключением конечного результата. Дыхательный пигмент человека, содержащейся в эритроцитах крови, осуществляет транспорт молекулярного кислорода из легких к тканям. По химической структуре он почти сходен с хлорофиллом растений.

Мерило времени – движение дневного светила. Самая меньшая тень царя Природы наблюдается в полдень. Поэтому биологический день, по критерию полдень, простирается от 9 до 15 ч. И обратно границы с 21 до 3 ч – вот незаменимый только **отрезок** ночного сна и основа оптимальной реституции ресурсов человека. В нордической стране и столице Арктики – приполярном Петербурге, необходимо блюсти сезоны года и межсезонья. А как не нарушать жировой обмен организма горожан? Выполнять световые характеристики сезона.

Все ли мы «ходим» под Солнцем? По азбуке здоровья рекомендуется при работе в офисе физкультура по полчаса пять раз в неделю или спорт по 50 минут через день. Так как диететика как образ жизни предполагает в северном полушарии и наших широтах девять месяцев в году высокую двигательную активность (В. В. Волков). Зимой северянам автор рекомендует сон лежа в постели от 21 до 9 ч – то есть ночь плюс биологическое утро. Однако наложен пост на соль и крахмал. В светлое время суток – прогулки до 10000 шагов и вечерняя гимнастика в медленном темпе. Прием жидкости может быть не более 2,5 л. Летом же другая ситуация: пост на глюкозу и воду – питьевой режим ограничивается более чем в два с половиной раза. Так как много овощей и фруктов, ягод и бахчевых, аккумулировавших энергию Солнца. Молекулярная жидкость которых структурно близка таковой у человека (В.В. Волков). «Есть и пить нужно столько, чтобы наши силы восстанавливать, а не подавлять их (М.Т. Цицерон).

Но всегда ли россияне выполняют, с древности заданную, естественную световую программу по Биологическим часам Земли (В.В. Волков). Для качественного фотосинтеза для дыхательного пигмента.

Сегодня в крупных городах наблюдается отрицательный «биоприрод» и вопрос обеспечения воспроизводства хозяйства решается за счет миграции молодежи из экоселений (агрокотидов).

До изобретения электричества люди существовали в оптимальных, наилучших условиях по времени и в экологически чистом пространстве. Земляне потребляли продукты, растущие в местах их естественного обитания. *Независимо от национальности, а в строгом соответствии со своим цветом кожи.*

Паритет естественного света и тьмы на протяжении **года** в жизни человека соблюдался, хотя оставался вопрос с *ежедневным* регламентом жизни

при колебаниях видимого белого света по сезонам от 7 ч зимой и до 17-23:30 ч летом. // Одна зоря сменить другую спешу, дав ночи полчаса // . В борьбе с натиском света совсем не вовремя в «белые» ночи необходим прием гормона сна мелатонина в форме биодобавки. – Для нормализации режима жизни россиян на северо-западе.

Нам всегда помогала ориентация на солнечный распорядок. – **Естественное** освещение утром и днем, особенно в весенне-летнее полугодие, на порядок выше в работе горожан – при чтении и письме (В.П. Рыбаков). Потому-то современные концепции естествознания делают упор в здоровом образе жизни на своевременном сне (В.И. Торосян). И обязательно биологической ночью. Когда же? Практический отход ко сну с 21 ч. Как опорная точка в жизни Природы – заход дневного светила для отдохновения в сельском образе жизни. Но это второе правило в жизни горожан или ключ познания природного ритма. В противном случае – ошибка, если не преступление.

Реакция людей разного цвета кожи на действие Солнца различна. А ведь кожа – самый большой орган человека с площадью около двух квадратных метров. Вся история человечества свидетельствует, что бодрствование и физиологическая активность в свое время делают труд эффективнее именно при естественном освещении, а глубокий и здоровый сон – лишь в биологическую ночь, полноценным при полной темноте. Основной ритм человека – цикл сон/бодрствование – жестко привязан к чередованию освещенности. Или смене дня и ночи каждые 24 ч, как на Марсе. Все хорошо **вовремя**, если у землянина биологические ритмы синхронизированы, полностью совпадая с природными ритмами. Тогда и жизнедеятельность организма протекает оптимально. Если бы не реалии цивилизации, социума!?

Сто лет назад 65 стран, государств с высокой исполнительской дисциплиной труда, с целью увеличения светового периода в жизни европейцев и экономии электричества решили опережать среднее поясное время своей местности на час в течение лета. А затем и семь месяцев. Почему Восток не воспринял англо-германские экзерсисы?

В России другой менталитет и этот эксперимент против часовой стрелки был трансформирован вводом круглогодичного **декретного** часа с 1930 г.!? Таким образом, поколения наших людей, рожденные после года Великого перелома, опережали Природу на час, а с учетом так называемого летнего времени от 1981 г и на два. Почему же только несколько государств были солидарны с нами в противоестественном двухчасовом «забегании вперед Природы»? И вопреки наследственному земному ритму!

В восьмой части суши, где так и остались две трети территории в зоне вечной мерзлоты и полосах

рискованного земледелия. Как быть с повышенным холестерином? Можно понять перевод стрелок часов, но *летом, южнее широты Москвы – 55 параллели*. Зимой на северо-западе световой день коротыш и подобный сдвиг по фазе еще сильнее смещает естественный, тысячелетиями принятый биологический ритм россиян. Приводя к сшибке высшей нервной деятельности и сбою программы оздоровления всего организма? Ряд областей страны явочным порядком отменил декретный час.

Но и возврат к поясному зимнему времени, к чему призывал Волков в 2002 г., а также ряд ученых, не решит всех проблем. Так как за прошедшие годы наши люди ушли от уклада жизни и забыли правила ЗОЖ, совершая ошибки с использованием Солнца и воздуха, а пищи и воды – без учета сезона. Но государство извратило подобным смещением времени ночной сон и горожане потеряли биологическое утро с 3 до 9 ч!? Продолжительность ночного отдыха определяется по старой формуле: час сна до полуночи в 2-3 раза ценнее, чем после нее. «Ночные» гормоны действуют в темноте именно от 21 и даже до 4:30 ч. Сон просветляет мозг и приходят новые идеи лишь после сна в это время. Физиологи и геронтологи определили с 4 до 7-8 ч. полную готовность организма к пробуждению (Н.И. Моисеева, Жозель де Росней).

Но у сибиряков от 8:30 до 9:30 наблюдается первый спад физического тонуса и работоспособности по определению Л. Я. Глыбина.

Не все утро вредно трудиться до 9 ч, а только на стыке утра и дня плюс минус 30 минут.

Временной разлад цикла сон/бодрствование приводит к нарушению распорядка труда и отдыха, питания и питья, отсюда постоянное перевозбуждение центральной нервной системы россиян. В стрессогенной урбанистической среде горожанам срочно нужна психофизиологическая защите со строгим разграничением суток для нормального функционирования организма, по ритуальным правилам, без нынешних ошибок в психогигиене.

Продукты питания должны производиться на территории их потребления, связанной с русской Природой, при естественном оздоровлении образа жизни.

Литература

1. Апрельев П.В. ВРЕМЯ. Стрелки часов и наше здоровье. – СПб., 2006.
2. Волков В.В. Водород против старения, болезней, смерти. – СПб., 1998.
3. Гераскин Ю.Л. Способы (ключи) познания ритмов жизни // Материалы Всероссийской научной конференции «Современные проблемы физкультуры и спорта» – СПб., 2003.

4. Гераскин Ю. Л. Оптимальный ОЖ самосохранения здоровья // Формирование человека новой эпохи: Материалы международной научной конференции. – СПб.: СПбГАУ, 2012.

5. Гераскин Ю.Л. Солнечный распорядок в оздоровлении человека // Россия перед лицом глобализации: Материалы международной научной конференции – СПб.: СПбГАУ,, 2013.

6. Глыбин Л. Я. Когда ложиться спать. – Владивосток, 1981.

7. Данько Ю. И. Очерки физиологии физических упражнений – Л., 1974.

8. Дмитриева К. В. Биологические ритмы женщины. – СПб., 2003.

9. Иванов С. М. Ритмы нашей жизни. – М., 1981.

10. Маршелл Э. Биофизическая химия. – М., 1981. – том 1.

11. Трифанов В. Н. В книге Суботты А. Г. «Гармония движения, золотое сечение и здоровье». – СПб., 2003.

СОДЕРЖАНИЕ**ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ**

ЕФИМОВ В.А.	Миссия русской цивилизации в эпоху глобализации	3
САНТОШ Б.К.	Духовность в мире глобальных перемен	8
ВЕЛИЧКО, М.В. ЗАЗНОБИН В.М.	Нравственно-психологическая подоплёка национальных взаимоотношений в процессе глобализации	12
НИКИТЕНКО П.Г.	Международная ноосферная мировоззренческая модель созидательного устойчивого социально-экономического развития	18
ВЕЛИЧКО М.В., ЗАЗНОБИН В.М.	О социальной сущности фашизма и путях его преодоления в современных условиях	25
СУГАКОВА Л.И.	Отношение петербургских студентов к событиям на Украине (после воссоединения Крыма с Россией)	31

Секция № 1**Национальное взаимодействие в процессе цивилизационного развития**

СОЛОНЬКО И.В.	Русский мир в условиях глобализации	33
ГОРОДНИНА О.С.	Сотрудничество государства и гражданского общества как актуальная проблема отечественной науки и практики	37
ВОЛКОВА Е.В.	Модернизация политической системы: в оценках зарубежных и российских исследователей	41
БАРАНЕЦ С.Н.	Несостоявшееся открытие М.Вебера: Об основаниях цивилизационной идентичности российской модели развития	46
КОЛЕСОВ В.И., КРАСНОВА М.В.	Культура здоровья как интегратор проблем современной молодёжи в ноосферной образовательной реальности в обновлённой России	52
БАШИМОВ Д.	СМИ как фактор формирования общественного мнения	56
ПЕТРОВ Н.В.	Физическая определённость понятия – патриот, патриотизм, нация, нацизм	58
КОЛЕСОВ В. И.	Построение модели безопасности школьной среды в социально-психологических исследованиях в обновлённой России	64
РЕПИН А.И.	Владимир Соловьев о равновесии личного и общественного: ретроспектива идеи нравственного государства	69
ЕФРЕМОВА Ю.Ю.	Легитимация институтов политической власти: российский опыт	73

Секция № 2**Русская литература XIX века и геополитические перспективы Русского мира**

САПУНОВ В.Б.	Основы мировой славы Ф.М. Достоевского	77
КВИЦИНИЯ М.Б.	Кавказ в творчестве М.Ю. Лермонтова: философский аспект	80
КОЖУРИН А.Я.	Философия поэзии и поэзия философии: Пушкин и Тютчев в розановском восприятии	84

АЛЯБЬЕВА З.С., АЛЯБЬЕВА С.В.	Феноменология совести в русском философском дискурсе 19-21 вв.	91
КУТЫКОВА И.В.	Социокультурный феномен русского мира. Историческое сознание молодежи постсоветской истории и философско-историческое наследие отечественных мыслителей рубежа XIX-XX веков	95
НОМОКОНОВ В.Н.	О некоторых духовно-нравственных аспектах русской поэзии XIX века	99
ОРОПАЙ А.Ф.	Топика культуры и пространство войны в «войне и мире» Л.Н. Толстого	105
КОСТЫЛЕВ А.В., СЕМЕНОВА Р.Д.	Матрица российского культурно-исторического процесса в «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина	108
ДИЖУР Р.	О самом очевидном законе духа, или о том, что каждый индивидуум понимает универсальное индивидуально	114
ЧОЙРОПОВ, Ц.Ц., ЧОЙРОПОВА Т.Ц.	О пушкинском символическом образе «Народ безмолвствует»	116
ШИШКИНА- ЯРМОЛЕНКО Л.С.	Социальный дизайн, по Гоголю	119
ШАБАЛИНА А.Е.	Природа социально-нравственных конфликтов в творчестве Ф.М. Достоевского	123
МИГУЛЕВА М.В.	О понимании свободы совести	125
РЕЗЛЕР В.М.	Социально-философские воззрения анархизма в русской культуре XIX века	126

Секция № 3

Значение продовольственной безопасности России

СМЕКАЛОВ П.В., КУЗЬМИНА О.В.	Формы и виды государственной поддержки предприятий АПК в условиях ВТО	129
СМЕКАЛОВ П.В., КОСЯКОВА Л.Н.	Организационно-экономический механизм регулирования интеграционных процессов в АПК	130
ЯРМОЛЕНКО А.Д.	Проблема европейского транзита: КВЖД - БАМ	132
ГЕРАСКИН Ю.Л.	Вечное лето и роботы вечерней зари	135
